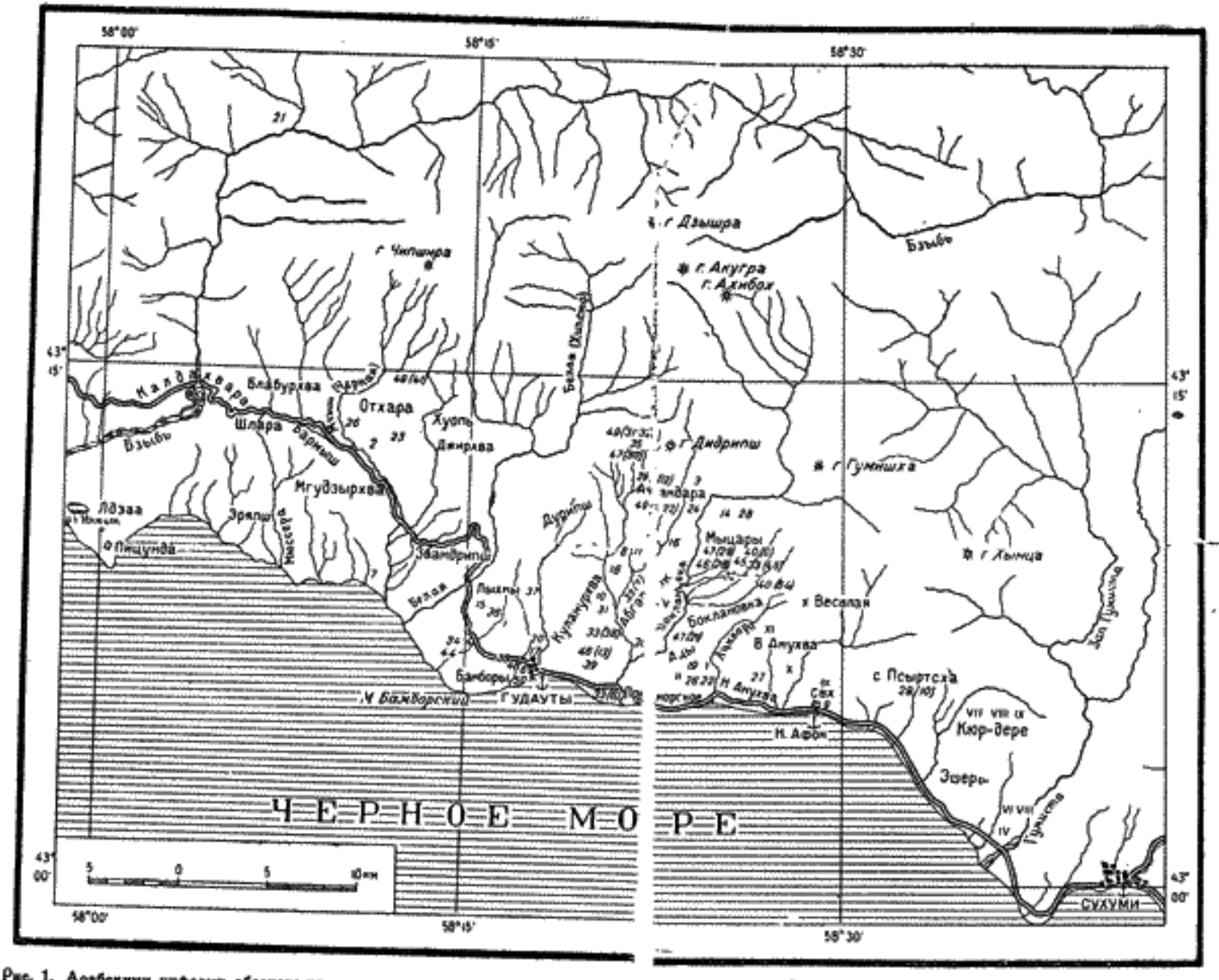


Рис. 1. Арабскими цифрами обозначены места находок, вошедших в собрание а
в одном разделе находок из разных мест, к номеру раздела в скобках добавлен
ческий материал, находящийся в Гос. музее Абхази

втора, соответственно номерам (разделам) описания. При объединении
номер авторского каталога. Римскими цифрами обозначен археологи
в соответствии с перечнем на стр. 22—23.

А. Л. ЛУКИН

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ БЗЫБСКОЙ АБХАЗИИ

Бзыбская Абхазия, лежащая между реками Бзыбь и Гумиста, как и все Черноморское побережье Кавказа, является местом непрерывного обитания человека с древнейших времен. Об этом говорит наличие обильных материальных остатков, представляющих все стадии общественного развития.

Здесь имеются: богатый палеолит [1] различных периодов, дольмены с медным инвентарем, [2] обильная бронза, аналогичная „Кобани" и материалу других синстадиальных очагов северного Кавказа и западного Закавказья; имеются вещественные памятники эллинского и эллинистического времени и средневековья. Правда, мы пока еще не имеем полированных каменных орудий, но если принять во внимание, что подлинное изучение края только еще начинается, то мы совершенно вправе ждать заполнения и этого пробела.

Неосвоенный археологический фонд Абхазии огромен. Однако, непрерывно пополняясь объектами, утратившими свои первичные функции, этот фонд в то же время терпит безостановочную убыль. Химические процессы, усиливаемые условиями влажного субтропического климата Абхазии, привели к тому, что ранняя медь, раннее железо и самые мелкие поделки из бронзы могут быть встречены лишь как случайность. Геологические процессы, вообще очень интенсивные на Кавказе, также сказались на памятниках Абхазии. Оползание целых площадей, размывы склонов и берегов много-

---

[1] С. Н. Замятнин, Палеолит Абхазии, Труды Института Абхазской Культуры АНСССР, вып. X, Сухуми 1937, стр. 10.

[2] Экспедиция академика Мещанинова в 1934 г. и экспед. Инст. Абх. Культуры АН в 1937 г.

численных речек, опускание морского берега и действие на него прибоя, разрушили или сделали недоступными огромную долю археологического наследия.

Все же роль наиболее действенного фактора в уменьшении указанного фонда принадлежит человеку. Эта роль осуществлялась в ходе земледельческих, шоссейных, железнодорожных работ и т. д. В этом порядке был снесен без исследования единственный в районе курган, находившийся в Бзыбском ущелье и пользовавшийся у населения известностью, как „могила великана" („adouə izərta"). Одинокое достоверное о нем сообщение из прошлого говорит об извлечении из него местными жителями мраморной плиты. Теперь по этому месту легло шоссе на озеро Рица.

В результате умысла, ради экономии труда, как показывают наблюдения, руины снова становились строительным материалом—или в виде тех же блоков и камня для кладки,[1] или как заготовленная из них известь.[2] Долменные плиты обращались в строительный камень; из них высекались надгробия, или куски их шли на подкладки под углы сельских построек и т. д. Медь и бронза переплавлялись для текущих нужд; что не находило применения разламывалось и выбрасывалось. Изделия из золота прятались и хранились втайне. Даже за последние полвека немало ценных украшений было вывезено из района на продажу в Батуми и Одессу. В первые годы революции, еще до установления Советской власти, в Абхазии появились скупщики, повидимому агенты иностранных антикварных предприятий, поощрявшие предприимчивых к хищническим раскопкам.

Вот в общих чертах картина систематической убыли ценного научного материала. Большинство указанных разрушительных факторов действует и в настоящее время, причем некоторые из них неизбежно усиливаются (механизация почвообработки, усиление дорожного строительства и т. д.).

Отмечаю, что в Абхазии процесс уничтожения исторических „вещественных доказательств" идет быстрее процесса их изучения. Из вещей, открытых населением, очень незначительный процент обратился в научный материал.

Слабые и разрозненные попытки группировать на месте археологический материал для научных целей восходят ко временам не ранее 60-х годов прошлого столетия. Следов от этих попыток, кроме скупых литературных упоминаний, не

---

[1] Напр. использование облицовочных блоков Лыхнынского храма в кладке соседнего дворца.

[2] Напр. известная, уже в наши дни, попытка взорвать для такой надобности руину храма в ур. Амбара.

осталось. В 1904 году я нашел в сказанном отношении в Сухуми чистое место. Источником ближайших сведений здесь являлся уже одряхлевший В. И. Чернявский, большой оригинал, насыщенный археологической фантастикой и овеянный суеверными рассказами жителей. Вообще же попечение об археологическом материале поддерживалось окружной администрацией, путем пополнения подарками коллекций меценатствовавших высоких особ, и рвением полиции в деле отсылки попадавших в ее кругозор находок по предписанным адресам.

Начало систематического сбора, разведки и музейного хранения местного археологического материала заложено было в 1926 году двумя сотрудниками б. Абхазского Научного Об-ва, краеведами В. И. Стражевым и М. М. Иващенко, работавшими постоянно в Сухуми до начала 30-х годов.[1]

В дальнейшем фонд Сухумского музея начал, кроме подъемных находок, пополняться и раскопочными материалами специальных экспедиций и ныне краеведческий музей Абхазии является самостоятельным научным учреждением.

Все сказанное в общих чертах обрисовывает обстановку, в которой я, без полномочий, средств и специальных знаний, на протяжении 30 лет, собрал свою небольшую, издаваемую в настоящей статье, коллекцию древностей.

При мало-мальски благоприятных условиях работы, это собрание могло бы быть во много раз больше и показательнее. Большинство вещей поступило в мое распоряжение от пациентов-крестьян, непосредственных их находчиков. Остальное—это предметы полученные в дар и частью — покупки.

В следующем дальше очерке вниманию читателя в основном предлагаются медные и бронзовые изделия с сопутствующими предметами, могущие частично характеризовать культуру населения Бзыбской Абхазии примерно II и I тысячелетий до х. э. В систематизации материала пользуюсь предложенным А. А. Иессен делением вещевых памятников указанной эпохи на условные этапы, вполне пока нас устраивающим.[2] Вопрос синхронности общественного развития по этапам для Северного Кавказа, Абхазии и других частей Закавказья этим делением, естественно, не предрешается.

Прочие вещи описываемого собрания, выходящие хронологически за рамки основного материала, даны или в виду их особого интереса, или по связи с некоторыми вопросами, возникающими в отношении основного инвентаря.

---

[1] В. И. Стражев, Бронзовая культура в Абхазии, Известия Абх. Научн. Общества, Вып. IV, Сухум 1926, стр. 106.

[2] А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 77—78.

Вещи собрания, одиночные или в небольших комплексах, являются—в преобладающей части—случайными находками, но строго отобранными, проверенными и безусловно достоверными. Весь сомнительный материал отброшен.

Многим археологам это небольшое собрание давно известно. Его знали работники Абхазского научного общества.[1] Оно частью демонстрировалось на первом съезде деятелей по краеведению в г. Сухуми в 1924 г.,[2] обратив на себя внимание Б. В. Фармаковскаго и Н. Я. Марра, еще тогда настаивавшего на издании этого материала и в каждую из последующих редких встреч со мною неизменно осведомлявшегося о характере дальнейших находок. В 1934 г. мое собрание было осмотрено экспедицией акад. И. И. Мещанинова и в 1935 г.—экспедицией А. А. Иессена.

Многие мысли и соображения, связанные с моими находками, свежие и злободневные в свое время, благодаря утрате темпа в опубликовании уже сделались обтертой монетой, но все же осуществление издания оставалось необходимостью, ибо „истина высекается не из ученого, а из материалов".[3]

Если я решаюсь коснуться вопроса о методике применительно к настоящей статье, описательной по преимуществу, то в первую очередь в силу сложившегося у меня мнения, что научная значимость археологического материала, не только раскопочного, но и подъемного, в значительной степени определяется идеологическим профилем „первых рук".

В этой связи несколько слов о том, как я сделался партизаном археологического фронта.

Еще в юности, через Льюиса Моргана и марксистскую литературу, я пришел к древнейшим эпохам истории, к питающим изучение этих эпох корням,—археологии и палео-этнографии. И позже всегда сохранялась потребность, хотя бы „между делом", быть полезным подлинной исторической науке. В результате специфических условий моей долголетней жизни в Абхазии это выражается попыткой содействия специалистам в раскрытии истории древнего населения этой страны путем сохранения местного археологического материала, фиксации связанных с ним личных наблюдений и этнографической работы.

Протекавшая в одиночестве работа над археологическим материалом научила меня различать в каждой вещи ее форму

---

[1] В. И. Стражев, ук. соч., стр. 107.

[2] Бюллетень распорядит. комитета первого съезда деятелей по краеведению в г. Сухуми. № 3, Абх. Научн. о-во, Сухуми, 1924, стр. 27.

[3] Н. Я. Марр, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент, Избранные работы, т. I, Л. 1933, стр. 121.

и содержание, т. е. функцию, обусловленную потребностями общества. Прогресс материальной культуры я понимаю как диалектическую смену вещей, как непрерывное воплощение повышающегося содержания в новые формы. Соответственно этому, основной задачей археологической науки я считаю выяснение связанных с развитием общества закономерностей возникновения и преемственного развития функционировавших вещевых форм и образования из них изменчивых в своем составе бытовых комплексов. Фиксация отмерших форм — это в нашей работе побочный продукт. Основное в том, чтобы, перефразируя Гюго, при посредстве остатков материальной культуры воскрешать прошлое на пользу настоящему.

Из единства созидательного процесса человечества вытекает, естественно, и единство вещетворчества, использующего одни и те же материалы, один и тот же путь возникновения форм на соответствующем уровне производительных сил.

Вот вкратце, хотя и навеянные теорией, но по существу в длительном общении с вещевыми памятниками выношенные положения, определяющие мое отношение к исследованию остатков древности.

Здесь, собственно, в наличии только еще горячее желание овладеть методом и поэтому возможны промахи, но здесь же и далеко не единичное подтверждение того, что уже и рядовые краеведы у нас бьются над овладением единственно научной теорией, обещая в процессе дальнейшей работы совершенствовать ее освоение и применение.

Второе обстоятельство, вынуждающее меня говорить о методике, кроется в тех высоких требованиях, которые должны обеспечить нашей советской археологии ее дальнейшее развитие.

Строго проверенный отбор подъемного материала с обязательным доследованием мест находок. Продуманная подготовка экспедиций. Тщательность и полнота раскопочных работ, сопровождаемых исчерпывающей фиксацией документальной и графической при попутном всестороннем изучении материала in situ. Применение надежных методов консервации в поле. Систематичность раскопочного обследования территории. Надежность паспортизации, этикетажа и хранения материала. Комплексное его изучение в увязке с этнографией, фольклором, языковедением, химией, технологией и другими дисциплинами. Сравнительное с другими районами Кавказа изучение материала.

Независимо от научных потребностей текущего дня, весь вещевой материал должен иметь такую полноту фактической обработки, чтобы и в следующих поколениях, при более со-

вершенных методах исследования, он не терял своей научной ценности.

Верно, что все эти требования давно известны, но в моем кругозоре они плохо еще осуществляются. Поэтому предъявляю сказанное как счет соответствующим научным учреждениям и археологам, связанным своими исследованиями с Абхазией.

На сегодняшний день археологические находки, происходящие с территории Бзыбской Абхазии, известны в относительно небольшом количестве. Кроме описанного ниже материала, собранного автором, довольно значительное собрание находится в Гос. музее Абхазии в Сухуми, тогда как в других музеях и собраниях имеются лишь единичные предметы.

В Сухумском собрании находятся следующие группы вещественного инвентаря интересующего нас времени:

I — Восточная окраина села Приморского, бывшего Петропавловского (участок Репяха). Ряд находок бронзовых предметов, видимо из погребений.[1]

II — Западная окраина с. Приморского (участок Бахмача). Ряд таких же находок.[2]

III — Новый Афон; вершина горы со спуском для дров: бронзовый наконечник копья.[3]

IV — „Курган в сел. Эшеры". Три бронзовых фигурных украшения.[4] Пользуюсь случаем отметить, что происхождение первых двух украшений считаю сомнительным. Они скорее всего относятся к небольшой группе вещей, перешедших в инвентарь музея от существовавшего в Сухуми в довоенные годы „кружка любителей древностей и населения".

V — Сел. Абгархук, 1927 г. Бронзовые браслеты и гривна, инв. № 1290 (1—3).

VI — Сел. Эшеры. Инвентарь погребений в урнах. Находки 1930 года.[5]

---

[1] В. И. Стражев, ук. соч., стр. 110—112 (№№ 4—7, 9—11, 14, 15, 18, 23 и 26).

[2] Там же (№№ 13, 16, 17, 20).

[3] Там же (№ 12).

[4] Там же (№ 24).

[5] М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Известия н.-иссл. института Кавказоведения, вып. 3, Тифлис 1935, стр. 58—63; M. M. Ivaščenko, Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens, Eurasia Septentrionalis Antiqua, VII, Helsinki 1932, стр. 103—108; также наконечник копья, инв. № 1229.

VII — Куру-дере, Эшерского с/с. Инвентарь долменов 1930 года.[1]

VIII — Куру-дере и Эшеры. Материал экспедиции акад. И. И. Мещанинова 1934 года, гл. обр. долменный (не издан).

IX — Куру-дере. Материал экспедиции проф. Б. А. Куфтина 1937 года, по преимуществу долменный (не издан).

X — Новый Афон (за Иверской горой). Два браслета с квадратными вздутиями (№ 1668) и четыре браслета с конусно-утолщенными концами.

XI — Сел. Анухва - Армянская. Целый ряд бронзовых предметов (№ 1283—шейный обруч; 1284—браслет. Поселок Чобанлук: № 1637/115 — кинжал и топор; №№ 2168—2190—группа бронз).

Учитывая весь известный сейчас материал, долголетние наблюдения позволяют придти к следующему заключению относительно степени насыщенности отдельных мест Бзыбской Абхазии археологическими остатками, относящимися ко временам до христианской эры (*рис. 1*).

На первое место выдвигается селение Приморское, расположенное концами своей верхней улицы на могильниках бронзового века (III этапа). При углубленном исследовании отсюда может быть получен обильный материал.

Не уступает Приморскому и соседняя Анухва-Армянская, повидимому, также имеющая могильники, содержащие бронзу (например, в поселке Чобанлук).

Территория Эшерского сельсовета изобилует выразительным раскопочным инвентарем, представляющим почти все эпохи от древнего палеолита до раннего средневековья.

Та же характеристика может быть дана селениям Ачандары и отчасти Абгархук, от которого в 1937 г. отделился поселок Куланурхва.

Преемственностью ряда исторических периодов отмечены и находки так наз. „Бамборской поляны", равнинного места, площадью примерно в 6—8 кв. км., лежащего против Бамборского мыса.

Селение Мыцара дает по преимуществу находки конца бронзового века (III этапа) и последующих периодов.

Все перечисленные сельские общества, смежные по своим границам, расположены, включая и сел. Псыртсху (Псыртсхва), полосой вдоль берега, между реками Гумистой и Белой, изобилуя южными и юго-восточными склонами, обычно характеризующими места наиболее значимых находок.

---

[1] Иващенко, ук. соч., стр. 18—31; Ivaščenko, ук. соч., стр. 93—103

Залегание археологического материала, в зависимости от геологической обстановки, встречается самое разнообразное: от поверхностного на смытых буграх и в размывах склонов, и до скрытого на двухметровой и большей глубине в местах, покрытых наносом.

Крупных могильников, на подобие Кобанского, в Бзыбской Абхазии не обнаружено.

От глубокого разбора связи местности с тем или иным видом археологических памятников я вынужден пока воздержаться, так как трудно допустить, чтобы 9 смежных сельских общин (*см. карту*) в действительности оказались в археологическом отношении „белым пятном". Дало же в 1928 г. сел. Мугудзырхва (поселок Аагста) неожиданно очень характерный комплекс бронз, при указаниях на возможность обнаружения там и дальнейших находок.

Приведенный пробел на карте обусловлен прежде всего неравномерностью выявления и огласки находок. Кроме того неполнота археологической характеристики района связана с неизученностью всей прилегающей к главному хребту нагорной полосы, соответствующие места которой до мухаджирства[1] имели свое постоянное население с собственными племенными наименованиями. Не изучены также пещеры района, ацан-гуара[2] и другие памятники.

В последующем изложении описание собранной мною коллекции дано в порядке последовательной характеристики отдельных находок или групп предметов, снабженных сквозной нумерацией (разделы 1—50). Материал в основном сгруппирован по историческим периодам, а именно:

1) Первый этап — конец неолита и начало обработки металла — раздел № 1.

2) Второй этап обработки металла — II тысячелетие до х. э. (период долменов) — разделы №№ 2—6.

3) Третий этап обработки металла — поздний бронзовый век „Кобанской" стадии — рубеж II и начало I тысячелетия до х. э. — разделы №№ 7—29.

4) Позднейшие находки раннего железного века Западного Закавказья и отчасти более позднего времени — разделы №№ 30—50.

Кроме порядкового № раздела везде приведены номера предметов по первоначальному каталогу автора.

---

[1] Вызванное вооруженным давлением царского правительства переселение трудящихся Западного Кавказа в Турцию в 60-х и 70-х годах прошлого столетия.

[2] Своеобразные кольцевидные сооружения из камней, свойственные высокогорным местам Абхазии.

В настоящее время описанные ниже материалы хранятся в разных местах, а именно:

Предметы, описанные в разделах 1—5, 8, 9, 11—14, 16—22, 25, 27—30, 33, 35, 36, 38—50 в 1936 году поступили в Государственный Эрмитаж в Ленинграде. Предметы моего собрания раздела 34 также поступили в Эрмитаж, тогда как часть вещей этой же находки еще с 1913 г. хранится в Историческом Музее в Москве. Находка, описанная под № 7, передана в Государственный музей Абхазии в г. Сухуми. Находки №№ 6, 10, 15, 23, 26, 31, 32 и 37 и фибула, описанная в конце раздела 40 (кат. авт. 64, 6/I), остались у автора, а находка № 24 хранится у частного лица в сел. Ачандары.

ПЕРВЫЙ ЭТАП

1. Наконечник дротика (копья). *Таблица II, 3*, (кат. авт. № 56). Коричневатый кремень. Дл. 8,2 см, шир. 3 см, наибольшая толщина 0,8 см. Найден на Бамборской поляне, севернее нового шоссе, во время корчевки.

По указанию А. А. Иессена наконечники этого типа в большом количестве известны в Западном Закавказьи. На Северном Кавказе такие наконечники не отмечены.

Второй экземпляр, из местности „Волчья балка" („Волчий ручей") под Сухуми, хранится в Госмузее Абхазии и упомянут у М. М. Иващенко как наконечник стрелы.[1]

Третий экземпляр был найден на территории гор. Гудауты, в низине по берегу речки Адзлагара, хранился в местной десятилетней школе и там утерян.

Четвертый экземпляр найден также на Бамборской поляне, севернее нового шоссе, во время плантажных работ, и одним из находчиков увезен в г. Ялту.

По форме и технике к этим наконечникам близки также экземпляры Зугдидского музея: № 37 из сел. Мухури — светлого кремня, № 83 из сел. Кахати — светлого кремня и № 80, беспаспортный, темного кремня.

ВТОРОЙ ЭТАП

2. Топор вислообушный, долменный. *Табл. I, 4* (кат. авт. № 40). Втулка разорвана. Дл. 17,2 см, шир. у конца лезвия 4 см, толщ. лезвия в средней части 0,75 см; вес 261 г.

Найден в 1930 г. в сел. Отхара, Гудаутского района, в земле возле разваленного долмена.

---

[1] М. М. Иващенко, ук. соч., стр. 5.

Необходимо сказать, что в начале текущего столетия нетронутые до того Отхарские долмены были вскрыты влиятельным жителем села. Инвентарь их, как никчемный, частью был уничтожен, частью же исковеркан и разбросан. Одну из этих вещей и представляет собою трактуемый топор.

Анализ (см. в прилагаемой таблице под № 524) произведен в 1936 г. в ГАИМК с целью проверить наше отношение к вещи, как к изделию из чистой меди. Теперь подтверждение о полном господстве меди получено и по Эшерским долменам, в которых, среди прочего инвентаря, обнаружены точно такие же топоры.[1] Той же формы топоры имеются: один фрагментированный под № 220а, неизвестного происхождения, в Кутаисском музее и другой, тоже поврежденный в обушной части, в Зугдидском музее, доставленный туда в 1937 г. из Свании крестьянином села Лехамула.

Ряд аналогий по Кавказу, преимущественно Северному, достаточно известен.[2] Представителями близких к ним типов служат топоры из Корцы, Кумбулты и Фаскау, изображенные в МАК, вып. VIII,[3] табл. LXXVII, 2; XCIV, 2; CXV, 2 и др.

Было бы ошибочным считать, что топоры этого этапа в Абхазии исчерпываются типом, приведенным выше. Легкие боевые топоры варьируют довольно резко. Кроме того в 1937 г. в распоряжение экспедиции Института Абхазской культуры с территории Эшерской долменной группы поступил вислообушный топор тяжелого, рабочего типа.

3. Булавка. *Табл. II, 1* (кат. авт. № 43). Дл. 13,8 см. От острого конца до утолщения с отверстием 8 см. Предположительно медь. Каждая четверть полушаровидной полой головки, имеющей 1,7 см в поперечнике, украшена рубчатыми полосками, перпендикулярными к полоскам смежных четвертей. Треугольные отверстия, по одному в четверти, и такое же их количество в основании головки, делают ее ажурной. Шейка булавки поперечно-рубчатая. Найдена в сел. Ачандара, Гудаутского района, т. е. в местности также характеризуемой остатками разрушенной долменной группы.[4] Это обстоятельство, а также близость конструкции головки к поделкам Эшерских долменов, заставляет считать эту булавку предметом той же производственной стадии.

---

[1] Иващенко, ук. соч., стр. 30, рис. XI, I; M. M. Ivaščenko, ук. соч., стр. 99, рис. 1.

[2] Иессен, ук. соч., стр. 95—99.

[3] Материалы по Археологии Кавказа, VIII, Москва 1900.

[4] В. И. Стражев, К Азантскому долмену, Изв. Абх. Научн. О-ва, вып. IV, Сухум 1926, стр. 127.

4. Булавка. *Табл. II. 5* (кат. авт. № 51, 3/1). Дл. 11,6 см, ширина отдельного завитка 1,4 см. Медная, тонкая, кованая, с головкой из двух плоских симметричных, обращенных наружу, спиральных завитков.

Браслет. *Табл. II, 6* (кат. авт. № 51, 3/2). Овальный, тонкий, из круглой, гладкой, равнокалиберной на всем протяжении, бронзовой проволоки. Поломан на четыре части. Два малых обломка переданы для химического исследования. Толщина (в более сохранной части) 0,3 см. Длинный поперечник браслета равен прибл. 5,2 см. Анализ — см. в приложенной таблице под № 525.

Фрагмент керамики. *Табл. II, 4* (кат. авт. № 51, 3/3). Ушко грубого сосуда, с толщиной стенки в разломе около 0,8 см. По выветрившейся поверхности сосуда проступают крупинки кварцевого песка. Местами сохранились следы копоти.

Все три вещи обнаружены вместе на сев.-зап. окраине Бамборской поляны, на территории б. виноградного совхоза, в поверхностном слое почвы при установке парника. Место не доследовано.

5. Верхний камень зернотерки. *Табл. I, 1* (кат. авт. № 34, 3/1). При копке земли ударом лопаты разбит на 3 части. Дл. 34,4 см, шир. 5,4 см, толщ. в средней части 2,1 см. Гладкий, плотный известняк. Имеет правильной формы уплощенное, слегка дугообразное, тело при одинаково закругленных, слегка утолщенных концах. Симметричная сильная изношенность рабочей поверхности.

Овальный камень, плоский, со сверлинкой. *Табл. I, 3* (кат. авт. № 34, 3/2). Размеры: 3,5 × 4,3 см, при максимальной толщине в 1,7 см. Грузило или недоконченное напряслице, с использованием естественного отверстия в экземпляре морской гальки.

Пара височных колец. *Табл. I, 2* (кат. авт. № 34, 3/3). Разм. по наружным очертаниям овала 1,2 × 1,5 см. Поперечник наиболее тонкой средней части 0,15 см. Анализу не подвергались; предположительно — медь.

Каждое кольцо представляет собою симметричный, почти в $1^1/_2$ оборота, спиральный по овалу, завиток с равномерно утолщающимися, слегка раздвинутыми в плоскости концами, сдваивающимися по малой кривизне.

Четыре указанные вещи группы 5, как единая находка, обнаружены также на сев.-зап. окраине Бамборской поляны, в поверхностном слое почвы, в 1929 г., и вместе с предыдущей группой 4 являются материалом, породившим мое предположение о том, что на этом месте имелись долмены. Место находки не доследовано.

Полные аналогии височным кольцам известны из Эшерских долменов,[1] а также на Северном Кавказе.[2]

Что касается аналогий лишь по типу, то можно указать комплексную находку из окрестностей Сухуми, в местности Яштух (iaштхua), заключающую в себе 3 толстых, видимо бронзовых, височных кольца (Госмузей Абхазии № 1700), и такое же утолщенное, округлой формы, височное кольцо, найденное вместе с поясной пряжкой в поселке Чобанлух, Анухва-Армянского сельсовета в 1937 г. (Госмузей Абхазии № 2185).

Таким образом, становится очевидным, что и в Абхазии эта форма из долменного инвентаря переходит в начальный период III этапа.

У П. С. Уваровой (в МАК VIII, табл. LVI и LXXXIX), данные о височных кольцах сведены к очень позднему использованию этой формы украшения (хотя бы и в золоте); однако этот материал, по связи его с вислообушными топорами разного типа и плоскими ножами-кинжальчиками, указанными для Чми, Кумбулты, Фаскау и т. д., подлежал бы дополнительному изучению для хронологической его переоценки.

б. Сосуд малый, каменный, из плотного известняка, недоконченный сверлением. *Табл. II, 2* (кат. авт. № 62). Сосуд имеет контуры горшечка со слабо вздутыми боками и плоским дном, и вышлифованную наружную поверхность.

Наружные размеры: высота — 4 см, наибольший диаметр — 4.9 см, поперечник дна — 2,4 см. Верхний поперечник — 4,1 см.

Начальное углубление конической формы, наглядно показывающее технику сверления середины сосудца, имеет 2 см глубины по центральному отвесу и 2,2 см ширины на уровне верхнего края сосудца, где заметен свежий стес от удара тохи (местной сапы) находчика.

Место находки — западная окраина г. Гудауты, примерно в километре от берега моря (территория инфекционной больницы).

Имеется, стало быть, основание верить рассказам населения о случаях находки „трудно разбиваемых" малых, беловатых, каменных сосудцев.

Вопроса об археологических материалах второго этапа по Абхазии, как участник Эшерских экспедиций 1934 и 1937 гг., я надеюсь еще коснуться в отдельной статье. Однако, следует сказать теперь же, что во главу очередных местных раскопочных работ следует поставить проверочное исследование

---

[1] Иващенко, ук. соч., стр. 18—26 и долмены, исследованные экспедицией 1937 года.

[2] Д. Самоквасов, Могильные древности Пятигорского округа, Труды V Арх. Съезда в Тифлисе, М. 1887 г., табл. II, №№ 4 и 5.

площадок всех долменных групп Абхазии, района Красной Поляны, а также затерянных в лесах и горах северной половины Черноморского побережья Кавказа „одиночных" долменов, сведения о которых просачиваются от туристов и работников различных экспедиций.

ТРЕТИЙ ЭТАП

Описание вещевого материала III этапа начинаю с воспроизведения неизданного доклада „Об Аагстинском погребении", зачитанного мною в общем собрании Абхазского научного общества в 1929 году.

Некоторая громоздкость в изложении оправдывается особенностями находки, требующими исчерпывающей полноты и точности данных для правильной оценки материала, сохранившего и на сегодня всю свою научную значимость. К тому же эта находка является основною в установлении археологической характеристики района Бзыбской Абхазии для III этапа.

7. О б А а г с т и н с к о м п о г р е б е н и и. До 1929 года находки археологической бронзы в Абхазии обычно сводились к обнаружению разрозненных, чаще всего единичных вещей, составлявших достаточно бесцветный, а подчас и недостоверный научный материал. Счастливая случайность изменила это положение.

3-го мая 1929 года в Гудаутах появилось несколько бронзовых предметов, вырытых рабочими в сел. Мугудзырхва при обводе пашни глубокой канавой. 5-го утром я уже был „на месте происшествия".

Примерно в километре к западу от Черной речки (Мчиш) дорога с берега моря сворачивает в гору и пересекает остатки старого грабового леса, за которым, на краю поселка, примерно в $^3/_4$ километра от морского берега, и находится канава, прорезавшая погребение.

Поселок Аагста расположен на длинном, сравнительно узком, бугре, уходящем к северу. С вершины бугра открывается широкая панорама на северную и западную части Гудаутского района.

Место находки лежит, приблизительно, в 100 шагах ниже вершины бугра, на обращенном к морю, более покатом южном склоне, 16 лет тому назад еще находившемся под сплошным грабовым лесом.

Как показано на прилагаемом схематическом плане (*рис. 2*), рабочие на дне канавы, на глубине 70 см, прежде всего наткнулись на поясную пряжку (№ 1). Следующей находкой были несколько коренных зубов. Поясная пряжка и зубы (*рис. 2*,

№ I и II) вынесены были под уклон действием ливня, прошедшего тотчас по вырытии канавы. Далее, при углублении дна и небольшом расширении канавы с южной стороны, последовали: первая группа „поясных" украшений (№ III), три топора и вторая группа конических поясных блях (№ VI). Напоследок теми же рабочими выкопаны были несколько каменных и бронзовых бус, лежавших в просвете канавы.

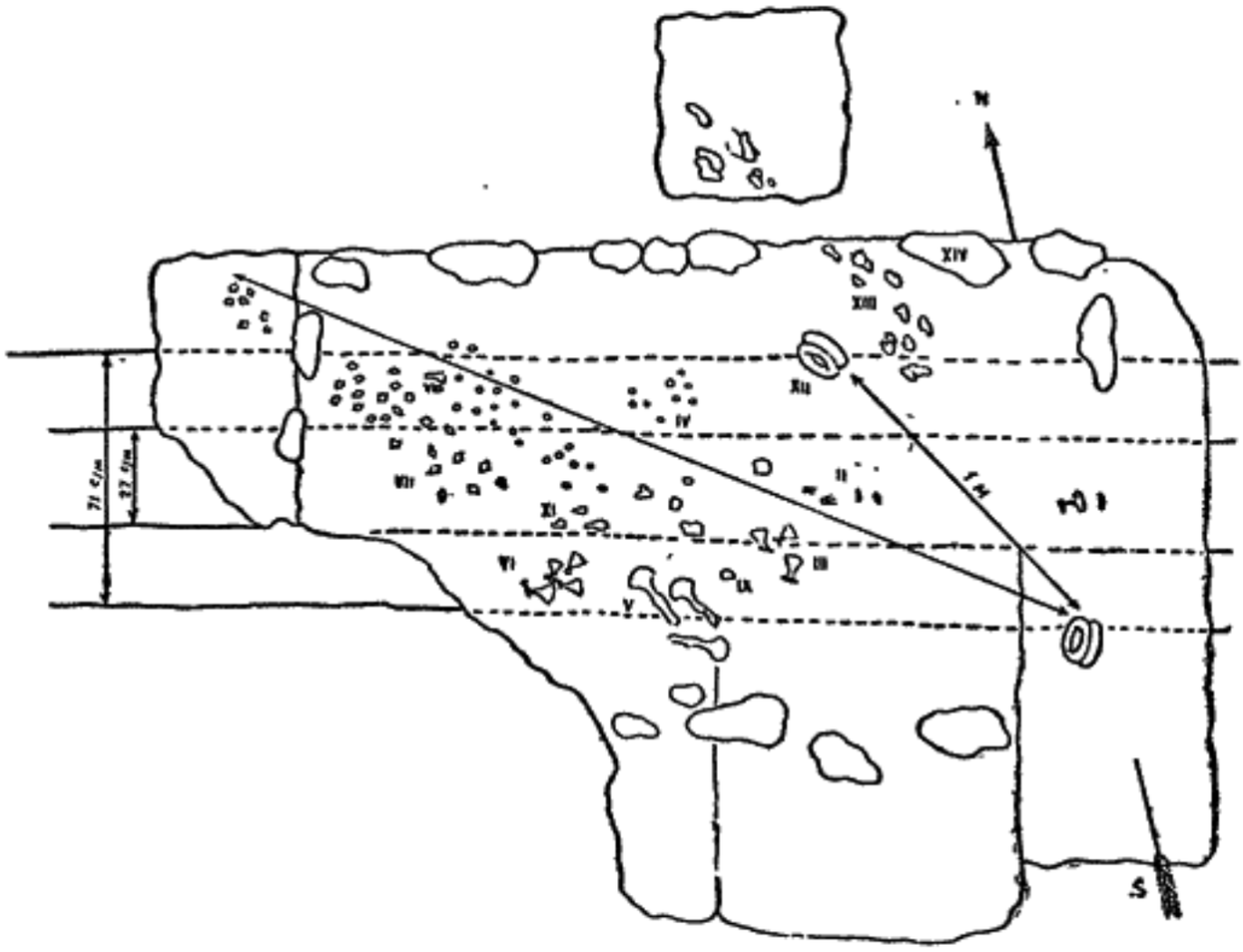


Рис. 2. План доследованного погребения в пос. Аагста, с. Мугудзырхва.
Находки: I—пряжка; II—зубы; III—поясные украшения; IV—бусы каменные; V—топоры; VI—поясные украшения; VII—бусы бронзовые; VIII—фрагмент № 3; IX—остаток плоской кости; X—черные черепки; XI—красные черепки; XII—ножные браслеты; XIII—фрагменты листовой бронзы; XIV—булыжники.

В этом положении я и застал описываемую находку.

Первой заботой было точное установление по свежему следу, при участии находчиков, бывшего местоположения вынутых предметов. Указания вполне подкреплялись оставшимися в твердой глине оттисками со следами углемедной соли.

Вторым делом был сбор предметов, разошедшихся по рукам. Удалось собрать все, кроме одной бронзовой бусины.

К сожалению, с выездом я всетаки опоздал; над частью вынутых вещей находчики успели проделать все технические пробы, какие только в житейском обиходе возможны. Две больших бронзовых бусы с винтообразной поверхностью и одно „поясное" умбовидное украшение, заканчивавшееся фигуркой барана, погибли окончательно.

Наконец, с помощью двух рабочих, я взялся за продолжение раскопки. Закладывая перпендикулярную к канаве широкую траншею с северной стороны, мы наткнулись на пару ножных колец и на оазрушенные обломки листовой бронзы (*рис. 2*, № XII и XIII). Ножные кольца оказались в вертикальном положении, вплотную рядом, причем просветы их вполне совпадали. Глина, заполнявшая просветы, была темнее окружающей почвы и в этой глине, в положении перпендикулярном плоскости колец, сохранились очень ломкие остатки костей голени на протяжении отрезка, равном толщине двух колец. Малая берцовая кость лежала наверху, большая берцовая — под нею.

На основании взаимного расположения и формы уже потерявших связь остатков этих костных обломков, которые, к сожалению, не могли быть реставрированы, у меня создалось убеждение, что мы имеем дело с левой голенью, обращенной передним гребнем к югу, юго-востоку.

Если исходить из этого обстоятельства, то надо считать, что верхний браслет смотрел разрезом вперед; разрез нижнего не совпадал с верхним на $^1/_4$ оборота.

В тот же день добыты каменные и бронзовые бусы, находившиеся под северным откосом канавы и установлен факт облицовки могилы сухой кладкой из булыжников разного размера и качества, совершенно сходных с находящимися на соседнем морском берегу.

Булыжная кладка северной стороны, имеющая разрывы, хорошо сохранила свое прямолинейное направление как вдоль, так и по отвесу. Не менее отчетлив загиб углов этой кладки. До современной поверхности почвы кладка немного не доходила (результат земледельческой обработки этой почвы в прошлом?).

С достаточной ясностью была прослежена и южная граница могилы, хотя расположение камней там оказалось сильно нарушенным.

На следующий день был проверен юго-восточный угол раскопа, что дало в наши руки вторую пару ножных колец, лежавших вплотную рядом, с наклоном на восток и со сдвигом между собою на толщину кольца. Этот сдвиг мог быть обусловлен прохождением древесных корней, разложившиеся остатки которых нам встречались в выбрасываемой

с глубины почве. Прорезы колец не совпадали на 1/2 оборота.

Здесь, в глине заполнявшей просветы, также сохранились остатки костей голени, притом настолько удовлетворительно, что впоследствии из отдельных кусочков удалось восстановить обломки двух трубчатых костей. В этой второй паре колец расположение костей оказалось следующим: малая берцовая кость находилась внизу, а большая берцовая — наверху.

На основании тщательного осмотра обломков и колец на месте я убедился, что здесь налицо правая голень, обращенная своим передним гребнем приблизительно в ту же южную сторону, как и упомянутая уже левая.

Того же 6 мая был обследован западный угол раскопа, давший группу бронзовых бус вне булыжной границы погребения. Маленький шурф, заложенный к северу от кладки, дал рассеянные фрагменты листовой бронзы.

На этом двухдневная работа из-за отсутствия времени и средств закончилась.

Общий осмотр местности, в частности свежевырытых полевых канав, и произведенный выше по тому же бугру пробный раскоп дали образцы красного и черного черепка совершенно однородные с обнаруженными в основном раскопе. Это обстоятельство, а также наличие расположенной выше по бугру, скрытой в земле, длинной, непонятной для местного населения гряды из безусловно нанесенного сюда человеком булыжного камня, позволяют ожидать здесь дальнейших находок.

Почва на месте раскопки состоит из тяжелой темно-серой глины. Отдельные места и отдельные комья с трудом приходилось раздалбливать ножом. Часть каменных бус, по указанной причине, несомненно осталась на месте.

В ходе раскопки стало ясным, что первоначальный состав этого погребения был богаче, но время взяло свое: мелкая бронза обратилась частью в зеленую пыль, а частью раскрошилась, не поддаваясь определению в слишком плотном грунте. Отсутствие этих мелких предметов придает наличному собранию вещей общий характер массивности и грузности.

Подпочва Аагстинского бугра состоит из обычной для района желтой глины. Медленно сползая по склону, серый слой, деформируясь сам, нес с собою как булыжную кладку, так и основную часть могильного инвентаря, в то время, как самая нижняя его часть отставала, частично задерживаясь на желтой глине. Отсюда разрывы в булыжной облицовке, выход отдельных мелких предметов за границу кладки,

некоторая путаница в расположении вещей и образование разрыва между крайними обнаруженными предметами в 253 см.

Остатки костяка сводятся к уже упомянутым обломкам голеней, консервированным солями меди, к небольшому кусочку плоской черепной кости и к 4 зубам, из которых 2 резца были растерты рабочими между пальцами, а два коренных зуба куда-то были брошены и остались неразысканными.

Перехожу к характеристике отдельных типов Аагстинского инвентаря и отдельных из него предметов:

Все три топора относятся к типу C II или к типу „г" по классификации Уваровой, т. е. к типу со слитно-клиновидной молоточной частью.[1]

Размеры и вес топоров приведены в нижеследующей таблице:

НАИМЕНОВАНИЕ	Вес г	Длина см	Поперечник лезвия в наиболее широкой части, в см	Рис.
1. Малый топор	260,6	16	5,4	*Табл. III, 1*
2. Средний топор	384,0	16,5	5,6	*Табл. III, 2*
3. Большой топор	471,5	19	6,7	*Табл. III, 3*

[1] Ради усиления конвенциональной значимости обозначения типов „Кобанских" топоров, вношу, с сознанием всей условности намечаемого приема, следующее предложение: к римской нумерации, примененной у А. А. Иессена, ук. соч, стр. 153, присоединить литеру C (Caucasus). Таким образом CI будет обозначать Кавказский бронзовый топор, обушная часть которого оформлена в виде молотка, независимо от того, заканчивается ли молоток тупой или ребристой площадкой, или заостренной гранью (как на *табл. X, 1 и 3*). C II — топор с клиновидной молоточной частью, вернее топор, представляющий собою в профиле двухсторонний клин (*см. рис. 3 и 5*).

Установленный Уваровой тип „а" с утонченным телом, при изогнутости шейки и насадочной части, благодаря чему приподнята обушная часть и вздернут верхний угол лезвия, заслуживает сохранения и мог бы получить, по близости элементов, составляющих эту форму, к типу C I, обозначение NCI или CIII, если бы эндемность типа была доказана и для Закавказья. Более массивные рабочие топоры подобны CI. Мелкие вотивные топорики подчиняются основным формам. Единичные оригинальные экземпляры, к которым относятся переходные и смешанные формы, в тип не возводятся.

Крестовый узор малого топора состоит из беспорядочно набросанных неодинакового размера и неправильной формы крестов с поперечно заштрихованными перекладинами.

Особенностью этого топора является чуть заметная мелкобороздчатая исчерченность верхнего и задней части боковых полей, очевидно, придававшая поверхности в свое время красивый матовый оттенок.

Зубчатый узор („волчий зуб") на лезвии среднего топора (реликт каменных вставок деревянной палицы?) повторяет рисунок топоров из Кобани,[1] но этот же топор имеет и своеобразную особенность, до сих пор еще не наблюдавшуюся в местных находках: задние части боковых полей заполнены продольными тупыми ребрами, по шести с каждой стороны.[2]

Большой топор рисунка не имеет.

Пряжка поясная, заканчивающаяся изображением головки животного, сильно деформирована и временем и усилиями людей. Вещь этого типа встречена была в Абхазии впервые.[3]

Тонкие фрагменты листовой бронзы, обнаруживающие некоторую сфероидальность, необычайно эластичны и покрыты очень прочной патиной, более темной на выпуклой поверхности. Это последнее обстоятельство, при наличии обломков с прямолинейным и зашлифованным срезом, позволяет думать, что мы имеем дело с остатками обтяжки или облицовки какого-то округло-выпуклого предмета.

Бусы каменные (*табл. V, 1*), частью потрескавшиеся, близко подходят к сердоликовым. Материал, из которого они сделаны, имеется среди местной морской гальки (род халцедона). Общий вид бус очень схож с бусами ожерелья № 6, изданного в МАК, в. VIII, табл. VI, и вообще с традиционными сердоликовыми бусами ранней „Кобани".

Обнаруженные глиняные черепки являются остатками не менее 5 небольших сосудов, из коих два красной керамики, два серой с черной поверхностью и один совершенно черного состава.

Черные черепки (образец на *табл. IV, 7* позади лежащего конического украшения) оказались наиболее сохран-

---

[1] МАК VIII, табл. VII, №№ 1 и 3.

[2] В Эрмитаже хранится не паспортизированный и не украшенный рисунком топор из собрания Романченки, совершенно однотипный со средним Аагстинским.

[3] Ныне имеем аналогию в эшерской находке с прототипами в местном долменном материале. См. Иващенко, ук. соч., рис. XVII; Ivaščenko, ук. соч., стр. 107.

ными, в то время как свежевыкопанные красные черепки при небольшом усилии разламывались между пальцами. На схематический план, во избежание загромождения, нанесено лишь несколько черепков, обозначающих место их наибольшего скопления (*рис. 2*, №№ XI и XII). Рыхлые сосуды сдвигом почвы были разрушены настолько, что вопрос о реставрации их отпадал совершенно.

Бусы бронзовые (*табл. V, 2*), веретенообразные и двуконусные, литые, полые, содержат внутри или красноватую кирпиче-подобную, или черную литейную массу. Вес их от 20 до 30 г. Бусы этого типа также обнаруживаются в Абхазии впервые.

Еще более своеобразной новостью для Абхазии являются литые „поясные" конические бляхи, снабженные с внутренней, неотделанной стороны литыми же крепкими ушками и увенчанные реалистическими фигурками овец (*табл. IV, 2 и 4*), собак (*табл. IV, 1 и 5*), быка (отломана; *табл. IV, 8 и 9*) и птицы (*табл. IV, 3*). От одной бляхи сохранилась верхушечная часть, переходящая в короткий, затупленный площадкой шпиль, не несущий фигурки (*табл. IV, 6*). Размеры этих блях: 5,8 — 6 см у основания и 7,5 см общей высоты, при среднем весе ок. 90,0 г.

Условно решаюсь именовать эти предметы „поясными" украшениями по отдаленной аналогии их с еще существующими в Закавказьи массивными конусообразными поясными уборами.

Осталось рассмотреть самую интересную часть Аагстинской находки — ножные кольца. Как медицинский работник, считаю себя вправе назвать их ножными после тщательного анатомического разбора реставрированных мною костных обломков (*табл. VI, 4*), происходившего при участии зав. хирургическим отделом Гудаутской уездной больницы д-ра Л. В. Карташева и судебного медицинского врача В. А. Шарапова. Эти обломки оказались соответствующими части голени, лежащей на границе нижней и средней третей, и могли принадлежать или карлику или ребенку.

Данные кольца (*табл. VI, 1—2*) полые, литые. Полагаю на основании их веса и по аналогии с обломками такого же кольца из сел. Абгархук, хранящимися у меня с 1907 года (*табл VI, 3*), что они внутри содержат ту же черную массу, как и описанные выше бронзовые бусы.

Кольца гладкие, без рисунка; геометрической правильности они не достигают. Начавшееся их разрушение ясно показывает в прорезях поперечную заделку концов бронзовыми пластинками, а также заделку литейных окошечек и других недочетов литья. Меньшие кольца являются нижними.

Вес и размеры колец таковы:

		Вес г	Толщина см	Диаметр просвета см	Средний наружный диаметр см
Кольца левой ноги (северной пары)	Верхнее .	585,5	2,6—2,9	5,9	11,1
	Нижнее . .	478,0	2,3—2,5	5,7—5,9	10,2—10,5
Кольца правой ноги (южной пары)	Верхнее	570,0	2,7—2,8	5,7—5,8	11,1
	Нижнее . .	524,0	2,4—2,5	5,7—5,9	10,6—10,7

Как видно из этой таблички, особенностью Аагстинских ножных колец является их малый размер. В то время, как кольца Кобани (ср. МАК, в. VIII, табл. XXXIII, №№ 9 и 10) имеют просветы поперечником в 8—8,7 см, т. е. годны на каждого из нас, Аагстинские кольца дают соответствующие промеры в 5,7—5,9 см.

Произведенное мною в связи с этим измерение голеней у ряда лиц показало, что взрослые люди ростом всего в 150—148 см лишь приближаются к искомому размеру; их голени в наиболее узком месте, даже при совершенном оголении, все же толще просвета колец.

Возможность применения этих колец в личном уборе определяется размером ног современных нам детей в возрасте от 8 до 10 лет. Этому определению вполне соответствуют и размеры описанных выше обломков голенных костей.

Вышеупомянутое кольцо из Абгархукской общины совершенно совпадает по типу и размерам с только что описанными кольцами.

Факты наличия оружия среди детского могильного инвентаря в специальной литературе отмечены.[1] Имеется ли подобный прецедент для могил Кобани, мне неизвестно.

Небезинтересно вспомнить указание Шантра о том, что Кобанский могильник является единственным, в котором он находил кольца на ногах скелетов.

---

[1] См. напр. Paul Rau, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk 1929 г., стр. 82.

Уварова говорит, что ножные кольца Кобани разных размеров встречаются обычно на ногах скелетов попарно, как в женских, так и в мужских могилах. В зарисовках, сопровождающих этот текст, на каждой ноге имеется по одному тонкому кольцу, в общем пара на персону. В нашем случае каждая нога снабжена парой толстых колец.[1]

Сведения о кольцах для ношения на ногах в археологической литературе, повидимому, весьма отрывочны, разрознены и немногочисленны. Среди известных мне аналогий приковывает к себе особое внимание, в связи с данными Аагстинского погребения, бронзовая фигура хеттского божества.[2] Форма и количество колец в обоих случаях тождественны.

Возвращаясь к находке в целом, необходимо отметить, что все описанные предметы сработаны из бронзы высокого качества.

При сравнительном разборе добытого материала у меня получается впечатление некоторой неполноты в традиционном составе предметов; нет, например, ручных браслетов, фибул и т. д. Возможно, что разбираемое нами погребение, сохраняя в общем взаимное расположение основных вещей, сползло за тысячелетия не на один метр и что при расширении раскопки вверх по склону, к северо-западу, могли бы быть получены некоторые дополнительные результаты.

Должен еще упомянуть о нахождении в центре раскопок кусков желтой охры, а также нескольких кусков кремня, быть может и не случайных.

Кроме того, в последующие дни рабочими мне дополнительно были доставлены голубая бусина и кусок стекловидной, светлоголубой массы, как бы обшлифованной морским прибоем. Сохраняя эти предметы, я, однако, вынужден отнестись к их подлинности с сомнением.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) Аагстинское погребение является первым в Абхазии случаем нахождения комплекса могильного инвентаря „Кобанского" типа, притом с минимальным нарушением как состава этого инвентаря, так и взаимного расположения отдельных его частей. Обстановка Аагстинской находки дает нам основание ожидать нахождения в Абхазии не только ненарушенных одиночных погребений этого типа, но и могильников.

---

[1] Придерживаюсь для этих колец термина „толстые" в отличие от „массивных", т. е. колец сплошного литья.

[2] Изображена в сборнике „Хетты и хеттская культура", Госиздат, под ред. проф. И. Н. Бороздина, М. 1924, стр. 27.

2) Аагстинское погребение относится к типу погребений со скорченным, правосторонним положением костяка и применением в погребальном ритуале желтой охры. Погребение детское (?) при наличии в составе могильных даров оружия.

3) Аагстинское погребение по составу и состоянию вещевого комплекса и способу погребения соответствует древнейшему горизонту Кобани.

4) Инвентарь Аагстинского погребения обогатил наличность древней бронзы Абхазии новыми формами: бусами, „поясными" украшениями, поясной пряжкой и ножными кольцами, а также новыми по орнаменту и рисунку разновидностями топоров.

5) В Аагстинском погребении ножные кольца, как и в погребениях Кобани, обнаружены на ногах скелета. Прецедент ношения на каждой ноге двух толстых колец имеется в материалах о культуре хеттов.

Характерные особенности погребения состоят:

а) в малом размере остатков голенных костей и в соответствии с этим в малых размерах внутреннего диаметра надетых на них ножных колец.

б) В факте применения тяжелых колец, общим весом в 2157 г., для украшения детских ног.

6) Аагстинское погребение позволяет нам подвести итоговую черту под вопросом об аналогии бронз Кобани и средней части горного Кавказа и бронзы Абхазии соответствующего периода; устанавливается тождество основных типов по форме, рисунку, материалу и способу обработки и такое же тождество по традиционному составу могильного инвентаря и способу погребения.

7) Проблема определения источников и территориального распространения „Кобанской культуры" для своего решения получает в Аагстинском погребении добавочную точку опоры.

Изложенное девять лет тому назад дополняю следующими примечаниями:

За истекшие годы обнаружились аналогии Аагстинскому инвентарю, как по комплексу, так и по отдельным вещам.

Эшерская находка 1930 года, собранная у крестьян и описанная М. М. Иващенко, [1] повторяет те же бронзовые бусы, бусы каменные (тождественные по материалу казбекским бусам и бусам Зугдидского Музея), пряжку от узкого бронзового пояса, конусные „поясные" украшения, топор (с бронзовой рукоятью) и ножные кольца. Новыми для Абхазии ти-

[1] Ivaščenko, ук. соч, стр. 103—108; Иващенко, ук. соч., стр. 58—64.

пами вещей здесь являются: наконечники копий с длинной открытой тульей и почти прямоугольным основанием листа, узкие кинжалы с продольными ребрами и желобками (форма, бытующая на Кавказе и поныне), а также сплошной, цилиндрический, ребристый широкий браслет, который можно рассматривать не только как украшение, но в первую очередь как оборонительное оружие, как налокотник, прекрасно парирующий удары коротко-черенкового топора. Единственна в своем роде темно-синяя бусина-подвеска, формы усеченной пирамиды, 7×7 мм в основании при двойной высоте. Два куска белого металла, сопутствовавшие находке, ныне утерянные, к сожалению, не подверглись своевременному анализу.

Из местности Куру-Дере, Эшерской общины, в Госмузей Абхазии поступили найденные вместе с наконечником копья и отрезком кольца (разрушенного находчиком), три экземпляра конусных „поясных" украшений, соответствующих остатку одиночного Аагстинского экземпляра (т. е. не имеющих фигурок на верхушках).

В сел. Отхара найдено дошедшее ко мне в обломках сочетание из топора, шейного обруча, браслета и ножного кольца (см. ниже, раздел № 23).

В своей работе М. М. Иващенко [1] относительно Аагстинского погребения на стр. 58 говорит: „Хотя здесь и не было никаких следов погребальной урны, но принимая во внимание, что все погребение сползло вместе с верхним слоем почвы со склона холма к его подножию, целость урны должна была быть нарушена. Сказать, что здесь мы имеем дело с погребением без урны с полной уверенностью нельзя, а только предположительно".

На стр. 68 указанный автор сам ослабляет приведенное утверждение; тем не менее я вынужден решительно отвести всякие сомнения в отношении фактических данных устройства Аагстинской могилы, добытых мною на месте.

Устройству Аагстинской могилы привожу аналогии, территориально близкие Абхазии и стадиально равнозначущие:

Уварова в отношении костяков Кобанского могильника указывает, что из них „редкие экземпляры обложены гробом из валунов" (МАК, VIII, стр. 8). Это в обстановке, где нет недостатка в плиточном материале.

В Фаскау могилы №№ 2 и 3 представляют собою каменные ящики, сложенные из булыжника (МАК, VIII, стр. 271—272). Та же традиция удерживается в Кумбулте.

---

[1] Иващенко, ук. соч.

Наконец, находка гр. Володарского на реке Гумисте, в районе Сухум'ГЭС'а, хранящаяся в Госмузее Абхазии и состоящая из типичной бронзы III этапа, обнаружена в каменном ящике.

Дном Аагстинской могилы являлась поверхность залегающей в глубине желтой глины, по которой за тысячелетия целиком сдвинулся наружный серый пласт вместе с покрывающим его почвенным слоем. Мелкие предметы, попавшие на самое дно, могли, задерживаясь на желтом слое, проскочить под булыжную облицовку. Но не могло это случится с более крупными предметами и группой сосудов (не менее пяти, как сказано выше), которые, если бы не разрыхленное состояние черепков, стояли бы перед нами реставрированными, и уж во всяком случае не могла сквозь наиболее уцелевшую часть булыжной облицовки проскочить хотя бы и разрушенная, толстостенная, но не способная же осесть в виде черепков на дне могилы урна Эшерского типа, равная по высоте, по крайней мере, всей сохранившейся глубине Аагстинской могилы (что составляет 70 см). Опровергаются сомнения моего оппонента даже одними лишь обстоятельствами залегания ножных колец с сохранившимися в их просветах обломками голенных костей.

Возражаю и против прямой ошибки М. М. Иващенко в отношении разбираемой находки. „Сохранившиеся части костяка", и посейчас находящиеся в Госмузее Абхазии, никогда не указывали и не могли, вопреки очевидности, указывать на то, „что здесь имело место погребение взрослого человека".[1]

Вариант моих предположений, сводившийся к тому, что объектом Аагстинского погребения мог быть и человек патологически малого роста, с основанной на этом исключительном случае какой-либо культовой его роли, отпадает по соображениям, приведенным ниже. Окончательно считаю это погребение детским, но все же не рядовым, а культовым, разгадка которого лежит в обрывках местных преданий и пережиточных обычаев, говорящих о посвящении детей божествам и о приношениях в жертву людей.

В. М. Стражев[2] своим примечанием определенно лишает случай находки урны в сел. Приморском (Петропавловке) значения научно достоверного факта.

Отнюдь не приходится возражать против доказанных фактов погребения в урнах; но необходимо возражать против тенденции упрятать в погребальные урны весь археологический инвентарь Абхазии III этапа, погребальные обычаи ко-

---

[1] Иващенко, ук. соч., стр. 57.

[2] Стражев, Бронзовая культура в Абхазии, стр. 107.

торого остаются для нас, пока, попрежнему неясными. Верно лишь то, что в свете пережиточных этнографических свидетельств, восходящих к занимающей нас конкретной общественной среде, погребальный ритуал, в соответствии с подавлявшим членов рода обилием и разнообразием культовых традиций и обрядностей, не мог быть однообразным.

Мое замечание о нахождении в центре Аагстинского погребения нескольких кусков кремня превратилось в обоснованный факт расширенного значения. Использование в погребальном ритуале кусков кремня получило четкое подтверждение в результатах раскопок Эшерских долменов. Считаю, что этим обычаем необходимо объяснять и противоречащие обстановке случаи нахождения кремня, или изделий из него, в древних могилах Северного Кавказа. Сюда относятся из МАК, VIII: стр. 270 — раскопка В. Б. Антоновича в Каллахте; в могиле, ниже ног, среди прочих предметов, два куска кремня. Стр. 271 — раскопка в Фаскау В. Л. Тимофеева: в могиле 1-й — каменная стрела. Стр. 273 — общая характеристика могильника Фаскау в отношении указанного факта и т. д. Как бытующий пережиток, эта традиция описана у автора современного романа „Тайпа" (род) Л. Пасынкова (стр. 146), видимо хорошо знающего быт ламороев, населяющих горную Ингушетию.

8. Толстое ножное кольцо. *Табл. IX, 4-5 и VI,3* (кат. авт. № 1). Случайная находка 1907 года в сел. Абгархук. Первенец моего собрания.

Диаметр просвета 59 мм. Толщина кольца 2 см. Поперечное сечение круглое. Орнамента нет. Бронзовое литье. Толщина стенки кольца в среднем около 2-х мм. Черная, твердая масса, сплошь выполняющая полость кольца, оказалась шишельной землей (см. №№ 513 и 514 прилагаемой таблицы анализов), содержащейся также в части Аагстинских бус.

Аналогии по Абхазии представлены: 4 кольцами Аагстинского погребения, 3 кольцами Эшерского могильника [1] и обломками кольца уже упомянутой Отхарской находки; последние имеют тот же малый внутренний диаметр, ту же черную шишельную землю и неравномерную (от 1-го до 2-х мм) толщину стенок, обусловленную неточной установкой шишельного сердечника. Этой повторностью однородных находок упраздняется мое предположение об исключительном, случайностью обусловленном, размере колец Аагсты.

Более общие аналогии известны и для Северного Кавказа и для Западного Закавказья. Варьируя в размере просвета

[1] Вес этих колец, хранящихся в Госмузее Абхазии под общим № 1250 1—693,75 г., 2—1135,75 г., 3—1110,1 г.

от 71 × 77 см (наименьшее кольцо из клада сел. Мерс, Карской обл.) до 98 × 109 см (из собрания Бобринского) в толщине от 0,8 см (Кобан) до 2,8 см (Мерс), в ширине прорезей, в усовершенствованиях облегчающих их ношение (придание им овальных очертаний, соответствующих форме голени, заглаживание краев прорезей и т. д.) и будучи массивными (без внутренней полости), все эти кольца использовались для ношения взрослыми. Заметна также территориальная группировка признаков колец.

Особую группу составляют упомянутые выше толстые кольца Абхазии с поперечником просвета от 5,8 см до 6,8 см. Более крупные ножные браслеты в Абхазии пока не обнаружены.

С другой стороны находки ножных колец малого поперечника возможны и вне Абхазии. Например, в Эрмитаже хранится глухое (без прорези) кольцо из собрания Романченки толщиной в 1,5 см при внутреннем диаметре в 5,8 см, принадлежность которого к Казбекскому кладу держится под сомнением.

Таким образом в близких по составу бытовых комплексах бронзы III этапа для центральной части Северного Кавказа и Западного Закавказья намечаются три локальных типа ножных колец:

1) Обычно тонкие, сплошного литья, круглые, в поперечном сечении не превышающие 1,5 см, кольца Северного Кавказа; 2) толстые, преимущественно полого литья, кольца Абхазии и 3) массивные (сплошного литья) кольца южной части Западного Закавказья, уплощенно-овальные в сечении, часто орнаментированные, иногда приплющенные как бы от дополнительной проковки. Основываясь на указании А. А. Иессена о близости с ними колец из Джвари, Чакви, Обшквити,[1] можно реку Ингури считать северо-западной границей их распространения. Повидимому, с этим определением границ третьего района совпадают и другие дифференцирующие указанные комплексы особенности, например, наличие мотыг, плоских с заплечиками топориков и других предметов, в Абхазии необнаруженных.

В сборных кладах южного Закавказья, пестрых по составу вещей, этот третий тип колец (в соответствии с частотою совместной находки) сопутствует не „секирам амазонок", а топорам „Кобани". Этот факт служит дополнительным доказательством того, что основная функция этих колец (если еще вспомнить частоту их парадирующей орнаментации) та же, что и колец первых двух типов, ношение коих на ногах доказано. Этим не отводится их роль валюты, вероятная для

[1] Иессен, ук. соч., стр. 118. 125, 127, 140 и рис. 17,4.

всех бронзовых изделий на всем протяжении III этапа, еще не знающего денег.

Заманчиво сопоставление на данную тему исторических свидетельств и синстадиальных параллелей по Средиземноморью, говорящих о распространенности и длительности традиции ношения ножных колец. Однако, неполное знакомство автора даже с вещевым материалом Западного Закавказья и сравнительная еще бедность необходимых сведений заставляют отодвинуть это намерение в будущее.

9. Ново-Афонская находка. *Табл. VIII и IX, 1—3.* Найдена в 1928 году на месте постройки водолечебницы и растащена случайными людьми. Наличные девять номеров этой находки составляют часть ея, попавшую к слесарю совхоза Соколову, неожиданно выехавшему около того же времени по неизвестному адресу. Таким образом, ни точного места находки, ни общего состава и состояния обнаруженного, очевидно, погребения установить не удалось.

Наконечник копья в трех обломках. Литая, кованная бронза. *Табл. VIII,1* (кат. авт. № 39,9/1). При общей длине в 34,8 см на лист наконечника приходится 16,2 см, остальное—на открытую тулью, снабженную в нижней части сквозным отверстием для крепления и орнаментированную в верхней замкнутой части шестью параллельными полосками.

В очертаниях листа, снабженного довольно крутой и острой серединной гранью, улавливается втянутость средней части, напоминающая о форме некоторых кинжалов Кобани.

Аналогий этому наконечнику по Абхазии пока нет. Хронологически в противоречии с более распространенными типами наконечников он не стоит, так как сливающаяся с листом серединная грань обнаружена у наконечника копья из Эшерского долменного инвентаря.

Топор боевой, бронзовый, литой, с обломанной обушной частью. *Табл. VIII, 6—7* (кат. авт. № 39, 9/2). Длина сохранившейся части 12,1 см при наибольшей ширине лезвия в 5,5 см. Предельная толщина топора у отверстия 3,3 см. Тип CII. Анализ в приложенной таблице под № 522.

Боковые поля орнаментированы косой крупно-городчатой, граверной штриховкой, ограниченной примерно в 1 см от края лезвия параллельно ему идущей мелко-зачерченной наискось полоской. Штриховым же орнаментом покрыты шейковые части боковых полей и почти сплошь верхние и нижние поля топора.

Топор боевой, бронзовый, литой, с обломанной обушной частью. *Табл. VIII, 5* (кат. авт. 39, 9/3). Длина сохра-

нившейся части 12,2 см при наибольшей ширине лезвия в 5,4 см. Предельная толщина топора у отверстия 3,1 см. Тип CII, но более пышной формы чем предыдущий экземпляр, что достигнуто уширением и рельефной орнаментацией граней большого нижнего поля. Анализ в таблице под № 521.

В штриховом орнаменте боковых полей, испорченных многочисленными царапинами, можно различить традиционно-стилизованное изображение четвероногого с поджатыми задними и вытянутыми передними лапами. Остальная часть рисунка не расшифрована.

Наконечники дротиков. *Табл. VIII, 2 и 4* (кат. авт. 39, 9/4 и 9/5), лавролистной формы, при несколько уширенном основании листа. Тульи обломаны; в обломах сохранились концы полости. Длина сохранившихся частей 84 и 68 мм, при ширине в 30 мм. Продолжением тульи служат выступающие по обе стороны листа и сбегающие к его вершине прямые округленные ребра. Литье с дополнительной, повидимому, проковкой.

Анализ второго наконечника помещен в прилагаемой таблице под № 523. Металл оказался необычайно твердым; на взятие пробы из остатка втулки было израсходовано несколько стальных сверл.

Пряжка поясная, в форме известного по Кобани массивного, со спиралями, крючка (МАК, в. VIII, табл. XXII, 2; тоже из Тли—табл. CXXXIII, 7), кованная из ромбовидной в сечении толстой бронзовой проволоки от 6 до 9 мм диаметром. *Табл. IX, 1* (кат. авт. № 39, 9/6). Налицо половина вещи. Длина пряжки 10,5 см. Поперечник тройного завитка 5 см.

Аналогии по Абхазии: крупный экземпляр из местности Куру-Дере, Эшерского сельсовета (Абгосмузей № 2218) и малый из Верхнего Яштуха (там же—№ 1703).

Браслет кольцевидный, круглый, из бронзовой, круглой в сечении проволоки диам. 0,5 см. *Табл. IX, 3* (кат. авт. № 39, 9/7). Внутренний диаметр браслета 67—70 мм, прорезь равна 4 мм. Равномерно расплющенные до сантиметровой ширины концы орнаментированы шестью поперечными рядами углубленных точек.

Фибула бронзовая, с плоским, ромбовидной формы брюшком. *Табл. IX, 2* (кат. авт. № 39, 9/8). Общая дл. 9 см, шир. 4,4 см. Поперечник пружинящего витка 2 см. За край низкого приемника выступает конец иглы длиной в 18 мм. Украшение брюшка дополняется орнаментацией в виде примыкающих к ромбу поперечных врезов, со стороны пружины четырех, а со стороны приемника—трех.

Фибулы данного типа, несмотря на свою легкость, являются для Абхазии типом древним, что косвенно подтверждается также и редкостью находок в крае массивных крупных дуговых фибул.

Предмет бронзовый в форме округлой рюмочки на низкой ножке. *Табл. VIII, 3* (кат. авт. № 39, 9/9). Высота ок. 44 мм. Наибольший поперечник 42 мм. Вогнутое тонкостенное основание ножки, судя по сохранившемуся краевому обломку, поперечником равно верхней части предмета. Толщина стенки „сосуда" 2 мм, при легкой втянутости верхнего края. Внутри „рюмочка" не отделана и имеет проходящее по оси ножки сквозное отверстие диам. ок. 9 мм. Литье.

Наружную поверхность „вмещающей" части предмета можно разделить на три параллельных зоны: верхняя, примыкающая к краю, гладко вышлифована; средняя состоит из четырех рядов рельефных, мелких квадратиков; нижняя, в горизонтальных полосках, несет по верхней из них 6 парных, равноотстоящих друг от друга, выпуклин и пересекается тремя ниспадающими к ножке веерами таких же полосок, исходящими из нечетных пар выпуклин.

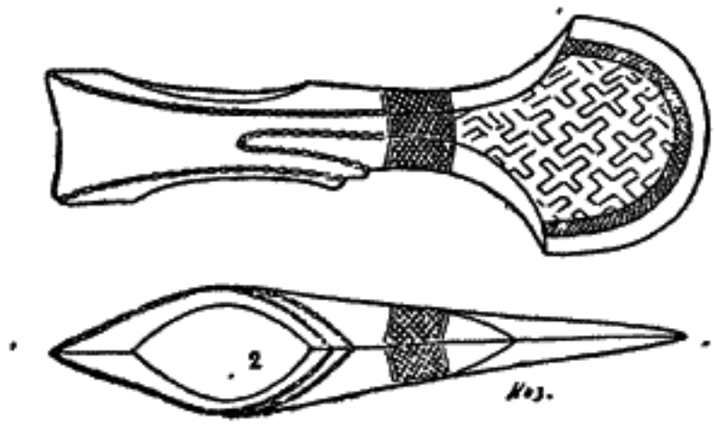


Рис. 3. Бронзовый топор из с. Куланурхва. 1/3 н. в.

Цвет вещи серебристо-серый. Бросается в глаза слабая окисленность ее поверхности. Анализ (см. № 485 прилагаемой таблицы) показал обильное содержание в сплаве мышьяка, чем и необходимо объяснить необычайную твердость металла, примененного для этой отливки.

Назначение предмета остается невыясненным.

10. Топор боевой, бронзовый, литой, типа CII, из сел. Куланурхва, Гудаутского района. *Табл. X, 2 и рис. 3* (кат. авт. № 70). Случайная находка при копке огорода. Попорчен битьем и обдиранием патины. Гребень обушка расплющен до ширины 0,5 см, вследствие чего посредине правой стенки насадочного отверстия образовался поперечный надлом.

Длина 18 см. Наибольшая ширина лезвия 6,4 см. Наибольшая толщина против середины насадочного отверстия—3,4 см, что ставит это изделие в разряд топоров с более тяжелым,

утолщенным клином и увеличенным насадочным отверстием (см. также топор, *табл. VIII, 6—7*). Вес 455 г.

Шейка топора охвачена пояском шириной 14 мм, заполненным косой, мелкой, перекрещивающейся штриховкой. Часть бокового поля между идущей параллельно краю лезвия дорожкой, шир. 4 мм, также накрест заштрихованной, и пояском шейки заполнена узором из скошенных крестов (ср. МАК, в. VIII, табл. IV, 3; XIV, 4; XV, 2). В обушной половине топора грани между полями окантованы рельефным витым шнурком, причем нижняя грань бокового поля, примерно на уровне середины насадочного отверстия, делает петлю вниз и, возвращаясь к шейке, заканчивается у нижней грани топора в расстоянии 1 см от отверстия.

Описанный экземпляр позволяет нам понять рельефную часть орнаментации топора, *табл. VIII, 5* (Н. Афон), присущую также однотипному экземпляру Сенжерменского музея (МАК, в. VIII, табл. VIII, 2).

Аналогиями топоров с возвратом средней грани на шейку (как разновидности типа CII) являются также: № 1278 Госмузея Абхазии (из сел. Лечкоп) с едва намечающимся возвратом грани, расплывающейся, не доходя до шейки; № 4 Зугдидского музея (из сел. Хета, Хопского района, с растушеванной, лишь намечающейся гранью); № 752 Кутаисского музея (из сел. Гора, Багдадского района) со средней гранью в виде резко выступающего, тонкого, линейного шнурка; № 6 Зугдидского музея—фрагменты литейной формы из Тагилони—и № 705 Кутаисского музея (из сел. Сурмуши, Лечхумского района).

При расположении всего этого материала в известной последовательности (№№ 1278: 4; 752; наш, *табл. VIII, 5*; 70; МАК в. VIII, табл. VIII, 2; №№ 6; 705) намечается ряд, характеризующий развитие декоративной детали из структурного элемента, идущее от примитива к художественному образцу, параллельно совершенствованию формы вещи соответственно все повышающемуся общественному спросу. Более глубокая разработка данных этого порядка могла бы оказаться полезной для относительной хронологизации бронзовых изделий III этапа.

11. Фибула бронзовая с плоским, ромбовидной формы, брюшком. Фрагментирована (кат. авт. № 11 а, б). Однотипна с *табл. IX, 2* (Н. Афон). Место находки — сел. Абгархук. Несмотря на совместность находки принадлежность обломанной иглы именно этой фибуле сомнительна. Размерами эта фибула немного меньше описанной в разделе 9, являясь ее аналогией.

12. Браслет бронзовый, массивный, литой. *Табл. XIV, 5* (кат. авт. 57, 10/2); как и следующий номер из группы брасле-

тов, разновременно найденных и случайно сохранившихся у местных сельчан без обозначения места обнаружения. По вертикали тело браслета чуть сплющено. Толщина его в средней части 8,5 мм—7,5 мм при незначительном утончении и легкой округленности концов, немного отогнутых и разделенных прорезью шириной в 2,3 см. Внутренний овал браслета равен 4,8 × 5,9 см. Вес 95 г. Черный цвет вещи обусловлен окисью меди, образовавшейся от прокаливания браслета на костре находчиками.

Сходными по толщине являются обломки двух малых браслетов из сел. Верхний Яштух (по абх. Яштхва), Сухумского района, выкопанных в составе древнейшего бронзового инвентаря, в 1934 году, к востоку от кооперативной лавки (Госмузей Абхазии).

Дошедшие до меня обломки такого же браслета из сел. Отхара, найденного вместе с топором типа CII и ножным кольцом, имеют в сечении 0,9 — 1,0 × 1,2 см.

Вне Абхазии, по Кавказу, такие же простые, толстые массивные браслеты отмечены для Кумбулты (МАК, в. VIII, табл. LXXXVIII, 15) и Кобани (там же, табл. XXXIII, 7).

13. Браслет бронзовый, с концами в виде змеиных головок, *табл. XIV, 6* (кат. авт. № 57, 10/1), состоит из трех резко деформированных кусков. Литой. Толщина круглого в сечении тела браслета равна 6,5—7 мм. Расплющенные концы оформлены как слегка стилизованные змеиные головки, что подтверждается остатками двух небольших выпуклин в позиции глаз (*рис. 17, 3*).

Утрачивая свое идеологическое содержание и удерживаясь только как украшение, форма головок в дальнейшем вырождается в простые овальные или ромбовидные расширения концов браслета. Анализ в таблице под № 526. Аналогия: № 1273 Госмузея Абхазии из сел. Приморского (б. Петропавловского). Здесь толщина орнаментированного тела браслета в сечении доходит до 9 мм, концы же расплющены сильнее.

14. Браслет бронзовый, круглый с заостренными концами. *Табл. XIV, 3* (кат. авт. № 52, 2/2). В сечении круглый. Толщина в наиболее сохранившейся части 6 мм. Внутр. диам. 5,1 см. Ширина прорези 1,3 см. Найден в сел. Мыцара.

15. Браслет бронзовый пластинчатый, трехребристый, с концевыми завитками. *Табл. XIV, 1* (кат. авт. № 75). Найден в 1938 г. в районе Бамборской поляны, с северной стороны конца 6-го километра нового шоссе на Гагры. Место находки — дно ямы глубиной в 1,25 м, из которой окрестные крестьяне берут светлую глину для побелки. Продолжение поисков находчиками, семьей колхозников Саманджия, больше вещей не дало.

Браслет овальный, с внутренним диаметром, прибл. 42 × 48 мм. Ширина пластины в средней части 34 мм, толщ.—2 мм, а на гранях—3 мм. Вес 51,5 г. Круто суживаясь в оба конца, пластинка переходит в спиральные завитки, поперечником 1,8 см. Ширина прорези 1,2 см.

Завитки в полтора оборота скручены из концов браслета, вытянутых в четырехгранную проволоку толщиной приблизительно 3 мм, поставленную на грань. Таким образом техника эта напоминает спирали больших пряжек-крючков.

Легкие ребра браслета (среднее и два по краям) делят пластинку вдоль на два равных продольных плоских желобка. Внутренняя поверхность пластинки гладкая, с очень легкой общей выпуклостью, предотвращающей врезание краев в тело при ношении.

Технически интересным является старание гармонично слить 3 ребра браслета с 4 гранями завитков.

Общеизвестной аналогией этой находки являются экземпляры из Кобани (напр. МАК, в. VIII, табл. XXX, 4—5 и многие другие).

16. Пара браслетов бронзовых, овальных, литых, найденных в сел. Абгархук, Гудаутского района, в 1909 году и выделяющихся и формой и орнаментацией. *Табл. XIV, 2* (кат. авт. 3).

Внутренний длинный поперечник овала 4,8 см. Высота браслета в средней части 1,2 см, в концах 2,7 см. Один экземпляр смят находчиком с доведением концов почти до смыкания. В реставрированном экземпляре восстановлена ширина прорези в 2,5 см.

Толщина основной, вогнутой внутрь желобоватой пластинки 3 мм. По обоим краям эта пластинка усажена в ряд, вплотную, подобием крупной зерни по 16 шариков с каждой стороны. К концам браслета, по мере их уширения, оба ряда заканчиваются комбинацией шарика с рельефным завитком и замыкаются рядом из трех связанных грубых завитков, расположенных поперек пластинки браслета, по границе прорези.

Благодаря особенностям сплава или условиям залегания вещей, браслеты состоят из мелко-ноздреватой, голубовато-зеленой хрупкой массы металлических солей, держащейся, как показал реставрированный экземпляр, на чрезвычайно истонченной и узкой пластинке остаточного металла. Обычно такая степень окисления означает полное разрушение вещи. Степень сохранности браслетов позволяет считать их принадлежащими бронзовому инвентарю III этапа, к которому для Абхазии необходимо отнести и остальные описанные выше браслеты, не касаясь пока вопроса их раздельной дати-

ровки. Размеры отдельных экземпляров сами говорят о возможности отнесения их к составу мужского или женского убора.

17. Топор бронзовый на бронзовой рукояти, со скульптурными фигурами на обухе. *Табл. XI* (кат. авт. № 58). Обнаружен в 1935 году под Гудаутами, на восточном склоне городского кладбища, в выбросе глинистой подпочвы, после копки могилы. Вещь состоит из отдельно литой, вставной, эллиптической в поперечном сечении рукояти дл. в 24,1 см и небольших размеров топора типа CII, литого совместно с украшающей его обушную часть группой животных. Диаметры сечения плавно уширенной к концам ручки: в средней части 1,5 × 2,2 см; у нижнего конца 1,5 × 3 см; у верхнего конца, на 2,2 см выходящего за топор, 2,1 × 3,8 см, причем насадочное отверстие совершенно заполняется соответственно пригнанной в этой части рукоятью. Длина топора без фигурок 14,9 см. Предельная ширина лезвия 5,7 см. Вес всей вещи 871 г.

На грани обуха, перпендикулярно к сагиттальной плоскости топора, лежат своей средней частью две пластинки дл. в 4,2 см каждая, при ширине до 9 мм. На эти пластинки, параллельно рукояти, головами наружу, поставлены в ряд три одинаковых фигурки животных, высотой в 2,4 см при длине в 4,8 см каждая (одна из них обломана).

Изображения эти, судя по стоячим, несколько вперед направленным ушам, широким, прямо вниз свисающим хвостам и по общей позе осаженности, при вытянутых вперед шеях, должны быть истолкованы как изображения лошадей.

При наличии линейной животной орнаментации на обушных площадках некоторых топоров типа NCI и рельефной орнаментации обухов, восходящей к более древним типам топоров (напр. топор из Нижней Рутхи, МАК, в. VIII, табл. CIII, 18, и топор собр. Долбежева, из сел. Голиат, с бараньей головкой на обухе в Историческом Музее), обнаружение описываемого Гудаутского экземпляра не может считаться неожиданностью. Самое строение эмблемы, украшающей топор, также не чуждо художественным традициям эпохи; достаточно указать на булавку, головку которой составляют три стоящих в ряд барана (МАК, в. VIII, табл. XXVIII, 5) и другую булавку с фигурами пары хищников, или собак, в той же часто используемой осаженной позе (МАК, в. VIII, табл. XXIX, 4) [1].

Интерес и новизна данной композиции заключается в смелом размещении группы украшающих фигурок на острой обушной грани боевого топора. Здесь мастер-художник,

[1] На рисунке, данном в фас, эта поза не видна.

выполняя социальный заказ, лишил данного типа оружие его основного значения, придав ему новую общественную функцию. Однако, это обстоятельство не затемняет основных качеств вещи как боевого оружия. С этой стороны заслуживает внимания насадка топора на рукоять не перпендикулярно, а с небольшим наклоном лезвия к нижнему концу ручки. Этим, при дуговом размахе, достигается правильность поражающего удара и усиливается предохранение нижнего носика лезвия, вообще у всех „кобанских" топоров более отдаленного от точки удара, от возможного застревания в поражаемом теле.

На многих экземплярах со свободным обухом отчетливо заметна еще одна подробность: внешний угол обуха опущен ниже внутреннего. Этим достигается предельная пробивная сила клина и предотвращается соскальзывание оружия при ударе обухом.

По данному типу топора с ручкой следовало бы выполнить опытные отливки для всестороннего изучения технических свойств этого вида оружия. Заслуживает специального внимания также вопрос об идеологической значимости как животной группы, украшающей разбираемый топор, так и всех вообще животных изображений трактуемой эпохи. Неопределенным остается вопрос о носителе описанного „почетного оружия". Единственно возможный пока вывод сводится к тому, что ее обладатель должен был быть достаточно заметным представителем родовой иерархии, тем более что и обыкновенные „кобанские" топоры, определяемые как рядовое оружие, на самом деле вероятно являлись по преимуществу достоянием экономически более сильных членов родового общества. Если бы дать доказательства тому, что группа лошадей является идущим от тотема родовым знаком, то трактуемый топор можно было бы считать эмблемой власти.

Аналогию, хотя и неполную, Гудаутский топор имеет в топоре с бронзовой рукоятью, обнаруженном в сел. Эшеры, Сухумского района (Госмузей Абхазии № 1309);[1] у этого экземпляра рукоять на 5 см длиннее и верхний ее конец несколько шире, чем у Гудаутского топора, но более истончен низ рукояти.

18. Топор боевой бронзовый. *Табл. X, 1* (кат. авт. № 2, 2/1). Найден вместе с „шейным обручем" при полевых работах в сел. Абгархук Гудаутского района в 1908 г. и является типичным представителем группы CI, бытовавшей в крае наравне с типом CII. Длина топора 18 см. Предельная ширина лезвия 6,7 см. Вес 457 г.

---

[1] Иващенко, ук. соч, стр. 60; Ivaščenko, ук. соч, стр. 105, рис. 21.

Насадочное отверстие этого экземпляра высотой до 27 мм, как и у всех „кобанских" топоров имеет коническое уширение к верхней стороне; размеры его 22 × 40 мм внизу и 23,5 × 41 мм по верху. Топор не имеет гравировки. Единственным его украшением служат протянутые вдоль задней половины боковых полей притупленные ребра в количестве 5 с каждой стороны. Эти же ребра служат структурной деталью, укрепляющей истонченные насадочным отверстием стенки.

„Шейный обруч". *Табл. XII, 2* (кат. авт. № 2, 2/2). Бронза. Литая дуга, круглая в сечении, имеет до 13 мм толщины. Расплющенные концы „обруча" путем ковки симметрично закручены наружу в двойные цилиндрические завитки в 2,8 см высотой, имеющие сквозные отверстия 4—6 мм в диаметре и стоящие перпендикулярно к телу „обруча". Большой внутренний диаметр обруча 11,3 см, расстояние между его закрученными концами 7 см. Вес 390 г.

Особо отмечаю значительные желобоватые стертости, одинаковые по обеим сторонам цилиндрических завитков и так расположенные, что пересечение линий, продолжающих эти желобки, происходит в точке лежащей сантиметра на два снаружи от прямой, соединяющей оба сквозных отверстия.

Считаю, что эти желобки, хорошо заметные на рисунке, протерты расшатавшимся креплением „обруча"—скобы, широкие цилиндрические завитки которой должны были придавать этому креплению должную устойчивость.

19. „Шейный обруч" однотипный с предыдущим (кат. авт. №37). Найден на северо-восточной окраине сел. Приморского (площадь могильника б. сел. Петропавловского, Гудаутского района). Литая бронза, однотипная с Абгархукским экземпляром. Толщина дуги 1,1—1,2 см. Большой внутренний диаметр 12 см, расстояние между концами 6 см. Вес 353 г. Отверстия цилиндрических завитков здесь достигают 9 мм ширины. По наружной поверхности тела „обруча" сохранились следы насечек, составлявших полуохватывающие пояски елочного орнамента.

20. „Шейный обруч". *Табл. XII, 1* (кат. авт. № 53). Найден вблизи Гудаут. Однотипен с предыдущими номерами. Толщина дуги 14 мм. Большой внутренний диаметр—10,6 см. расстояние между концами 5,5 см. Вес 416 г. Отверстия цилиндрических завитков 6—7 мм в поперечнике. По наружной поверхности „обруча" симметрично расположены четыре полуохватывающих пояска елочного орнамента, включающих по 5 рядов насечек каждый.

Аналогии имеются: из сел. Анухва Гудаутского района два экземпляра и из сел. Приморского (б. Петропавлов-

ского)—один, все в Госмузее Абхазии, а также из сел. Джвари, Зугдидского района (Эрмитаж).

Северо-Кавказские „шейные обручи" перечислены в VIII томе Материалов по археологии Кавказа.

Для выяснения значения этих предметов следует учесть: 1) что разнообразные шейные гривны, удобные для ношения и понятные со стороны их формы, не только современны „шейным обручам", но и восходят к более раннему периоду, 2) что оспариваемое Уваровой сообщение Шантра о постоянном нахождении „шейных обручей" в мужских могилах (МАК, в. VIII, стр. 56) можно понимать и как указание о том, что если их находили, то обязательно в мужских могилах, 3) что желобоватые стертости Абгархукского экземпляра совершенно не объясняются использованием вещи в качестве гривны, 4) что наружная поверхность цилиндрических конечных завитков, которая являлась бы парадной для гривны, никогда не бывает орнаментирована и 5) что „шейные обручи", если они орнаментируются, то по традициям, установленным для оружия, необходимо признать, что бытовая функция „шейных обручей" остается попрежнему невыясненной. Во всяком случае не могу считать опровергнутым мое давнишнее предположение о том, что этот обруч является ложащейся в локтевой сгиб ручкой щита,[1] тем более, что и по Абхазии „шейные обручи" сопровождают инвентарь мужских погребений (Абгархук, Отхара).

21. Рабочий топор бронзовый, крупный, типа CI. Найден в пещере, в пихтовой полосе, по ущелью р. Бзыби, совместно с остатками человеческого костяка. *Табл. XIII, 1* (кат. авт. № 44). Длина 20,5 см. Предельная ширина лезвия 8,5 см. Вес 754 г. Короткая обушная часть, почти четырехгранная, в форме тупого молотка. Размеры насадочного отверстия 3,4 × 5 см. Соответствующие ему части боковых полей усилены четырьмя притупленными ребрами с каждой стороны. Лезвие выщерблено находчиком и несет следы значительной сработанности. Анализ в прилагаемой таблице под № 484.

22. Топор боевой бронзовый, типа CI. *Табл. XIII, 2* (кат. авт. № 48). Найден маленькими детьми на северо-восточной окраине села Приморского (в районе могильника). Длина 17,5 см, предельная ширина лезвия 5,5 см. Вес 439 г.

Задние половины боковых полей заняты продольными, тупыми ребрами в числе четырех с каждой стороны. Остальную часть полей покрывают две группы крупных глазок, по 6 на шейке и по 12 у начала лезвия, несущего городча-

[1] Стражев, ук. соч., стр. 111.

тый рисунок; половина четырехугольников, последнего в шахматном порядке заполнена пунктиром в манере, представленной в МАК, в. VIII, табл. VII, 3.

Уместно здесь же вспомнить о бронзовом „Кобанском" орнаментированном топоре, типа CI, из сел. Приморского (б. Петропавловского), найденном при пахоте над речкой Ацквара (Шквара), севернее шоссе, и принесенном в дар Курскому Краеведческому музею в 1926 году В. И. Здроевским. Однако, по сообщению администрации музея, ни на экспозиции, ни в специально пересмотренных фондах, такого топора не оказалось.

23. Топор боевой, бронзовый, типа CII, *рис. 4* (кат. авт. № 66, 4/1). Найден в сел. Отхара, Гудаутского района, во время полевых работ. Длина около 16 см. Предельная ширина лезвия 5,5 см. Вес двух обломков 312 г. Боковые поля в части лезвия украшены косым крестом из 5 ромбоидов. Наружные углы креста замыкающими линиями обращены в треугольники (примерно как на пряжке МАК, в. VIII, табл. XVII, 1). Линии, определяющие средний ромбоид и треугольники, выражены сильнее. Параллельно всему краю лезвия, в 8 мм от него, дорожка шириной 4 мм, огибающая концы нижних и верхних полей и составляющая, таким образом, замкнутую полоску с дорожкой другой стороны. Подробности рисунка неясны вследствие повреждения патинового слоя находчиком.

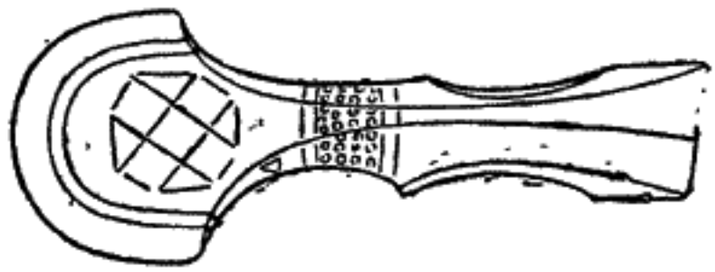


Рис. 4. Бронзовый топор из с. Отхара (реконструкция). 2/5 н. в.

Шейку топора охватывают параллельные пояски, пространство между которыми заполнено рядами мелких глазок. Впереди поясков у концов больших нижних полей лежит по одному малому треугольнику вершинами вперед.

Топор дается реставрированным в рисунке, так как сам он, а равно и сопровождавшие его в находке нижеперечисленные вещи изломаны и деформированы.

Ножное кольцо (кат. авт. № 66, 4/2). О нем упоминалось выше, в разделе № 8. Остается добавить, что это кольцо в поперечном сечении не круглое, а слегка эллиптическое по вертикали.

Браслет бронзовый массивный литой (кат. авт. № 66, 4/3), представленный обломками, упоминается в разделе № 12.

„Шейный обруч" остался недоставленным и, повидимому, разрушен.

24. Пользуюсь случаем дать здесь в простейшем изображении два ачандарских топора типа CII (*рис. 5, 1—4*), упоминаемых В. И. Стражевым и М. М. Иващенко [1]. В конце первого десятилетия текущего века они были, в составе комплекса бронз вместе с тремя лавролистными наконечниками копий, перстнем и изящной головкой быка, найдены местным крестьянином несколько севернее нынешнего здания сельсовета. От находчика вещи поступили к влиятельному на селе лицу, покойному Чиче Чичба, у наследников которого ревниво хранятся и сейчас как еще непризнанная ценность. Ради выгодного сбыта вещи эти вывозились в свое время в Одессу, но без ожидавшегося успеха.

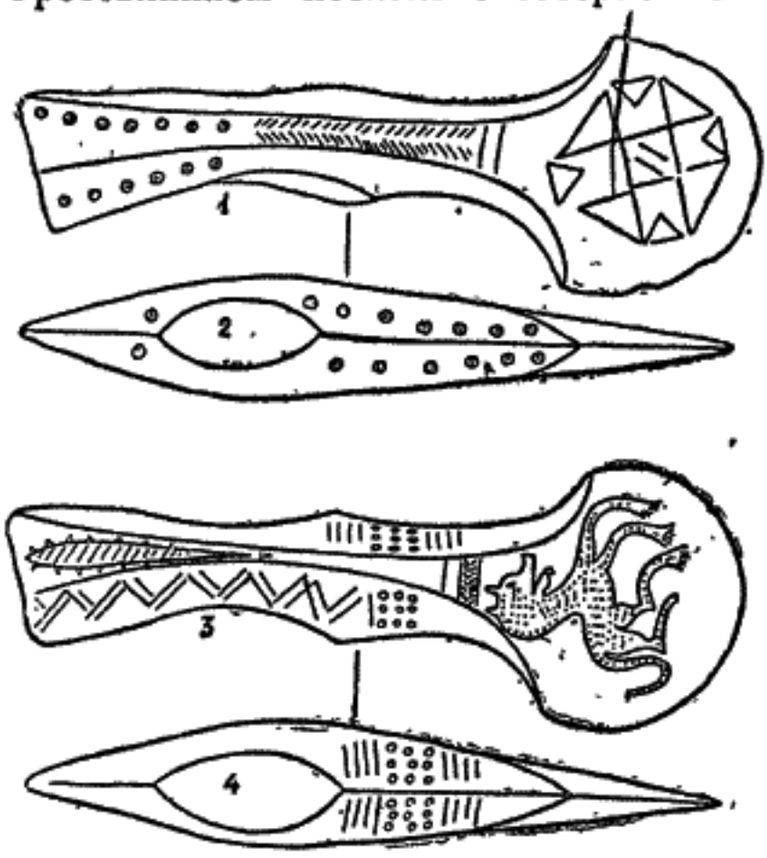


Рис. 5. Два бронзовых топора из с. Ачандара. 2/5 н. в.

Лезвие одного из топоров орнаментировано сходно с Отхарским, только здесь четыреугольники, составляющие крест, прямее, причем наружная сторона каждого из них служит основанием дополнительного малого треугольника, обращенного вершиною к центру [2]. Этот узор дополнен елочной дорожкой вдоль средней части боковых полей и рядами крупных глазок по всем трем полям.

Орнаментация второго топора в основном состоит из стилизованной „собаки" на лезвии и косо заштрихованной рыбки на обушной части бокового поля. Зигзаг из двойных штрихов и трехрядная группа мелких глазок покрывают нижнее поле. Такою же группою глазок, в сочетании с поперечными четверками параллельных прямых черточек, украшена часть

[1] Стражев, ук. соч., стр. 108; Иващенко, ук. соч., стр. 53.

[2] Можно подобные орнаменты рассматривать и как комбинацию треугольников.

верхнего поля у шейки, а обушная часть того же поля—пятью рядами поперечной елочной насечки.

В части животного орнамента узор этого топора аналогичен Эшерскому из урны, раскопанной в 1934 г. (Госмузей Абхазии № 1241).

Описанные топоры не идентичны двум „кобанским" топорам, висевшим еще в конце прошлого столетия вместе с арабской секирой под деревом в священном месте горы Дидрипш[1], так как находка, попавшая к Чичбе, имела место в конце первого десятилетия XX века, причем для выяснения характеризующих ее обстоятельств я в 1926 году посетил находчика Агрба Камшиша в сел. Эшеры.

Совершенно отдельным экземпляром, не связанным с упоминаемыми здесь топорами, является и виденный А. А. Миллером у Алхаза Анчабадзе[2].

В связи с древностями Ачандар, необходимо еще упомянуть о „Кобанском" топоре, найденном в самом начале нашего столетия крестьянином Лазом Аджба и завезенном в Закаталы административным лицом, к которому этот топор попал. Дальнейшая судьба вещи неизвестна.

25. Клинок кинжала, бронзовый, широкий, плавно утолщающийся к середине, с идущими вдоль краев лезвия широкими едва углубленными желобками. *Табл. XIII, 3* (кат. авт. № 33). Место находки—северо-восточная окраина села Приморского. Длина 25,2 см, ширина до 4,6 см, наибольшая толщина 7 мм. Вес 205 г. Продолжающий верхнюю часть клинка язычек для крепления у основания имеет два круглых отверстия.

Ближайшей аналогией этой вещи является клинок из сел. Эшеры (Госмузей Абхазии, № 1243). Такие же клинки с существенными различиями, однако, в размерах, мы имеем из сел. Инашоури (музей Кутаиси, № 1562а) и из Накалакари (там же, № 1738).

Типы бронзовых кинжалов и кинжальных клинков, встречающиеся в Бзыбской Абхазии, в общем аналогичные типам Северного Кавказа, достаточно разнообразны.

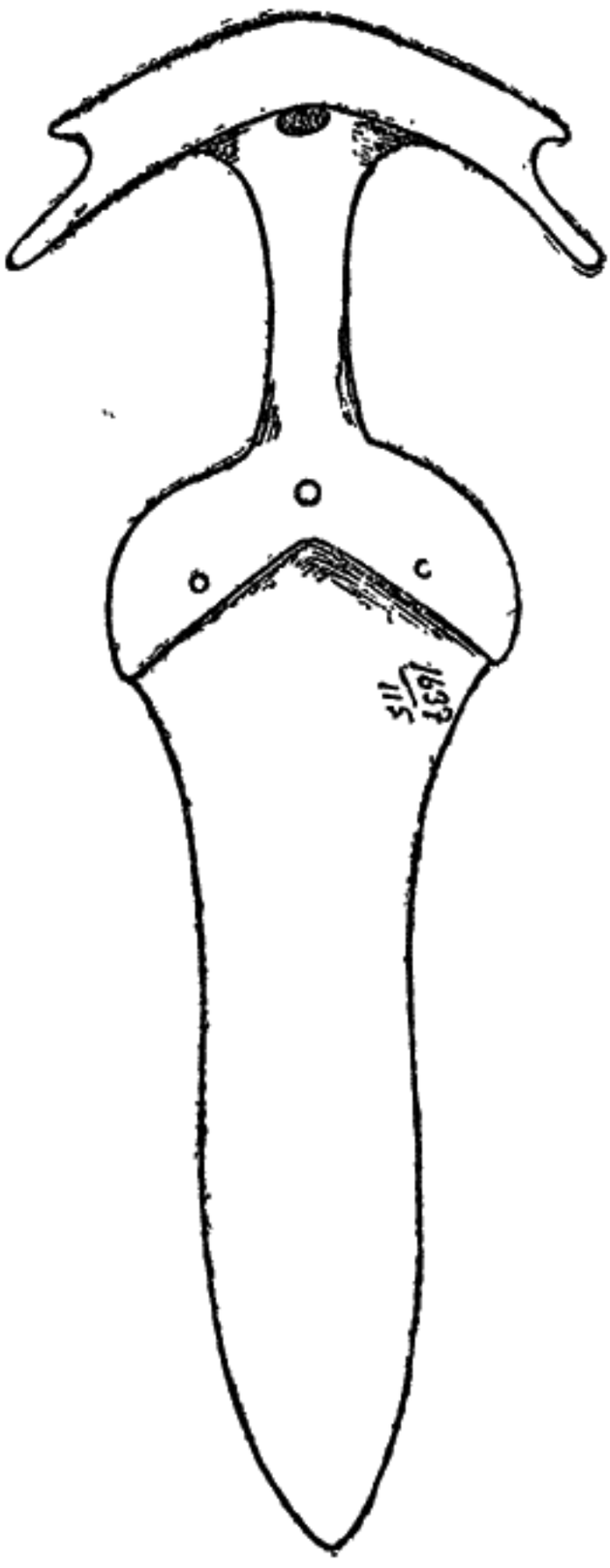
Найдены формы клинков с черенками, сохранившиеся в поныне бытующих поделках из стали[3]. Имеются экземпляры

---

[1] Топоры эти скорее всего уничтожены или закинуты воинствовавшим ревнителем христианства, послушником Ново-Афонского монастыря, крестьянином Жиба из сел. Лдзаа, разорившим Дидрипшское жертвенное место и поджегшим священное дерево в начале текущего столетия. Позднее кем-то была похищена и секира с золотом инкрустированным на лезвие символом мусульманства: „Нет бога, кроме бога...".

[2] Изв. Арх. Комиссии, вып. 33, СПБ, 1909, стр. 82, рис. 11; в настоящее время топор этот находится в Эрмитаже.

[3] Иващенко, ук. соч., рис. XVI.



6. Бронзовый кинжал из с. Анухва-Армянская. 1/2 н. в.

литые в „общей форме с рукоятью“ [1] (№ 1262 и 2171 Госмузея Абхазии). Наконец, обнаружены образцы, по уширенному в верхней своей части, плоскому, без граней и желобков, ланцетовидному клинку приближающиеся к долменным прототипам. Таков кинжал № 1637/115 Госмузея Абхазии, найденный в 1917 году в поселке Чобанлук, Анухва-Армянского с/с и поступивший от Мелкона Зебельяна в 1938 году (*рис. 6*). Толщина лезвия этого кинжала в средней части 3 мм, при длине открытой части в 18,5 см. Толщина рукояти возле среднего шпенька—12,5 мм. Толщина дуги рукояти в средней части 13 мм и в концах 10 мм.

По мнению Л. Н. Соловьева, ручкой подобного же кинжала является и вещь Госмузея Абхазии, описанная В. И. Стражевым.[2] Некоторое сомнение возникает из несоответствия между длиной стержня этой ручки и шириной ладони. Однако, это же несоответствие, хотя и в меньшей мере, выступает в кинжале *рис. 6*, по указанию находчика обнаруженном вместе с топором той разновидности типа CII, у которой при общей тщательности отделки и строгости контурных граней гребневид-

[1] Применение этой технической характеристики требует осмотрительности, т. к. изучение обломочного материала показало, что часть таких кинжалов изготовлялась путем заливки верхней части готового клинка металлом при литье бронзовой рукояти.

[2] Стражев, ук. соч., стр. 112 и рис. 24-в.

но заострены и боковые ребра (Госмузей Абхазии—под тем же номером).

По достоверным указаниям крестьян села Лыхны, на берегу Хипсты (р. Белой) в давние годы было найдено вместе несколько бронзовых кинжальных клинков,—среди них кинжал „литой вместе с ручкой". Судьба вещей неизвестна.

26. Желобчатый бронзовый широкий браслет. *Табл. VII, 2* (кат. авт. № 68), тело которого в полном виде должно было в поперечном сечении представлять собою трапецоид с 4-сантиметровой ширины основанием, являвшимся внутренней поверхностью браслета, при узкой противолежащей наружной стороне в 1,2 см и скатах приблизительно по 1,5 см. Таким образом, наибольшая общая толщина собранного браслета должна была составлять прибл. 1,5 см, при толщине бронзовой оболочки до 4 мм. Концы облицовки, весящей 174 г., симметрично скошены к наружной поверхности, причем скосы соответствуют сечению полного браслета. Против прорези, в средней части браслета, имеется заделка литейного дефекта в виде вставной, размерами в фасолину, заклепки, зачищенной снаружи и совершенно нетронутой изнутри. К литейным же недочетам относятся имеющиеся с одного конца два малых отверстия. Внутренняя поверхность облицовки шероховатая, не отделанная после литья.

В настоящем своем виде это желобоватое кольцо для ношения не пригодно. Несомненно, полость его была заполнена; об этом говорят и края облицовки, имеющие по кругу обращенный внутрь наклеп, обжимавший заполняющий материал. Этим же последующим наклепом вызваны имеющиеся надрывы краев облицовки. В качестве заполняющего материала можно предположить рог или комбинацию костных пластинок. Кругло-овальный просвет браслета составлял $60 \times 64 - 65$ мм, что соответствует ношению его на руке.

Найдена вещь в поселке Жабна. Отхарского сельсовета, во время полевой работы.

Аналогией по форме, возможно и прототипами, являются более скромных размеров массивные, овальные, запястные браслеты Кутаисского музея, под № 1619, из сел. Обшквити, изготовленные в полной форме из меди.

27. Кольцо массивное (сплошного литья), бронзовое. *Табл. VII, 1* (кат. авт. № 49). Найдено в сел. Анухва (по абх. Анхва) Гудаутского района, во время земледельческих работ. Толщина круглого в поперечном сечении кольца: 15 — 16 мм. Внутренний диаметр 54 мм. Пятимиллиметровая прорезь к наружной стороне уширяется. Концы кольца слегка отогнуты наружу.

Поступившие в распоряжение Эшерской экспедиции 1934 г. как случайная находка массивные кольца, целое и обломок, толщиною в сечении от 17 до 19 мм, овальной конфигурации, с внутренним диаметром приблизительно 50 × 65 мм. (№№ Госмузея Абхазии 2227 и 2230), в сопоставлении с только что описанным экземпляром, позволяют считать вероятным применение таких колец в качестве запястий.

28. Браслет с ромбовидно-пластинчатыми концами, бронзовый. *Табл. XIV, 4* (кат. авт. № 52,2/1). Треть браслета отломана. Толщина круглого тела браслета 6 мм. Длина концевых пластинок 37 мм, ширина 17 мм. Аналогия: браслет из сел. Куланурхва (кат. авт. № 71).

Браслет найден вместе с описанным выше в разделе 14 (стр. 47) на полевой работе в сел. Мыцара, Гудаутского района и является „поздне-кобанской" пережиточной формой типа *табл. XIV, 6*, раздела 13.

29. Топор боевой, бронзовый. *Табл. X, 4* (кат. авт. № 10). Тип. CI; молоточная часть заканчивается заостренной гранью. Найден в сел. Псыртсха (к востоку от Н. Афона) во время полевой работы. Длина 17,2 см, предельная ширина лезвия 7 см. Вес 365 г. Наружные поверхности стенок насадочного отверстия образованы тремя короткими, продольными, притупленными гранями с каждой стороны. Край лезвия выщерблен находчиками; ими же помята и поцарапана поверхность топора.

Топор боевой, бронзовый. *Табл. X, 3* (кат. авт. № 12). Однотипен с предыдущим, отличаясь от него лишь уширением лезвия до 8 см и грани бойка на 0,5 см. Вес 462 г. Найден в поселке Ацвиндырта, Ачандарского сельсовета. Анализ в таблице под № 532.

Описанные топоры являются разновидностью основного типа CI; в них резко выступает уширение лезвия и боковых стенок насадочного отверстия, а тупая площадка обушка превращена в острую грань клина. Этот отход от традиционного канона сопровождается к тому же огрубением формы и ухудшением техники. Топоры эти уже не гравируются.

Трактую эти формы как наиболее поздние бронзовые топоры Абхазии, обозначающие упадок „кобанской" металлургии, технический, вследствие резко возросшего под внешним натиском античного рабовладельческого общества спроса на оружие, и экономический — вследствие наступившей конкуренции с более дешевым и практичным оружием из железа.

В представляемом археологическом материале топоры этого раздела как бы замыкают собою группу металлических изделий III этапа для Абхазии. Однако, как и для преды-

дущих этапов, такое ограничение является условным и неполным.

Материал, следующий ниже, ставит и Абхазию в ряд местностей Кавказа, „продолжающих традиций Кобанской эпохи“[1] после III этапа.

РАННИЙ ПЕРИОД ЖЕЛЕЗА

30. Абгархукская находка 1927 года; обнаружена при слиянии рек Апста (р. Бокановка) и Дохарта Гудаутского района. В этот малый бронзовый комплекс входят:

Фибула малая, с крутой дужкой и плоским брюшком, имеющим удлиненно-ромбовидную форму и орнаментированным двумя рядами косых насечек по краям и двумя врезанными кружками по середине. *Табл. XV, 7* (кат. авт. № 19, 3/1). Игла обломана. Высота дуги 3,2 см, поперечник—3,8 см. Аналогии по размеру и форме дуги известны по Северному Кавказу. Вообще фибулы Абхазии относятся к более легким типам, что однако не означает более позднего их появления в обиходе.

Наконечник дротика или вотивного копья, лавролистного типа, с открытой тульей и двусторонней срединной гранью. *Табл. XV, 6* (кат. авт. № 19, 3/2). Общая длина 10,7 см. Длина тульи 4,2 см. По размерам подобен миниатюрному экземпляру из Фаскау (МАК, в. VIII, табл. CXVII, 3), а по форме местным, обычного размера, лавролистным наконечникам.

Подвеска крестообразная, пятиконечная литая, состоящая из стержня с петлей и пяти перпендикулярных друг другу стерженьков длиной в 1 см, оканчивающихся коническими шляпками. *Табл. XV, 8* (кат. авт. № 19, 3/3). Общая длина 3,8 см. Форма этой подвески генетически вероятно связана с пятиконечниками, оглавляющими булавки Кумбулты, а также с Казбекской подвеской, изощренно и пышно выполненными, но равнозначными в своей основе (см. МАК, в. VIII, табл. XXXIX, 6; LXXI, 7; XCII, 2; рис. 185)

31. Булавка бронзовая. *Табл. XV, 1* (кат. авт № 72), тонкая, длиной около 10 см с Н-образной головкой, своей перекладиной помещенной на ромбовидно-расширенной, расплющенной верхней части иглы. Тотчас под перекладиной имеется круглое отверстие. Свободные концы продольных стерженьков головки имеют вид конических утолщенных шляпок. Длина параллельных стерженьков и перекладины между ними 15—16 мм. Диаметр шляпок 3—5 мм. Вес булавки 5,5 г.

[1] Иессен, ук. соч., стр. 185.

Случайная находка в сел. Куланурхва, во время огородной работы.

По форме и технике стерженьков, а также возможно и хронологически, эта булавка заслуживает сопоставления с подвеской *табл. XV, 8* раздела 30.

32. Булавка бронзовая, литая. *Табл. XV, 2* (кат. авт. № 63, 7/1), с головкой из трех радиально расходящихся в плоскости стержней длиной около 1 см, состоящих каждый из двух как бы склеенных гладких шнурков. Стержни прикрыты дугой, с обеих сторон украшенной рельефным волнистым зигзагом. Чуть выступающие концы дуги украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками. У основания стержней с одной стороны положен короткий волнистый зигзаг, а с другой стороны имеется небольшое ушко.

Длина сохранившейся части булавки 11,4 см, вес 14,5 г. Предельная ширина верхней ажурной части 4 см.

Найдена в поселке Эжнепли Мыцарского сельсовета, вместе с малой фибулой и остатками наконечника копья, подобными описанным в разделе 30.

Многочисленные аналогии данной булавки, происходящие из Балкарии с Баксана, имеются в собрании Эрмитажа, в коллекции В. П. Ренгартена.

33. Группа аналогий к Казбекским находкам, как к кладу, так и к более позднему раскопочному материалу, в которую входят следующие предметы:

Колокольчик круглый, с почти отвесными стенками, широким слегка подковообразным ушком и боковой прорезью, упирающейся в наложенную, рельефную, двукружную спираль. *Табл. XV, 5* (кат. авт. № 6).

Язычек висит на петле, отогнутые концы которой, пропущенные через отверстие в своде, лежат на наружной его поверхности. На уровне спирали снаружи помещены три маленьких накрест расположенных головки крутороги баранов.

Общая высота 3,8 см. Высота без ушка 2,2 см. Ширина 2,2 см. Толщина стенки 1 мм. Найден на территории Абгархукской общины, возле берега моря, в 1912 году, в бывшем там плантаторском поселке.

Цепочка толстая (кат. авт. № 7). Найдена в гористой части сел. Абгархук также в 1912 году. Полуторасантиметровые овальные звенья, смыкающиеся на середине длинной стороны, сделаны из кантованной проволоки диаметром 3 мм.

Как и цепочка изданная в МАК, в. VIII, табл. LXXI, 8, она, при равной длине, имеет 28 звеньев и на последнем из них

явственный след нарушенного скрепления с какой-то металлической частью, вероятнее всего также фигуркой.

Шесть браслетов, *табл. XV, 3—4* (кат. авт. № 38, 6/6). Тонкие литые, овальные, с диаметром сечения 2—4 мм, украшены нечетным числом утолщений, расположенных на равных расстояниях друг от друга, числом 7 (как и у Кумбултских экземпляров собрания Эрмитажа) или 11. Варьируют эти браслеты не только в толщине, но и в общих размерах, причем характерной их особенностью является вогнутость части противолежащей прорези[1].

Найдены они были в 1930 году в сел. Абгархук, при рытье новой канавы, в значительном количестве. Находчик, доставивший мне 6 экземпляров на показ (один в обломке), неожиданно выехал и таким образом клад остался неисследованным. Анализ — см. в таблице под № 520.

Браслеты (кат. авт. № 57, 10/3). Один целый и один обломок, относятся к группе находок, сохранившихся у населения без сведений о них. Однотипны с Абгархукскими, отличаясь лишь наличием мелкой поперечной рубчатости по бокам утолщений.

В поселке Эжнепли, Мыцарского сельсовета, в 1930 г. были найдены браслеты (кат. авт. № 46, 2/1—2) в виде семи обломков (2/2) и одного целого узко-пластинчатого, шир. в 5 мм, гладкого (расчищенного находчиком), со слегка округленными концами (2/1).

Обломки (2/2) являются частями трех браслетов описанного типа с утолщениями и трех сопутствовавших им проволочных браслетов плохой сохранности, орнаментация которых у одного состоит в легкой расплющенности концов, у другого — в тонкой кольцевой рубчатости стержня, оканчивающегося маленькими округлыми головками и у третьего в более крупном поперечно-рубчатом рисунке наружной поверхности браслета.

Имеются сведения о ряде находок браслетов описываемого типа с утолщениями и в более южных районах западной Грузии, например, в Гомском районе, около Самтредия.

Аналогии Каэбекским находкам не исчерпываются вещами перечисленными в данном разделе, в особенности если учитывать не только точные совпадения, но также и вещи равнозначущие как со стороны основного технического замысла, так и со стороны их общественной функции.

Поэтому не только вышеотмеченная пятиконечная подвеска, но и Аагстинские умбовидные украшения и приведен-

[1] Особенность эта свойственна многим типам браслетов западного Кавказа этого периода (см. напр. №№ 1502, 2215, 2216 и др. госмузея Абхазии).

ная ниже мужская фигурка из Бамборской находки должны найти свое место в объяснении Казбекского материала. Этим, конечно, не утверждается полная синхроничность названных вещевых групп.

34. Бамборская находка 1910 года. *Табл. XVI—XX* (кат. авт. № 4, 36). Обнаружена во время корчевки, примерно в километре от берега моря, в западной части Бамборской поляны в яме, образовавшейся после того, как подкопанный со всех сторон и подрубленный гигантский пень был вывернут на сторону.

Находка лежала в месте отрыва глыбы от материка, на глубине 1—1,2 м. В значительной своей части она была перекопана и разобрана по рукам. По залеганию остаточных вещей и расспросам можно было лишь установить, что все фигурки лежали как бы по наклонному эллипсису, ажурными пластинками — звеньями в одну сторону (*табл. XVI*) и что над верхними концами пластинок, видимо вне связи с ними, тянулись в разных направлениях тонкие цепочки.

Одна трехлопастная, пластинчатая золотая накладка и две бусы стеклянных обнаружены были мною в нетронутой стенке ямы, приблизительно в полуметре от фигурок.

Обилие бесформенных мелких бронзовых обломков объясняется корчевальной работой, повредившей часть и без того распадавшихся легких объектов и перемешавшей расположение комплекса еще до выемки вещей находчиками. Остатки костяка, если они вообще здесь были, неизбежно должны были разрушиться, охваченные мощной корневой системой дерева. Мелко фрагментированную керамику я, по своей в то время неопытности, мог проглядеть. Крупных обломков, хотя бы отдаленно напоминавших сосуд, я не встретил.

Мною собрано 36 предметов. Через местную полицию в Московское Археологическое общество, а затем в Исторический музей, поступило до 10 вещей.[1] Если добавить сюда несколько вещей, разошедшихся по рукам, и то, что осталось на месте в виде раскрошившихся и потерявших значение обломков, то действительный состав Бамборской находки оказался бы восстановленным полностью.

Преобладающая часть этого комплекса бронз состоит из разнообразных фигурок людей и животных. По общему счету, т. е. с привлечением экземпляров Исторического музея и обломков их 25; должно же их быть несколько больше, на что указывают избыточные наличные и сверх того еще в яме оставленные, совершенно разрушенные, ажурные пластинки—звенья.

---

[1] Отчет Российского Исторического Музея за 1913 г., М. 1914, стр. 9.

Типовыми, т. е. повторяющимися, являются фигуры лошадей в количестве 15[1] (кат. авт. №№ 4, 36/с 8 по 20 и два экземпляра Исторического музея) и собак в числе 5 (кат. авт. №№ 4, 36/с 3 по 6 и одна нога среди обломков). Единичны изображения безрогой козы или, вернее, козленка жертвенного возраста (*табл. XVIII, 5*), барана, пеликана, женщины и мужчины.

Размеры фигурок животных колеблются в пределах от 6,4 до 7,6 см длины и от 5,5 до 6,7 см высоты. Изображения птицы и людей в величине им несколько уступают. Анализ металла см. в прилагаемой таблице под № 515.

Предназначенные служить подвесками, все фигурки снабжены дополнительными, ажурными, литыми, двуушными пластинками от 10 до 13 см длиной и от 1,5 до 2 см шир. (*табл. XVI*). Одним концом такая пластинка, посредством овального колечка, соединяется с грубой петлей, вделанной в переднюю часть спины животного. Концы петли, пропущенной в пробитое сквозь туловище кузнечным способом отвесное отверстие, отогнуты снизу по поверхности фигурки.[2] В виде исключения, у одной собаки петля на спине литая. Пеликан вместо петли имеет отверстие, а человеческие фигурки охватываются добавочными колечками за шею (с женской фигурки колечко содрано). Техника формовки всех фигурок груба и примитивна.

К о н и, за исключением одного бесхвостого, двуногие (*табл. XVII, 4—5*).[3] Допущена резкая диспропорция частей тела: и все же этот материал дает много штрихов характерных для того или иного животного.

Более тщательно выполнены с о б а к и, *табл. XVII, 1 и 3*. Все они представлены четвероногими с круто закрученными хвостами и торчащими ушами. В них не трудно узнать ныне еще бытующий кое-где в Абхазии тип не крупной, но крепкой полуохотничьей — полуовчарки.

Л е т я щ и й п е л и к а н, *табл. XVIII, 3 — 4* (кат. авт. № 4, 36/2). Дл. 62 мм., размах крыльев 50 мм. Голова с клювом и лапы выполнены полным рельефом; крылья и плоское туловище—из пластинки одной толщины. Тем не менее характерные очертания этой птицы переданы правильно.

Концы крыльев имеют по 4 насечки для обозначения перьев. Со спинной стороны, у корня хвоста, выгравированы

---

[1] Возможно толкование части их как катеров.

[2] Эта аляповато-беспомощная техника, уживающаяся рядом с изяществом, обращает на себя внимание и в шве остатков Эшерского шлема (Гос. музей Абхазии, № 1245—2); ср. И в а щ е н к о, ук. соч., стр. 62.

[3] По этой причине избегаю называть весь в совокупности набор фигурок статуэтками.

два неправильных кружка диаметром в 4 мм, по одному кружку в 5 мм шир. на крыльях и двойной концентрический кружок посредине спины, диаметром 1 см.

Пеликан кудрявый, Pelecanus crispus, Bruch., и теперь еще входит в состав фауны Абхазии зимнего периода (октябрь—февраль). Соответственно литературным данным, значительно реже на побережьи мог встречаться и пеликан розовый, Pelecanus onocrotalus, L. Современное абхазское название пеликана — „Сидящий у воды" является определением недифференцированным, так как оно относится напр. и к цапле; при том даже в этой общей форме оно не является общепринятым во всей Абхазии.

Головка хищника (фрагмент), держащего в пасти мелкое животное (ягненка). *Табл. XVII, 2* (кат. авт. 4 36/36). Длина обломка ок. 3 см. Эта головка, как часть дополнительной фигурки, является противоположением, подчеркивающим главную общественную функцию собак при скотоводческом хозяйстве.

Статуэтка „винопийцы", давно обратившая на себя внимание археологов, представляет собой нагого мужчину, восседающего, свесив ноги, в своеобразном кресле и пьющего из большого рога, который он держит обеими руками. *Табл. XVIII, 2* (кат. авт. № 4, 36/1). „Кресло" можно охарактеризовать как косо срезанную часть полого эллипсоида, поставленную на две широких, косо книзу расходящихся, переднюю и заднюю ножки. В древнем быту такая вещь могла бы существовать выполненной в той же технике как и ныне бытующие, долбленые, большие, деревянные миски, винодельческие корыта или ступы для лущения проса. Приблизительные аналогии этому сидению находим:

1) В приобретенной в Керчи карикатурной глиняной статуэтке женщины.[1] Местом вероятного происхождения вещи считаются Малоазийские колонии.

2) В „креслицах" из Кьюзи в провинции Сиена, в средней Италии.[2] Низ креслиц — неразделенный конус или цилиндр. Только в одном случае как бы намечается и передняя ножка.[3]

Четырьмя насечками в конце каждой ноги мужской статуэтки обозначены пальцы. Голова, как и у женской фигурки, сильно уплощена. Соответственно местным этнографическим пережиткам, сидячая поза на обособленном месте, в момент

---

[1] Античный отдел Эрмитажа, Г. 793.

[2] Oscar Montelius, La civilisation primitive en Italie Centrale, Série B pl. 223, №№ 5, 6, 7, 15 — терракота; № 14 — бронза.

[3] Там же, № 5.

принятия вина из рога, выражает предельно почетное положение изображаемого. Высота статуэтки 4,8 см.

Выше упомянуты были тонкие бронзовые цепочки. Залегали они на небольшом пространстве разнообразно направленными и вытянутыми раздельными петлями, ход которых я проследил на протяжении нескольких метров. Однако, *табл. XX, 8* содержит в себе все, что можно было взять из земли. Таким образом расстояния между извивами цепочек по вертикали успели заплыть землею раньше, чем эта часть вещей смогла осесть в одну плоскость. Круглые, не паянные звенья в 7 мм диаметром, нарезаны из бронзовой пластинки шириной в 3 мм.

В непосредственной связи с цепочками находились небольшие литые тройнички, состоящие из слегка сферически выпуклой бронзовой пластины с тремя клиновидными, притупленными лучами. С внутренней стороны каждого тройника имеется толстое ушко; лежащая снаружи выпуклина завершается тонкой петлей.[1] Длина отдельного луча, считая до центра 1—1,4 см. Взять можно было только 4 экземпляра. *Табл. XX, 9—10* (кат. авт. № 4, 36/26 по 29).

Колокольчики, *табл. XX, 2—4* (кат. авт. № 4, 36, с 21 по 25), вернее часть их, сохранившаяся от разрушения. Мелкие аналогичны описанным в разделе 36. У двух экземпляров сохранились присоединенные посредством колечек ушки со шпеньками для прикрепления. Средние колокольчики тяжелой формы, толстостенные, с отверстием в своде, дугообразным ушком и горизонтально отогнутым нижним краем, украшенным поперечными насечками. Наружный их диаметр внизу 2,4 см. Высота 3 см. У № 36/22, подвергавшегося пробному обжиганию находчиками, дужка обломана.

Две бусы стеклянных, *табл. XX, 7* (кат. авт. № 4, 36/31, 36/32), неправильно округлой формы, мутно зеленоватого стекла, поперечником в 1,4 и 1,2 см. У меньшей — сквозная прорезь. Дополнительные поиски бус на месте находки результата не дали. Пару таких же экземпляров мы встретим в разделе 38 в качестве сережек.

Трехлопастные, желобчатые, пластинки-накладки из золота, *табл. XX, 1* (кат. авт. № 4, 36/30), числом две и весом около 4 г каждая. С крючковато-выгнутыми в одну сторону лопастями в 7 мм ширины, они по форме относятся друг к другу как зеркальные изображения. Следует думать, что эти пластинки составляли обтяжку выпуклой поверхности каких-то парных предметов. Расстояние между максимально отдаленными точками — 7,7 см.

В коллекции сохранился один экземпляр.

---

[1] Эти петли рассыпались.

Браслет круглый, литой, с уплощенными удлиненно-овальными концами, отражающими древний тип со змеиными головками; *табл. XX, 5—6* (кат. авт. № 4, 36/33). Поперечник — 5,7 см. Диаметр круглого сечения 4 мм. Ширина прорези 3 мм. По типу стоит между браслетами разделов 13 (57, 10/1) и 28(52, 2/1).

Два фрагмента обручеподобного (?) предмета. *Табл XX, 11—12* (кат. авт. № 4, 36/34—35). Третий малый обломок был выделен для химического анализа (см. в прилагаемой таблице № 516). Наличные части, повидимому, представляют собой разной сохранности концевые обломки предмета, состоящего из продольно-бороздчатой по наружной поверхности пластинки общей шириной в 2 см, усаженной по краям полукруглыми выступами диаметром около 2 мм. Т-образные концы пластинки оформлены двойной ширины поперечными заставками, также бороздчатыми, при чем части, выступающие за линию основной пластинки, в свою очередь слегка расширены и оттянуты в углах.

В этих фрагментах можно было бы усматривать обломки браслетов, но очень слабая их кривизна, как и наблюдения на месте находки, заставляют говорить о более крупном обручеподобном предмете (или предметах?). Аналогичный концевой обломок из Ачандар (*табл. XX, 13*) описан ниже в разделе 35.

Как упомянуто выше, ряд предметов из этой же находки поступил в Исторический музей, где они считались происходящими из Черноморской губернии. Сведения об этих вещах помещены в Отчете музея за 1913 год, и сопровождаются тремя рисунками, воспроизведенными нами на *таблице XIX*.

В числе этих предметов имеются следующие:

1) Небольшая статуэтка обнаженной женщины с ребенком на руках, сильно схематизированная (*табл. XIX,1*).

2) Подвеска — фигурка барана (*табл. XIX,2*).

3) Фигурка конька, однотипная с описанными выше (*табл. XIX,3*) и обломок одной „привески в виде конька".

Кроме этих фигурок в состав отколовшейся части находки, согласно исчерпывающего сообщения и зарисовок (*рис. 7*), полученных от отдела древней истории Исторического Музея, входят:

Одна свободная, неповрежденная ажурная пластинка—звено (*рис. 7,4*); один колокольчик малый, не связанный органически с продетым в его колечко фрагментом браслета (*рис. 7,2*); один крупный фрагмент браслета с конически утолщенными концами (*рис. 7,2*); один браслет ленточный, слегка уширенный к концам и сплошь орнаментированный по наружной по-

верхности косой штриховкой тремя продольными полосками, с поперечной елочной штриховкой на концах (*рис. 7,1*); наконец, пять фрагментов обручеподобного предмета (*рис. 7,3*), неожиданное для меня выявление которых не способствует, однако, убедительности определения разрушенного объекта как частей браслета. Различие в ширине обломков и наличие трех концевых частей заставляют говорить уже о двух вещах.

В отношении женской статуэтки в ответе ГИМ указано: „Никакого браслета ни на левой, ни на правой руке бронзо-

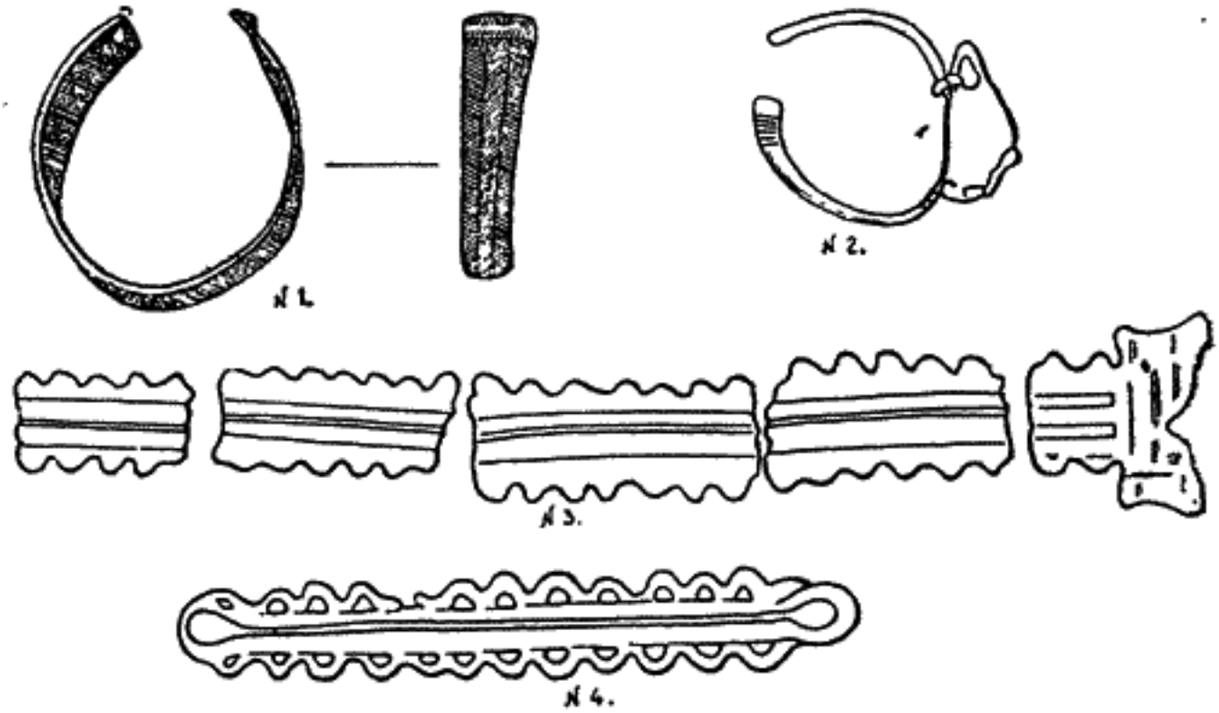


Рис. 7. Бронзовые предметы из Бамборской находки 1910 года в Государств. Историческом музее в Москве (инв. № 48639). №№ 1, 3, 4—1/2 н. в.; № 2—2/5 н. в.

вой фигурки нет. Руки совершенно гладкие. Упоминание об остатках браслета в отчете ГИМ за 1913 г., стр. 9 — недоразумение".

Обращаясь к отдельным деталям Бамборской находки, видим, что двуногость в изображении четвероногих, манера помещения ушек для подвески фигур на спинах животных, типы колокольчиков, цепочки, мотив головки хищника, фигура держащего рог для питья, женская статуэтка и т. д., снова и снова приводят нас к выраженным в сходных формах, единым для времени бронзовой металлургии и перехода к железу, производственным традициям центрального Кавказа, Бзыбской Абхазии и к ним прилегающих частей западного Закавказья.

Собаки Бамборской находки, как и относящиеся к более раннему времени изображения собак Аагстинского погребения, подкрепляют замечание А. А. Миллера о стойком бытовании древней, примитивной расы домашней собаки со стоячими ушами в Закавказьи. [1] В Абхазии бытование такой расы, повидимому, является безраздельным для очень длительного периода, как и в центральной части Северного Кавказа.

Фигура пеликана введена в состав комплекса очевидно как семантический дериват небес, что подтверждается наличием культовых эмблем, именно солнечных знаков, на его спине и крыльях. Такого же порядка эмблемами отмечены некоторые животные на ажурных, квадратных пряжках центрального Кавказа (МАК, в. VIII, табл. CXXXIV и XCVI,7 и др., а также пряжки Кутаисского музея из Рачи).

Среди божеств, удержавшихся в культовых пережитках Кодорских и Бзыбских абхазцев, едва ли не первое место по общепризнанности и широте функций, принадлежало семиликому Aуθar, ⴑⴔⴑⴑⵜ (àietər, ⴑⴔⴔⴔⵜ в Бзыбском произношении).

По данным, собранным в свое время в Абжуйской Абхазии (именно в сел. Адзюбжа) Н. С. Джанашия, [2] долевыми божествами, образующими своим сочетанием Aуθar, являются следующие: Dabran — бог коз и овец, ǯabran — бог коров, Aləɯkintr — бог собак, Amza — луна, бог и покровитель мужчин, Amra — божество женщин, Anaφa-naga — бог урожая и Aϑəɯaɯana — бог лошадей (катеров и ослов).

При ежегодном изготовлении жертвенных хлебов для домашнего моления богу Aуθar отдельным хлебцам придается форма луны, солнца, ступы с молотками для лущения проса, лошади. Остальные божества символизируются хлебцами общей формы или особым чуреком.

Соответственно приведенным этнографическим данным Бамборская фигурка в кресле (имеющая аналогию в Казбекских статуэтках мужчин, подносящих ко рту рог для питья) является не изображением бытового момента, а возведением свойств возбуждаемых винопитием в аттрибут божества, вернее доли божества, символизирующей луну, покровителя мужчин. В сочетании с фаллосом это означает мужество, ярость, повышенную, оплодотворяющую способность, сопутствуемые „блеском и силой". [3] Двукружные спирали на Казбекских

---

[1] А. А. Миллер, Изображения собаки в древностях Кавказа, Известия РАИМК, т. II, П. 1922, № 22, стр. 296.

[2] Н. Джанашия, Религиозные верования абхазов, Христианский Восток, т. IV, вып. I, П. 1915.

[3] Джанашия, ук. соч., стр. 82.

статуэтках (лунные знаки, подражающие нарастанию и убыли луны) и выражают этот блеск, противодействующий сглазу.[1]

Равным образом женская фигурка с младенцем на руках символизирует рождающую силу солнца.

Каждая разновидность фигурок Бамборской находки символизирует обособленные в парциальные божества функции Ауθar'а „великого бога обновителя природы, размножения и особенно скотоводства".[2] Нынешний состав этих функций в силу исторической изменчивости, естественно, может не совпадать в точности с составом материально их интерпретирующих бронз давностью в два с половиной тысячелетия. Возможны и локальные различия. Необходимо учесть и ущерб, нанесенный находке.

Общая же направленность функций Ауθar'а, зафиксированная в дошедшем до нас памятнике материальной культуры, в дальнейшем выражается в том, что, сам порожденный родовым началом, этот бог обеспечивает основы экономического роста и развития уже семьи в ущерб роду.

Под изложенным углом зрения необходимо оценивать и значение фигурок венчающих „конусные украшения" Аагстинской находки. Здесь, как свидетели уже сложившейся стойкой культовой основы, представлены однородные с Бамборской находкой элементы: мелкий рогатый скот, собаки, птица и бык (или корова—шестой элемент в нашем сопоставлении).

Аагстинские фигурки отодвигают культ Ауθar'а или же отдельные элементы его слагающие, еще дальше в глубь веков.

В этой же плоскости лежит и расшифровка Бамборского „украшения" со всадником (раздел 36), вещи близкой данной находке и по деталям, и по технике, и по времени.

Наличие браслетов женского размера, двух бус-сережек (см. раздел 38) и парного золотого украшения, заставляют считать находку могильным инвентарем. Обилие и необычайность его состава может быть оправдана предположением, что вещи являются принадлежностью обрядового одеяния прорицательницы бога Ауθar.

Бусы-серьги и ленточные браслеты хронологически связывают Бамборскую находку с погребением раздела 38 и, по фибуле последнего, с разделами 39 и 40.

Описание Бамборской находки заканчиваю пожеланием о присоединении к ней, в порядке междумузейного обмена, части вещей, поступившей в Исторический музей в Москве.

---

[1] Модификации этих двукружных спиралей свойственны и упомянутым пряжкам рачинского типа, в своей совокупности дающим наглядную иллюстрацию закона функционального перехода значения (олень, бык, конь).

[2] Джанашия, ук. соч., стр. 77—85.

35. Концевой фрагмент обручеподобного (?) бронзового предмета из местности Джакуархва, Ачандарского сельсовета, *табл. XX, 13* (кат. авт. № 23). По структуре подобен Бамборскому фрагменту *табл. XX, 11* (№ 4,36/34), несколько отличаясь декоративными деталями.

36. Бронзовая эгретка культового назначения. *Табл. XXII, 1—2* (кат. авт. № 5,2/1). Найдена в 1911 году на Бамборской поляне, несколько к северу от нового шоссе, при копке посадочных ям, на глубине второго штыка.

Вещь представляет собою слегка изогнутую площадку около 20 см длиною при 3,3 см ширины, четыреугольную и сплошную в передней своей четверти и ажурную в остальной части, причем перекрещенные двумя поперечниками три продольные полоски, составляющие эту часть, сливаются в небольшой узкий острый крючок, заканчивающий площадку. С выпуклой стороны средняя полоска орнаментирована плетеным жгутом, а боковые — крупными, косыми насечками.

Сплошная часть площадки спереди заканчивается отвесно падающим лоскутом около 2,2 см длины, переходящим в желобоватый, открытый спереди, крючок шириной в 1,1 см. Верхняя поверхность этой части покрыта тремя поперек положенными обратно S-образными спиралями. Из под каждого кружка спирали выступает скульптурная головка круторогого барана со свободно-висящим у него на шее колокольчиком, высотою, вместе с ушком, около 2,5 см и с боковой прорезью обращенной внутрь. Головки, по 3 в ряд, расположены по боковым краям сплошной части.

По продольной средней линии, над спиралями, головой вперед, на двух массивных слитных ногах поставлена фигурка жеребца, несущего очень примитивно выполненного нагого всадника. Место соединения рук с поводьями перебито ударом лопаты. Уступ в верхней части хвоста лошади позволяет думать, что спина ее считается чем-то покрытой.

Своеобразно стилизована голова лошади, имеющая чрезвычайно удлиненную морду, загнутую внутрь и превращенную в какой то орнаментальный придаток. Однако, независимо от этого, уздечка оформлена полностью. Об этой непонятно удлиненной форме голов в отношении пряжек из Кумбулты, говорит и Уварова.[1] Неотделанность нижней внутренней поверхности вещи указывает, что этой своей частью она должна была лежать на какой-то подставке или подкладке, пристегнутая или притянутая к ней за крючки.

---

[1] МАК, VIII, стр. 217.

Качество бронзы хорошее. Техника комбинированная: здесь имеются и литье, и сварка, и ковка.

Высота всего украшения ок. 8,6 см. Высота конной фигурки 5 см. Длина лошадиной головы 2,5 см при высоте туловища лошади в 2 см. [1]

Имеется точное указание о находке идентичной вещи в 1918 г. в Абгархукской общине Гудаутского района, но вещь эта была уничтожена нашедшими ее детьми. Частичные аналогии сильно роднят этот предмет с бронзовым инвентарем Северного Кавказа. Имею в виду бараньи головки, колокольчики, орнаментацию жгутами и двукружными спиралями, нагого всадника, двуногость в изображении четвероногих, гипертрофированность отдельных частей фигур.

В 1934 году Л. А. Мацулевич обратил мое внимание на аналогию Бамборскому украшению, хранящуюся в Киеве.

С предельной отзывчивостью дирекция Центрального Исторического Музея Украины ответила на мой соответственный запрос.

В описании, сопровождавшем снимок (*табл. XXIII, 1*), предмет очень удачно назван эгреткой. Это определение я и перенес на Бамборский экземпляр.

„В состав собрания ЦИМ этот предмет поступил из археологического отдела Киевского Музея общества любителей древностей и искусства, в инвентаре коего записан под № 16137. Запись сделана рукою хранителя музея В. В. Хвойка, такого содержания:

„№ 16137. Бронзовая пластинка с двумя всадниками, украшенная по бокам бараньими головками с колокольчиками и спиральным орнаментом. Найдена на Кавказе. Приобретена на средства музея". [2]

Оба предмета настолько близки по замыслу и технике, что отмечать остается лишь различия, которые сводятся к следующему: на Киевском экземпляре помещены два всадника; продольные жгуты-полоски перекрещены одной распоркой; имеются две лишних двойных спирали позади всадников; нет уступов над хвостами и головы лошадей несколько короче и менее изогнуты; не все размеры обеих эгреток совпадают; Киевский экземпляр менее сохранен и крючки на концах площадки, повидимому, разрушены.

Вещь вероятнее всего вывезена из Абхазии. Установление ее происхождения из другой местности Кавказа лишь усугу-

---

[1] Предмет упомянут у В. И. Стражева, ук. соч., стр. 107 и у М. М. Иващенко, ук. соч., стр. 53.

[2] Запись в инвентарь сделана в 1912 году, что позволяет предположить происхождение описываемого предмета из находки 1911 года на Бамборской поляне *(Ред.)*.

било бы ее научную значимость. Некоторую ориентацию в данном направлении мог бы дать анализ металла обеих эгреток.

Выявление Киевского экземпляра уже позволяет коснуться идеологического содержания описанных объектов. Бамборская эгретка—это тот же бог Ауʒar в нераздельном виде, сопутствуемый „блеском и силой", выраженной в экономической мощи (скот). Киевская эгретка—это раздвоение единого божества на Ауʒar и Qiq, вызванное специфическими интересами сезонного нагорного пастушества, уже получившего хозяйственный вес и общественную значимость.

Эта раздвоенность Ауʒar'а и сейчас еще нащупывается в культовых пережитках населения Бзыбской Абхазии. [1]

В структуре полосок—жгутов живет примитивный прототип плетеной из прутьев площадки, снабженной в ажурной части деревянными распорками, причем фигура верхового, вероятно, изготовлялась из глины, воска, быть может дерева и т. п. Скотовод первых этапов развития этой хозяйственной отрасли вряд ли всегда мог пользоваться металлом для овеществления полезного ему божества.

Нижняя часть чернолакового сосуда (*табл. XXIII, 2* (кат. авт. № 5, 2/2), лежавшего вместе с вышеописанным украшением. Мелкие черепки оставлены были находчиками на месте и после посадочных работ остались недоступными.

Поперечник дна 5,5 см. Высота фрагмента тоже 5,5 см. Материал—очень мелко отмученная, красноватая глина. Обломок этот является донной частью греческой чернолаковой котилы IV века до х. э.

Античная чернолаковая керамика в Абхазии, как и вообще на Черноморском побережьи Кавказа, обнаруживается не впервые. Исключительный интерес данного случая в достоверности единовременного бытования чернолакового сосуда с описанным бронзовым изделием, что дает нам точку опоры для уточнения датировки этапа „пост-кобанской" в значительной мере еще бронзовой металлургии.

37. В 1923 году крестьянин Ш. Ч., поселка Адзлагара, Лыхнынского сельсовета, копал на своей усадьбе, в ложбинке от проходившей когда-то аробной дороги, яму для хозяйственных нужд. При этом на глубине второго штыка он наткнулся на тазообразный тонкостенный сосуд, в котором заметил три „молотка" и несколько зеленых, орнаментированных пластинок. Ниже сосуда показались еще какие-то вещи.

[1] Джанашия, ук. соч., стр. 81.

Более подробных сведений Ч. дать не может, так как вследствие внезапно охватившего его по обнаружении вещей суеверного страха (связанного с указаниями гадалки), он вещи кое-как закопал и работу в этом месте оставил.

Осенью 1938 года это место было мною доследовано. Несмотря на заслуживающие полного доверия указания хозяина усадьбы и личное его участие в работе, мы, в результате однодневной работы, названных выше вещей не обнаружили.

Зато у западного края разведанного места, к совершенному недоумению Ч., были обнаружены следующие вещи:

Топор железный, *табл. XXIV, 1-2* (кат. авт. № 74,5/1), упрощенного, для облегчения ковки, типа CII с наличием единых верхнего и нижнего и двух боковых полей. Лезвие несколько вытянутое и более узкое, чем у бронзового прототипа; очертания, вероятно, были более близки лезвию типа CI; характерны клиновидная обушная часть, также более вытянутая, но в точности копирующая обушную часть бронзовых топоров, и типичная для типа CII сагиттальная проэкция топора. Насадочное отверстие 2,2 × 3,2 см. Наличная длина топора—19 см. Концевая ширина клина 3 см. Вес 233 г.

О строго преемственной производственной традиции говорят и следы орнаментации топора в виде продольной линейной исчерченности задней части обоих боковых полей с расстоянием между бороздками в 1,5—2 мм. Отсюда и вероятность орнаментации лезвийной части подобных топоров и объяснение самого факта ранней орнаментации железа.

Обращают на себя внимание плотность и увесистость топора, указывающие на качественность металла, тщательность проковки и, возможно, особенности химического его состава, чем в совокупности и обусловлен этот редкий в местных условиях случай обнаружения древнейшего железного изделия в открытом грунте. Вещь является образцом местного мастерства, примыкающим непосредственно к последним бронзовым топорам, а возможно, к ним примешивающимся.

Хозяин усадьбы Ч. подтверждает, что трактуемый топор однотипен по цвету и форме с виденными им тремя „молотками".

В виду отмеченных свойств топора представляет интерес сопровождавший его, обезличенный как вещь вследствие разрушения, фрагмент железа округло-плоской формы (кат. авт. № 74, 5/2), размерами прибл. 5×6 см, весом в 72 г, столь же плотный, местами искрящийся металлическим блеском.

Другим случаем обнаружения железной вещи той же давности является тоже копирующий бронзу III этапа широкий

лавролистный наконечник копья из моего же собрания, *рис. 8* (кат. авт. № 36), обнаруженный на Бамборской поляне в 1930 году на глубине 62 см. Длина сохранившейся части этого наконечника 27 см, наибольшая ширина листа 5 см, нижняя часть втулки рассыпалась. Сохранность его очень плохая.

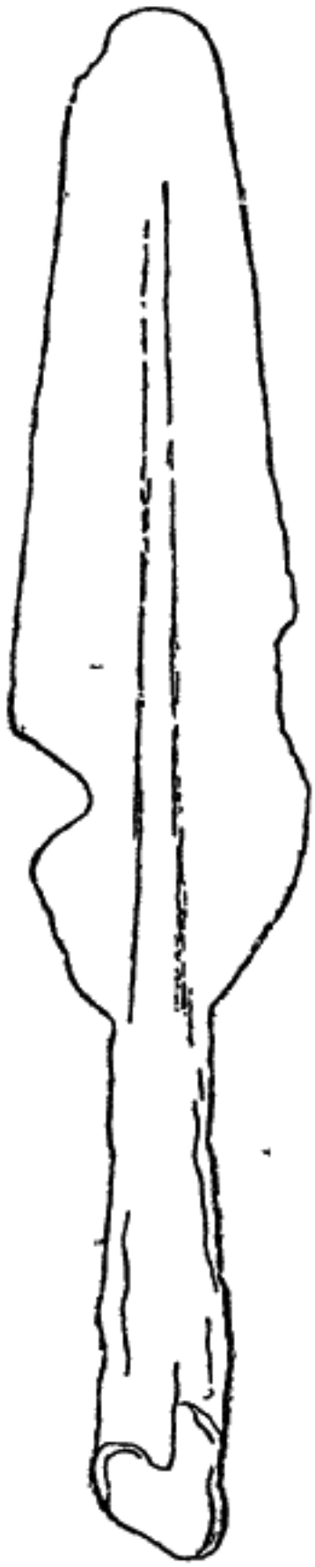


Рис. 8. Железный наконечник копья с Бамборской поляны. 1/3 н. в.

Остатки тонкой бронзовой шейной гривны (кат. авт. № 74, 5/4) в виде двух смежных обломков общей длиной в 14 см. (11,4+2,6 см). Тело гривны, имеющее ближе к концам поперечник в 2 мм и утолщающееся к середине до 3 мм, круто витое (один оборот на 2,7 см) из квадратной в сечении проволоки с закругленными углами приближается повитью к экземплярам из Кобани и Далагкау (МАК, в: VIII, табл XXXIV, 4 и XXIII, 12). Концы гривны (*табл. XXIV, 5, 6*) переходят в тонкие, постепенно уширяющиеся пластинки 5—7 мм ширины, орнаментированные двумя параллельными краям и в непосредственной от них близости проходящими прямыми линиями, между которыми лежит разомкнутый ряд кружков с точкой в центре, диаметром в 2 мм, соединенных в непрерывную цепь косыми касательными штрихами.

Остатки второй шейной гривны, *табл. XXIV, 3, 4* (кат. авт. № 74, 5/3) в виде четырех обломков общей длиной в 26,5 см (14+11+1+0,5 см) со слабо витым из квадратной бронзовой проволоки телом, одинакового на всем протяжении сечения почти в 4 мм, по характеру витья сходны с экземпляром Кобани (МАК, в. VIII, табл. XXXIX, 12). Концы этой гривны также переходят в тонкие, постепенно уширяющиеся пластинки, более широкие чем у предыдущего экземпляра, орнаментированные параллельными краям, косо зачерченными в противоположных направлениях дорожками, пространство между которыми заполнено двумя рядами почти прямоугольных зигзагов, разъединенных серединной чертой.

Более длинный фрагмент этой гривны лежал на топоре наискось, над передней границей насадочного отверстия, соответственно чему имеются потемнения поверхности прилегавшей части гривны и косой, с красноватой ржавчиной, желобок на боковой поверхности топора. Фрагмент железа, в свою очередь, лежал на концевой части обломка гривны, закрасив место перехода тела гривны в пластинку рыжеватой окисью.

Ни костных остатков, ни черепков вокруг описанных вещей не обнаружено. Разломы гривен старые, покрытые окисью. Устройство концов проследить невозможно. Форма гривен говорит за то, что они заканчивались свободными пластинками, без затворов.

Два миниатюрных, эллиптических звена бронзовой цепочки, *табл. XXIV, 7* (кат. авт. № 74, 5/5), длиной в 6 мм каждое, без спайки концов. Аналогия: цепочка из Кобани (МАК, в. VIII, табл. XXXIV, 9).

38. Остатки погребения, обнаруженного в 1915 году в окрестностях г. Гудауты (кат. авт. № 8, 12/12). Находка состоит из трех браслетов, фибулы, пары бусин и остатков костяка.

Браслеты круглые, *табл. XXV, 1—3* (кат. авт. 12/1—3), сработаны из тонкой бронзовой лентовидной пластинки шириной около 1 см. Наружная поверхность сплошь под орнаментом, состоящим из четырех продольных равных полосок, заполненных косой штриховкой, образующей елочный узор, который местами прерывается продольными или поперечными зигзагами, или той же елочной дорожкой. Углы концов слегка округлены, диаметр 4,7—5 см. Ширина прорезей 1,5—2 см.

Фибула малая, представлена изуродованным обломком, состоящим из части дуги с иглою. *Табл. XXV, 4* (кат. авт. № 12/4). Этот тип фибулы мы встретим ниже в разделе 39 и 40.

Бусы стеклянные, *табл. XXV, 5* (кат. авт. № 12/5—6), числом две, совершенно подобны обнаруженным в Бамборской находке (раздел 34). В сквозном отверстии каждой из них имелись, частью теперь рассыпавшиеся, кольцевидные крючки из тонкой бронзовой проволоки. Учитывая положение бусин in situ в момент находки, мы можем установить использование их в качестве сережек. С вещами найдены незначительные остатки костяка (кат. авт. 12/7 — 12). Если в свободных погребениях более древнего времени остатки костяка, как правило, отсутствуют,[1] то к концу рассматриваемого этапа относятся находки ничем не защищенных от разложения частей эпифизов больших трубчатых костей, на ряду с пропитанными солями меди обломками тонких костей.

[1] Имеются в виду условия Абхазии.

39. Остатки погребения, обнаруженного тоже в окрестностях г. Гудауты в 1916 году (кат. авт. № 9, 4/4).

Два браслета ленточных и фибула аналогичны тем же предметам предыдущего раздела. От фибулы сохранились отломанный конец иглы и часть дуги с приемником (*табл. XXI, 6*). Эти вещи также сопровождались скудными остатками человеческого костяка.

40. Фибулы малые, бронзовые, разнотипные (кат. авт. № 25, 6/6), подняты весной 1928 года на площади одной и той же усадьбы поселка Синапли, Мыцарского с/с, во время перекопки земли.

Все экземпляры погнуты, иглы обломаны.

Табл. XXI, 2—3 (6/1—2)—веретенообразная и по наружной поверхности рубчатая дуга фибул имеет посередине продольно рубчатое утолщение. Длина этих фибул около 5—5,2 см. Высота 2,8—3,5 см. Лопатообразные приемники резко выражены.

Табл. XXI, 1 (6/3)—дуга фибулы имеет продольную, сквозную, отвесную щель дл. в 12 мм, оба конца которой с поверхности заставлены рельефными бараньими головками, смотрящими врозь. Боковые поверхности дуги на протяжении между головками грубо рубчаты. Приемник слабее чем у предыдущего типа. Дл. 6 см, высота—ок. 3 см.

Табл. XXI, 5 (6/4)—наиболее сохранный экземпляр типа, отмеченного в рубриках 38 и 39. Спрямленная и утонченная часть дуги включена, как поперечник, в кружок, обсаженный в плоскости десятью шариками, диам. 4 мм. Диаметр этой ажурной розетки, составляющей площадку дуги, равен 2—2,2 см. Длина фибулы 4 см, высота около 2 см.

Обломки игл двух разрушенных неустановленного типа фибул из этой же серии (6/5—6) подвергнуты анализу (см. в таблице под №№ 517—518).

К этой же группе необходимо отнести и находку фибулы из соседнего поселка Эжнепли, Мыцарского с/с, *табл. XXI, 4* (кат. авт. 64, 6/1). Здесь также в рубчатой дуге имеется небольшая (неполная) продольная щель, концы и середина которой снаружи обсажены парными маленькими полушаровидными выпуклинами. Выступающие из под средних выпуклин противоположные углы слегка ромбовидно уширенной в этом месте дуги, переходят в крестообразно наружу вытянутые удлиненные зерна с расстоянием между их концами в 2,5 см. Дл. фибулы 6 см, высота 3,3 см. Отделка более тщательная, чем у описанных выше. Найдена вместе с браслетами типа *табл. XV, 3—4*, обнаружившимися разновременно в разных местах этого же поселка.

41. Браслет тонкий (деформированный фрагмент), имеющий на концах и посередине по три рядом лежащих,

коротких, двускатных выпуклины. *Табл. XXI, 7* (кат. авт. № 57, 10/10). Площадки скатов имеют по круглому глазку. Бронза. Обнаружен в сочетании с браслетами типа *табл. XV, 3—4.* Варианты этого типа встречаются и в более позднем инвентаре. Этот браслет, как и описанные ниже под №№ 42 и 43, найдены в Гудаутском районе, но место находки ближе не известно.

42. Браслеты с конусно-утолщенными концами, гладкие и их орнаментированные разновидности. Бронзовое литье. Широко распространенный по всему Кавказу и за его пределами тип, появляющийся в Абхазии в виде гладких экземпляров к концу III этапа и теряющийся своими вариантами в эллинистической эпохе [1]. Имеется один целый браслет и два обломка гладких (*рис. 9*; кат. авт. 57, 10/4 и 5), а также один браслет и два обломка орнаментированных (*табл. XXVI, 1 и 2*; кат. авт. 57, 10/7—9).

Рис. 9. Бронзовый браслет из Гудаутского района. 1/2 н. в.

Анализ трех экземпляров (кат. авт. 57, 10/5а, 10/5б, 10/8) см. в прилагаемой таблице под №№ 527—529. Аналогиями для *табл. XXI, 1—2*, являются два браслета госмузея Абхазии (№ 1290) и концевой фрагмент шейной гривны той же техники из сел. Абгархук.

43. Браслет с плоскими веслообразно расширенными и утончающимися к прорези концами. *Табл. XXVI, 4* (кат. авт. № 57, 10/6). Бронза. Поперечники овала 49—63 мм. Толщина округлого тела в средней части 5 мм. Прорезь—2 см. Веслообразные лопасти по краям наружной поверхности обрамлены мелкой, косой насечкой. Вдоль середины каждой лопасти выгравирована скрепленная прямой линией елочная дорожка из таких же насечек. В концевых углах лопастей посажено по круглому глазку.

По технике и тщательности отделки браслет этот примыкает к фибуле *табл. XXI, 4.*

44. Остатки мужского погребения, обнаруженные на восточной окраине Бамборской поляны, в присутствии автора в 1926 году, при рытье канавы, на глубине полуметра. *Табл. XXVI, 5—8* (кат. авт. № 16). Сюда относятся:

Пара лентовидных браслетов, бронзовых, сантиметровой ширины (один разломан надвое), орнаментированных

[1] Местами же, например в Крыму, в бронзе и серебре доходящий до средневековья в виде так называемого Готского типа.

двумя параллельными рядами глазков, отстоящих друг от друга на 4 мм и соединенных касательными, образующими два симметричных ряда зигзагов, *табл. XXVI, 5—6* (16, 5/1—2).

Оселок цилиндрический, с отверстием , к одному концу слегка суженный, *табл. XXIV, 7* (№ 16, 5/4). Длина около 13 см, ширина 1,1 см. Ударом лопаты разбит на три части, из которых верхняя утеряна.

При незначительных остатках костяка обнаружены обломки небольшого глиняного сосуда грубой работы. Сохранено 12 обломков (№ 16, 5/5), в том числе кусок уплощенной ручки. Черепок сосуда буро-красный, рассыпчатый с многочисленными белыми включениями.

Клинок железного кинжала, *табл. XXVI, 8* (16, 5/3). Длина хрупкой сохранившейся части 19,7 см. Следов серединных граней или желобков нет. Это одна из наиболее древних железных вещей моего собрания из числа вынутых из обычного тяжелого, глинистого грунта. Сохранность ранних изделий из железа, в силу местных особенностей, возможна лишь в исключительных условиях, например в рыхлых известняковых и глинистых россыпях горных склонов, в урнах, пещерах и т. п. Входя в состав чрезвычайно бедного могильного инвентаря, этот клинок является показателем вполне завершившегося перехода к железу, уже широко и повсеместно используемого. Время, к которому могло бы быть отнесено данное погребение, хронологически соответствует ранне-эллинистическому периоду

45. Группа из пяти браслетов, бронзовых, литых, относящихся к остаткам мужского погребения, обнаруженного в 1929 г. в поселке Эжнепли, Мыцарского с/с., во время полевых работ (кат. авт. № 35).

Табл. XXVII, 6 (35,9/2). Браслет круглый с внутренним поперечником в 6 — 6,5 см, при несколько неравномерной толщине круглого стержня около 0,5 см. Ширина прорези 1,5 см. Слегка расплющенные концы по наружной поверхности украшены продольным пунктиром. Этот браслет почти однотипен древнему экземпляру из Нового Афона, *табл. IX, 3*. Все видимое различие сводится к порядку размещения пунктира.

Табл. XXVII, 7 (35, 9/6). Фрагмент. Отличается от предыдущего небольшим утонением стержня и большей расплющенностью концов. Не орнаментирован.

Табл. XXVII, 5 (35, 9/3). Немного погнутый, плоско-выпуклый в сечении, овальный браслет с внутренними поперечниками в 5,5 и 7 см. Украшен пятью отстоящими друг от друга на равных расстояниях утолщениями, два из которых

составляют концы браслета. Толщина стержня 4,5 мм. Ширина прорези 3,2 см.

Табл. XXVII, 4 (35, 9/5). Разломан на двое и деформирован. Несколько подобен предыдущему, но плоско-выпуклое в сечении тело здесь толще, четкообразных утолщений семь, они резче выражены и каждая из трех почти прямоугольных наружных поверхностей этих утолщений имеет в центре углубленную ямку. Браслет подвергнут анализу (см. в прилагаемой таблице под № 531). Аналогии: находка на Бзыби в сел. Калдахвары (осталась у крестьян), браслеты из сел. Анухва и из Нового Афона, хранящиеся в госмузее Абхазии и экземпляр Сочинского музея краеведения.

Кроме того имеется деформированный обломок браслета (35,9/4) с винтообразно скрученным телом и тонко расплющенными концами. Толщина 4 мм. По технике перевитого стержня имеем аналогию в браслете из катакомб близ Балты (МАК, в. VIII, табл. LXV, 20). Анализ см. в прилагаемой таблице под № 530.

К описанной группе браслетов относится узкий, длинный, железный наконечник копья с простым двускатным лезвием и бронзовая накладка от поясного набора, по форме и орнаментации подходящая к экземплярам из Балты (там же, табл. LXV, 12—13), Камунты (там же, табл. CXVIII, 13) и Дзивгиса (там же, табл. LXXIV, 8, 9, 11).

Упомянутый Калдахварский браслет, однотипный с браслетами *табл. XXVII, 4*, найден вместе с изящным, небольшим бронзовым, ладьевидной формы, сосудом и серебряной узкой фибулой, верхняя площадка которой отдельно напоминает съуженный с двух сторон мальтийский крест. Такая же фибула оказалась в погребении, обнаруженном в том же поселке Эжнепли в 1928 г., вместе с длинным, железным наконечником копья с двускатным лезвием, браслетом круглой бронзовой проволоки, со слегка сплющенными концами, малой бронзовой фибулой и 6 разнообразными бусами (кат. авт. № 27, 6/6). Другая подобная фибула найдена, повидимому, около Гагр.[1]

Эти ссылки позволяют датировать весь упомянутый в данном разделе местный материал ранним средневековьем, приблизительно V—VI веком.

46. К предыдущей группе хронологически близки:

1) Браслет *табл. XXVI, 3* (кат. авт № 28), найденный на том же могильнике Эжнепли и 2) сходный браслет (кат. авт. № 13), найденный на границе земель г. Гудауты и поселка Абгуэра совместно с железным наконечником копья.

---

[1] А. Спицын, Могильник V века в Черноморье, Известия Археологической Комиссии, вып. 23, СПб. 1907, стр. 105, рис. 13.

Первый из них овальный, с круглым стержнем, диаметром в 4 мм, местами по наружной поверхности рубчатым, и дважды, т. е. в плоскости овала и перпендикулярно к ней, сплющенными концами. Завершающие пластинки обращены в стилизованные и орнаментированные листики. Поперечники 45 и 58 мм, прорезь — 2 см. У аналогичного браслета Госмузея Абхазии из сел. Мыцара (№ 1401/1) сплющенным концам добавочной штриховой орнаментацией придано подобие лапок.

У второго браслета, разломанного надвое и погнутого, при таком же круглом стержне диаметром в 3 мм, постепенно уплощающемся к прорези, украшенные рядами продольного пунктира лентовидные концы завершаются двумя последовательными четырехугольными площадками с углублением в центре внутренней из них и сквозным отверстием в центре обращенной к прорези.

Вещевой материал разделов 30—41, и частично 42, характеризует „пост-кобанскую" бронзовую металлургию в Абхазии, как период бытования бронзы в виде культовых предметов, украшений, отчасти сосудов, при совершающемся переходе роли ведущего материала в изготовлении орудий труда и оружия к железу.

Ко времени завершения этого процесса, в Абхазии намечается ускорение темпов развития, выражавшееся в нарастании оживленности сношений, в значительности перекрестных влияний, в подъеме ремесленного производства и торгового обмена, с отложением огромного по разнообразию археологического материала, не только до сих пор не систематизированного, но в действительности еще и не собранного (разделы 42—46).

Каким бы кропотливым и мало эффективным такой труд ни казался,—он должен быть выполнен, так как без него не смогут быть правильно освещены очень важные страницы истории края.

Сказанное и обязывало меня уделить внимание всему приведенному выше мелкому и разрозненному массовому материалу, с целью возможного облегчения его дальнейшего сбора, а также обработки и изучения специалистами.

Под этим же углом зрения помещены и следующие бронзовые изделия еще не определенные с хронологической стороны.

47. Литая, бронзовая п е ч а т к а в виде шарика высотой 11 мм (*рис. 10*; кат. авт. № 29), широким срезом стоящего на расширенном, толстом, плоском донце и снабженного сверху такого же рода маленькой площадкой с круглым, вертикально направленным ушком. Снизу, на донце, выгравированы два одинаковых, широко расставленных знака, не рас-

шифрованных. Место находки—пос. Синапли Мыцарского сельсовета.

48. Медальон-талисман, *табл. XXVII, 1—2* (кат. авт. № 18), круглый, 49—50 мм в поперечнике, со слитным, круглым, истертым от ношения ушком. Найден на территории г. Гудауты, при копке земли. Металл—латунь (?).

С лицевой стороны, на гладком фоне, помещается рельефное изображение человеческой фигуры без признаков пола, с поднятыми в уровень головы, навстречу зрителю, огромными растопыренными ладонями. На груди фигуры выбит знак креста. Тот же самый знак в сложной и вычурно-орнаментальной форме занимает оборотную сторону медальона, окаймленную рубчатой полоской.

Рис. 10. Бронзовая печатка из пос. Синапли. В нат. вел.

Помещаю здесь эту вещь как свидетельство необычайно живучей культовой традиции, идущей от древней Кобани или еще более раннего периода общественного развития. Охраняющее значение данного талисмана усилено присоединением к нему символа христианства.

Не делая ссылок на ряд изображений отдельной руки с растопыренными пальцами, также иногда усиленных присоединением охраняющих эмблем (например, собаки) и общеизвестных по Кавказу и Италии, упомяну лишь аналогичные фигурки из Камунты (МАК, в. VIII, табл. CXVIII, 22) и Кумбулты (Эрмитаж, колл. Долбежева, №№ 11278 и 11279).

Экземпляр, идентичный вышеописанному, из сел. Пахулани, Цаленджихского района, хранится в Зугдидском музее под № 339.

49. Образцы металла. На одном из полей северной окраины Ачандарского сельсовета, в местности Джакуархва, крестьяне неоднократно находили куски меди или бронзы, позволявшие рассчитывать на обнаружение в этом месте следов литейного дела. Однако, обследование места, произведенное мною в 1928 г., существенных результотов не дало, так как поле с незапамятных времен ежегодно обрабатывается. Находки свелись к обломку массивного бронзового предмета (кат. авт. № 31), весом в 26 г. и красноватого слитка весом 72,5 г (кат. авт. № 32). Анализ этого последнего дан в прилагаемой таблице под № 519. С ними вместе найдена бронзовая пластинка длиной в 1,5 см, имеющая расширение с одного конца и подобие квадратной пряжечки с другого (*табл. XXVII, 3*; кат. авт. № 30).

Другой слиток, весом в 69 г, найден в 1930 г. в сел. Отхара на северной окраине села. Слиток поврежден наход-

чиками (кат. авт. № 41). Характерно, что в обоих названных селениях имеются остатки долменов.

В 1922 году в Сухуми, в базарной лавочке у слесаря-кустаря, я осматривал купленные им у крестьянина два слитка бронзы, патинированные в той же мере, как и основной вещевой материал III этапа. Слитки имели форму отлитых стоя брусков приблизительно размера 2×5×20 см. Приобрести их в тот момент я возможности не имел.

Таким образом, единственным обращающим на себя внимание слитком бронзы по Абхазии на сегодня остается слиток Эшерской находки.[1]

В заключение помещается описание предмета несомненно привозного в Абхазию, характеризующего не местное производство, а внешние сношения и поэтому данного в конце, несмотря на то, что он относится к более раннему времени, чем некоторые из последних разделов описания.

50. Чаша серебряная с лицевым изображением Горгоны. *Табл. XXVIII.* Найдена в 1926 году после шторма, в полосе морского пляжа, против западной части Гудаут. Чаша была сильно повреждена, реставрирована в Эрмитаже в 1936 году и тогда же передана мною Эрмитажу, как дар.

Характер повреждения вещи позволяет заключить, что она была вымыта из приморских обрывов западнее Гудаут или вынесена к морю одной из рек; она длительно подвергалась действию прибоя.

Чаша, повидимому, сначала отлита в рельефном рисунке, а затем подвергнута, для улучшения орнаментации, двухсторонней дополнительной чеканке. Внутренняя поверхность сосуда представляет собой негативный рельеф наружной стороны.

Форма чаши полусферическая: поперечник ее 12—12,5 см, высота 5,2 см. Толщина стенки около 2 мм. Материал—высокопробное серебро.

Вдоль ровного края чаши шириной в 0,5 см тянется гладкий поясок; ниже идет поясок из косых насечек, имеющий вид шнура, шириной в 4 мм и, наконец, пояс в виде стилизованной ветки лавра, шириной в 8 мм.

Остальную поверхность чаши заполняет изображение головы Горгоны в фас (Горгонейон). Лицо обрамлено направленными в разные стороны густо заштрихованными локонами волос, или поставленными вертикально над лбом, или спускающимися вниз вдоль лица. У шести средних локонов завиток направлен внутрь, у четвертых от середины—наружу. Основание локонов скрыто парой крыльев, поставленных горизонтально над

[1] Ivaščenko, ESA VII, стр. 107.

лбом и отделяющих восемь верхних локонов от спускающихся вниз, имеющих на концах обращенные внутрь завитки. На крыльях обозначены перья. Лицо обрамлено с каждой стороны двумя свисающими с висков змеями, за которыми следуют спускающиеся локоны (по четыре с каждой стороны). Змеи как бы выползают—по одной из-под каждого крыла и по одной из-под волос. На шее Горгоны имеются три рельефных пояска, каждый шириной по 4 мм. Концы нижнего пояска переходят в шнуровой поясок, идущий по краю чаши.

При беглом взгляде на изображение, благодаря извилистой форме симметрично расположенных локонов создается впечатление множества змей, окружающих лицо.

Чаша помята, лицо Горгоны несколько деформировано; в средней его части большой пролом, захвативший среднюю часть лба, внутреннюю часть правой орбиты и весь нос. Вторая лакуна имеется в конце левого крыла. Ряд трещин искажает лицо. Несмотря на указанные повреждения, можно с уверенностью сказать, что перед нами так называемый „тип спокойного лица" с как бы окаменевшим взглядом широко открытых глаз. Вздыбленные волосы, крылья над лбом и змеи вокруг лица характеризуют именно этот тип. В литературе мы имеем указания, что областью его распространения являются „Кипр и Иония, главным же образом Малая Азия, Эолия и земли далее к северу, где он очень распространен",[1] и что архаическое искусство стремилось включать композицию Горгонейсна в круг или использовать для этого монеты или внутреннюю поверхность чаш.

В нашем экземпляре для этого использована наружная поверхность чаши, чему аналогий не имеется.

По уже приведенным общим данным, в частности по характеру крыльев над лбом, определяю эту чашу, как предмет искусства эллинистической эпохи.

Не вдаваясь в подробности, хочу лишь отметить, что и в пределах Черноморского бассейна достаточно многочисленны находки изображений Горгоны разных типов на украшениях, предметах вооружения и золотых пластинках (Крым и Керчь в частности), на монетах (Ольвия и Синоп), на костяных бусах (Камунта) и т. д.

Хранящаяся у меня монета Синопа, имеющая на лицевой стороне изображение щита с головой Горгоны и аналогичная экземпляру Херсонесского музея, найдена в Гудаутском районе.

Факт широкого отражения мифа о Горгоне в материальной культуре Кипра, Этрурии, Малой Азии и Причерноморских

---

[1] W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon der griechischen und romischen Mythologie, I, 2, Leipzig 1886—1890, столбцы 1705—1721.

областей во второй половине I тысячелетия до х. э., при учете вероятного малоазийского (негреческого) происхождения этого мифа, при наличии локальных типов изображения, смешанного их распространения и заметного ионийского влияния в технике их оформления,[1] может быть использован для более детального раскрытия путей развития культурных связей Черноморского побережья Кавказа в рассматриваемое время[2].

Каждому краеведу, шедшему в своих археологических исканиях от частного к общему, от малого, но исторически целостного мирка своего района к проблемам общего порядка, естественной казалась необходимость параллельного изучения природных ресурсов, в особенности рудных, как своего края, так и соседних территорий, для разработки истории использования этих ресурсов человеком, с учетом связанных с этим требований в отношении сбора и обработки археологического материала.

Однако, эта тенденция не находила отклика в оффициальной науке дореволюционного времени. Тем характернее, что именно Советская археология решительно выступила на этот путь.

Историко-технологический уклон нашей археологии раскрывает блестящие перспективы. Разделяя положения и плановые наметки по исторической технологии, выдвинутые в ряде недавних работ, в частности и для Кавказа,[3] позволю себе присоединить сюда несколько кратких, быть может еще не совсем устаревших общих соображений и вопросов из числа возникших у меня в ходе моей отрывочной работы над местным металлургическим наследством.

Можно считать, что применительно к Кавказу переходу на медь предшествовало достаточно широкое знакомство родовой общины с металлами вообще, что знание металлов было шире их технического применения, что выплавке металла из руды с последующим очень ранним использованием примитивного дутья принадлежит не меньшая роль, чем также гипотетически утверждаемому приоритету холодной их добычи, что в частности испытательный период, приведший к меди, был достаточно длителен и решен в ее пользу на основе не одной лишь возможности непосредственной оббивки нового

---

[1] Там же.

[2] Описанная чаша издана во время печатания этой статьи в книге К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.-Л. 1940, стр. 57 сл. и табл. 11. (*Ред.*).

[3] Археологические работы на новостройках, II, Известия ГАИМК, вып. 110, М.-Л. 1935, стр. 158—238; Иессен, ук. соч., стр. 7, 21, 187, 205, 209, 210.

„камня" и что, наконец, выплавкой ранней меди не исключается возможность дальнейшей холодной ее обработки.

Среди древнейшего медного инвентаря Кавказа мы имеем литую медь достаточно развитых типов.[1] Надо думать, что дальнейшие находки древней меди в изделиях и всестороннее технологическое изучение материала раздвинут границы наших представлений о роли огня в деле зарождения металлургии меди на Кавказе. До накопления же достаточного исследовательского материала мы вынуждены оба пути зарождения металлургии меди на Кавказе, пути холодной и огневой добычи и обработки, считать равно возможными и равноценными.

В этой же связи необходима настороженность для уловления действительных признаков наиболее раннего появления в бытовом обиходе железа.

Значительную роль в дальнейшем изучении металлических изделий, в частности бронз, должно играть химико-технологическое их исследование. При этом однако нам необходима уверенность в том, что через тысячелетия до нас дошли подлинные качества материала, какими их знала техника древности. Нам далее необходим критерий для определения того, какие из примесей в бронзовом сплаве отнести к меди, какие к олову и какие к обоим компонентам сплава вместе, с учетом того, что смесь или примесь переплавленных бронз усугубляет сложность картины. Наконец, необходимо учитывать возможность наличия в металле примесей, происходящих из угля и глины, использованных во время плавки.

Расширенного исследования требует также вопрос о химических соединениях олова с медью в бронзовых сплавах. Вместе с тем имеются основания полагать, что дробями процента отмечаемые количества веществ, а возможно и их эмпирически выслеженные древними мастерами сочетания, разнообразно влияют на качества сплава. Так, например, известно, что ничтожные присадки разных металлов влияют на температуру застывания олова:[2] незначительные добавления отдельно мышьяка или фосфора повышают твердость сплавов и т. д.

Комбинированное же влияние разнообразно действующих примесей и вовсе не прослежено, а оно, несомненно, ведет за собой разнообразие качественных оттенков материала, притом не просто суммированное. Этого порядка соображения диктуют необходимость внимания в анализах бронз ко всем величинам. Кроме того, необходимо учитывать, что различные части литого, массивного бронзового изделия могут, в силу

---

[1] Иессен, ук. соч, стр. 90.

[2] Д. И. Менделеев, Основы химии, т. II, 12-е изд., М. Л. 1934, стр. 467.

ликвации, оказаться неоднородными по составу. Иногда на изломах хорошего бронзового литья в лупу обнаруживаются включенные в матово-золотистую губчатую массу островки белого металла, что, очевидно, говорит о незаконченном растворении присадки. Попутно вспомним возможность дополнительной технологической обработки отдельных частей уже отлитой вещи и т. д. Сказанным заостряется вопрос о методах взятия проб для исследования.

Возвращаясь к Абхазии, отметим что одна из трудностей предстоящих исследовательских работ состоит в том, что древнейшие объекты археологической меди здесь, как, очевидно, во многих местностях Кавказа, очень редки, частью в силу естественного разрушения металла, частью в силу непрерывной утилизации меди населением, продолжающейся и в наши дни. Сравнительно хорошею сохранностью обладает лишь поздняя медь долменов Абхазии. Между тем вся полнота изучения должна пасть в первую очередь именно на наиболее раннюю вещевую медь, с последующим переходом к изучению металла более поздних предметов для получения данных о присадках, примесях и последствиях механических воздействий, а в частности об олове, в установлении характеристики которого мы заинтересованы не меньше, чем в меди.

Надо надеяться, что пополнение местного фонда наиболее ранней археологической меди не является делом непреодолимым.

По вопросу общих сведений о рудных и минеральных ресурсах Абхазии я хотел бы обратить внимание на свежую работу геолога Абхазского Научно-исследовательского Института В. Г. Семенова „Полезные ископаемые Абхазии", любезно предоставленную мне автором для ознакомления в рукописи, подготовленной к печати.

Приведенные в этой работе указания о выходах и залеганиях меди, а также о выработках медной руды, весьма многочисленны. Однако, далеко не все эти сведения, соответственно отзыву автора, достоверны и необходима тщательная их проверка.

Общий вывод из обзора этих сведений сводится к тому, что несмотря на обильные признаки наличия меди, на сегодня, в Абхазии не известно ни одного залегания медной руды, по своим размерам способного обслужить хотя бы небольшое кустарное предприятие.

И все же серьезная дискуссия по вопросу об источниках, обеспечивавших в древности Бзыбскую Абхазию медью, была бы преждевременной по недостаточной еще изученности вопроса как в отношении археологических находок, так и гео-

логических данных и по самой Абхазии и по смежным районам. Притом само это изучение должно бы протекать обязательно в свете этнической характеристики территории, во избежание отрыва истории общественного производства от природной среды.

Абхазское слово აბჳა (авуа), медь, является названием оригинальным, не повторяющимся в того же значения корнях других языков Кавказа[1].

Абхазского наименования бронзы я ни в словарях, ни в живой речи обнаружить не смог. Видимо, здесь требуются углубленные искания.

Название олова по абхазски აკალგეი (akalγei) в корне своем созвучно тому же названию в большинстве языков Кавказа и Малой Азии.

Переходя к рассмотрению таблицы анализов металла из моего собрания, я должен отметить то исключительное внимание, с которым в Институте Археологической Технологии ГАИМК в 1936 г. была принята моя просьба о производстве этих анализов. По соглашению с Институтом состоялся отбор объектов с расчетом на получение ориентировочной характеристики и по более заметным комплексам и по всему периоду металлургии меди в Бзыбской Абхазии в целом. Правда, автор не протестовал бы против еще более широкого внимания к материалам из Абхазии, но, по совести говоря, 22 анализа на небольшое собрание вещей—это на сегодня достижение не плохое.

Первое, что бросается в глаза при обзоре таблицы (см. стр. 88—89) это удивительная однородность и стойкость общей химической характеристики вещей. Неизменными, связанными между собой, спутниками являются: свинец, железо, никель, сурьма и сера, причем мы имеем весьма важное указание под № 524, заключающееся в том 1) что, повидимому, основой указанной выше характеристики является медная руда, 2) что при возможности использования руд варьирующего состава (±Ni, ±As) совершенное отсутствие в долменном топоре олова заставляет нас с большой осторожностью относиться к толкованию причин наличия в сплавах даже незначительных его количеств, 3) что олово, шедшее в присадку, было очень чистым, высокосортным, разнообразящим поэтому общую характеристику сплавов лишь в мельчайших деталях, но не меняющим ее.

Стойкость характеристики на ряде этапов — при изменчивости внешних культурно-исторических отношений — позво-

---

[1] Название селения ჰაბჳჳ (habyə) с названием меди не связано.

№№ по лаб. жур.	№ предмета	Название образца	Происхождение	Медь Cu	Олово Sn	Свинец Pb
484	№ 44	Топор	р. Бзыбь	92,1	7,09	+
485	№ 39, 9/9	Предмет в форме рюмочки .	Новый Афон	78,80	+	—
513	№ 1	Образец металла от ножного браслета . .	сел. Абгархук	82,70	13,72	0,23
515	№ 4	Обломок фигурки конька двуногого	Бамборская поляна	85,11	11,5	0,11
516	№ 4	Обломок плоского украшения	„	94,72	0,23	0,27
517	№ 25, 6/5	Обломок иглы от фибулы .	Селение Мыцара	85,19	7.53	+
518	№ 25, 6/6	Обломок иглы от фибулы .	„	87,92	7,82	
519	№ 32	Металл от слитка бронзы .	ур. Джакуархва, Ачандарск. с./с.	99,01	0,05	—
520	№ 38	Обломок браслета с украшениями	сел. Абгархук	85,45	9,67	+
521	№ 39, 9/3	Металл от топора с рисунком зверя	Н. Афон	88,07	10,14	0,15
522	№ 39, 9/2	Металл от топора с городчатым рисунком . .	„	81,81	9,53	0,09
523	№ 39, 9/5	Металл от наконечника дротика	„	86,6	11,09	0,06
524	№ 40	Металл от топора долменного типа	с. Отхара	96,66	—	0,09
525	№ 51	Два обломка браслета . .	Виноградный совхоз	84,89	10,83	2,51
526	№ 57, 10/1	Металл от браслета с расплющенными концами . .	Гудаутский р-н	87,99	7,57	0,71
527	№ 97, 10/6а	Металл от браслета с утолщ. концом	„	83,0	10.91	+
528	№ 57, 10/5б	Тоже, от более тонкого .	„	90,10	7,96	0,50
529	№ 57. 10/8	Металл от браслета с утолщ. концом, черная патина . .	„	91,24	7,25	0,31
530	№ 35, 9/4	Металл от браслета с перевитым стержнем	Селение Мыцара	84,25	10,82	0,58
531	№ 35, 9/5	Металл от браслета с 4-х гранными утолщениями .	„	88,96	2,69	+
532	№ 12	Металл от топора	Селение Ачандара	90,46	2,85	0,18
				SiO_2	FeO	Fe_2O_3
514	№ 1	Образец ядра ножного браслета; см. анализ № 513 .	Сел. Абгархук	60,60	—	9,49

Подлинное подписал Д. член ИАТ: **А. Иессен**

---

[1] + означает, что соответствующий элемент не был определен количественно, а незаполненная графа — что он не определялся.

[2] Потеря при прокаливании 1,36%. Вещество является смесью песка с гли

Железо Fe	Никель Ni	Кобальт Co	Мышьяк As	Сурьма Sb	Цинк Zn	Марганец Mn	Висмут Bi	Серебро Ag	Сера S	Фосфор P	Сумма Σ
0,11	—	—	—	0,65			—				
+	—	—	+ (много)				—				
0,24	+		—	2,65	—	—		—	0,03	—	99,57
0,08	—		—	0,10	—			—	0,06	—	96,93
0,08	0,02		0,46	сл.	—			—	0,02	—	95,89
0,09	0,12		—	0,42	—			—	0,11	—	93,46
0,08	—		—	0,35	—			—	0,05	—	96,24
0,05	0,1		—	0,28	—			—	0,03	—	99,52
0,07	—		—	0,35	—			—	0,05	—	95,59
0,08	сл.		сл.	0,52	—			—	0,07	—	99,03
0,04	0,03		—	0,56	—			—	0,16	—	92,22
0,95	—		—	0,71	—			—	0,11	—	(100,14)
0,04	0,02		сл.	0,20	—			—	0,15	—	97,16
0,17	сл.	+	—	0,66	—			—	0,27	—	98,73
0,04	—		—	0,32	—			—	0,06	—	96,69
0,05	0,07		сл.	0,27	—			—	0,02	—	94,32
0,08	0,05		—	0,11	—				сл.	—	98,80
0,27	сл.	+	—	0,06	—			—	0,22	—	99,35
0,31	0,07		—	0,50	—			—	0,04	—	96,57
0,64	0,10		—	0,32	3,30			—	0,09	—	96,10
0,22	сл.		0,08	0,26	—			—	0,21	—	94,26
Al_2O_3	MnO	CaO	MgO	TiO_2	S						
24,77	0,54	0,86	0,63	0,25	0,09						98,59 [2]

27 марта 1937 года.

хотя он присутствует в металле; знак — означает, что элемент не был найден.

ной 2 : 1 и представляет формовочную шишельную землю.

ляет нам говорить о длительном, непрерывном существовании местной металлургии меди на местной же медно-рудной базе, с отнесением ввоза готовых медных и бронзовых изделий к случайностям.

Из представляемой серии анализов номер 519 подтверждает древность слитка бронзы из Ачандарского с/с, а под № 525 вещь оказалась не медною, а бронзовой, с крупной присадкой свинца, привнесенного в сплав вместе с оловом, или, скорее, являющегося доказательством раннего технического эксперимента по нащупыванию оптимальных составов бронзы.

Далее, присадками возможно являются: сурьма в № 513 и мышьяк в №№ 485 и 516, составляющий основную причину твердости отмеченных вещей.

Возможно, что присадкой следует считать и сурьму в №№ 484, 521, 522, т. е. в орудиях и оружии; особенно необходимо отметить комбинацию сурьмы с железом в № 523, которой, очевидно, и обусловлена необычайная твердость этого наконечника дротика, не уступающая лучшей стали.

Серу по таблице необходимо учесть не как показатель примитивности добычи меди, а как признак полу́чения ее из сернистомедных соединений, т. е. медного колчедана,[1] что совпадает с наличием в Абхазии многочисленных выходов медного колчедана и неизменным присутствием во всех предъявляемых анализах железа.

Таким образом, характеристика технически использованной на протяжении нескольких этапов меди и ее сплавов обращается для Бзыбской Абхазии в косвенный признак местного производства ее.

Поскольку основной частью публикуемого в этой статье археологического материала является „Кобан" в Абхазии, точнее же говоря материал III этапа металлургии северо-западного района основного культурно-исторического варианта древнего Кавказа,[2] я позволю себе в нижеследующих частных выводах сжато дать несколько дополнительных штрихов к характеристике как указанного материала, так и этапа в целом.

Объяснение разрозненности этих замечаний лежит как в общем характере статьи, содержащей к тому же часть выво-

---

[1] Д. И. Менделеев, ук. соч., стр. 291.

[2] Области, включающей в себя еще районы северный (Северный Кавказ) и южный (с неопределенной пока границей) для всех трех стадий металлургии, при определенном территориальном сдвиге к югу ко времени III этапа.

дов в самом тексте, так и в том, что многие соображения уже высказаны в литературе.

1. Бо́льшую древность топоров типа CII по сравнению с типом CI на наличном местном материале отчетливо подтвердить не удается. Численно, в находках, этот тип преобладает. Несомненна полоса единовременного бытования обеих форм, т. к. Абгархукский „шейный обруч" найден с топором CI, а Отхарский — с топором CII.

В частности, фактами названных находок подкрепляется приведенное мною (в разделе 16) указание Шантра относительно постоянного нахождения „шейных обручей" в мужских могилах.

2. В появившейся в 1935 году работе Пшеворский,[1] исследуя топоры сборного клада из Орду, на основе узко-типологического признака, именно варьирующего положения боковых ребер в обушной части указанных топоров, и в частности наличия на одном из экземпляров четырех боковых ребер, приходит к выводу, что вещи эти являются особенными, исключительно местными разновидностями, собственно Кавказу не свойственными, но специфичными для участвовавшего в известной мере в культурно-историческом развитии Кавказа, восточного Понта. В отношении развития формы Пшеворский считает реберчатые топоры из Орду стоящими на заключательной ступени, как продукт локального развития Понта, протекавшего в XII столетии до х. э.

Наличием четырех боковых ребер на Бзыбском рабочем топоре (*табл. XIII, 1*), а также и на топоре из сел. Приморского (*табл. VIII, 5*) и 6 ребер, сбегающих к самой грани клиновидного бойка, на среднем Аагстинском топоре (*табл. IV, 2*), отводятся соображения, высказанные С. Пшеворским.

Топоры типа CII, не теряя своей специфики, варьируют в пределах достаточно широких, чтобы лишить почвы выделение экземпляра из Орду в особый тип.[2]

Остальные четыре топора из Орду, как недифференцированные формы, переходные от инвентаря II-го этапа, чему не противоречат и имеющиеся отрывочные данные химического анализа, привлекают к себе внимание сочетанием в них в разной степени элементов топоров CI и CII.

Туземность клада из Орду, как и хронологическая его однородность, недоказуемы.

3. В бронзовом археологическом инвентаре Абхазии, как и в соответствующих горизонтах Кобанского могильника, от-

---

[1] Stefan Przeworski. Der Grottenfund von Ordu, Archiv Orientální, vol. 7, № 3, Praha, 1935.

[2] Przeworski, ук. соч., стр. 406.

сутствуют наконечники стрел; не обнаружены пока также бронзовые сапы и плоские топоры с заплечиками.[1]

4. В бронзовом инвентаре Абхазии III этапа разнообразие форм, технических приемов, орнамента, а также идеологического содержания вещей культового значения и состава бытовых комплексов соответствует в основном тому, что мы наблюдаем на этом этапе в большинстве районов Центрального Кавказа и западного Закавказья, при удержании известной своей местной характеристики.

Насыщенность территории Абхазии остатками материальной культуры говорит о длительном положении северо-западного клина Закавказья в роли посредствующего звена между Северным Кавказом и западным Закавказьем, быть может в более ранние времена и прерывавшейся, но безраздельной для всего III этапа.

5. Наметившийся, по данным анализов, местный характер бронз Бзыбской Абхазии нуждается в проверке дальнейшими исследованиями местных археологических материалов, при попутном выяснении юго-восточной границы этой группы и степени совпадения ее с границей районных различий в комплексах инвентаря для разных этапов.

6. Бронза Бзыбской Абхазии скупо варьирует в своем химическом составе. В ней не отражены переходные от меди сплавы, чем создается впечатление восприятия бронзы сразу, как уже разработанного металлургического достижения. Это последнее обстоятельство имеет свою параллель в известной резкости перехода от долменного инвентаря к вещевым типам III этапа, при сохранении, повидимому, основной химической характеристики меди, использованной в изделиях обоих этапов.

7. Металлическое производство III этапа в Абхазии выявляется перед нами как будто не смыкающимся с предшествующим этапом своего развития, как будто уже сложившимся, со всеми специфическими чертами, со своими техническими приемами, со своим кругом символов и т. д. Однако, этот разрыв скорее всего местного порядка и поэтому кажущийся. Быть может не на нашей территории, но это производство III-го этапа развилось из долменного, восприняв от последнего ряд вещевых форм: двуконусные бусы, спирально витые трубки, булавки с отверстием в утолщенной части стержня, поясные пряжки, височные кольца, обоймицы и т. д. Изучение соответствующих музейных материалов выявляет наличие переходных форм, сохранение ряда вещевых типов долменной ме-

[1] Дуговых фибул с утолщенным брюшком в Абхазии до сих пор обнаружен лишь один экземпляр (Стражев, ук. соч., стр. 111).

таллургии и даже возрождение в „Кобани" более ранних прототипов. Так, например, в змеевиковых топорах Северного Кавказа[1] сквозят все элементы бронзовых топоров типа CI, это две формулы одной и той же конструкции в разном материале.

Для Абхазии, вышеотмеченный мнимый разрыв в преемственности, может найти свое объяснение с меньшим вероятием в недостаточном накоплении вещественного материала, с большим же вероятием в исторических сдвигах, оставивших нам в наследие своего рода „сбросы", вероятнее всего связанные с неравномерностью развития отдельных общественных групп и, следовательно, с переходом наиболее прогрессивной роли от одной общественной среды к другой.

8. „Кобанская" металлургия эпохи своего становления и расцвета характеризует яфетическое ядро Центрального Кавказа и Западного Закавказья на завершающем этапе развития родового общества. Границы племенной замкнутости еще не прорваны. Металлургия, уже специализованная, но еще связанная с натуральным хозяйством, полностью обслуживает внутренние потребности родовых общин.

Отсюда широкое разнообразие в деталях вещевых форм и орнаментации изделий; отсюда же особенность и однородность стиля и состава вещевых комплексов, ибо „племя оставалось границей человека как по отношению к чужаку из другого племени, так и в отношении самого себя: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, являясь высшей силой, данной от природы, которой отдельная личность оставалась, безусловно, подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импонируют нам люди этой эпохи, они совсем не отличаются один от другого, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытного общества".[2]

9. По техническим и вещевым показателям порой наивысшего расцвета самобытной местной металлургии бронзы, уходящей своими корнями в местную же металлургию меди, является длительная часть III этапа, предшествующая эллинской колонизации.

Под давлением представителей рабовладельческого общества, нашедших на Черноморском побережьи Кавказа благоприятную для своей деятельности обстановку, под давлением более совершенной, пришлой, конкурирующей техники, рабо-

---

[1] Например Самоквасов, Труды V Арх. Съезда, М. 1887, табл. I, 5 и 7.

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат 1934, стр. 91.

тавшей вероятно на местном материале, под местный вкус, при росте потребности в новых разнообразных предметах обихода и особенно усилившемся внедрении железных орудий и оружия, туземная металлургия стала замирать.

10. Преемственность металлургической производственной традиции III этапа, сказывающаяся в ранних железных изделиях Абхазии (раздел 37), свидетельствует об автохтонности освоения железа мастерами местных общин, носителями названных традиций, непрерывно вырабатывавшихся в течение длительного предшествующего времени.

Это положение позволяет считать, что образовавшиеся к концу эпохи племенные объединения, противостоящие колонизаторам эллинам уже как абхазы, связаны кровной линией, в более поздней части своего ядра, с местными этническими группами, частичным материальным выражением общественного развития которых служит местный вариант металлургии III этапа.

Учитывая ограниченность приведенного мною в данной работе материала, я вынужден удержаться от опыта обобщающего культурно-исторического заключения. Хотя бы и не лишенное остроумия, такое построение, подобно многим уже высказанным, неизбежно оказалось бы заранее обреченным на бесплодное отмирание под напором вновь выявляющихся фактов.

На пути к решению занимающих нас основных проблем прежде всего необходимо было бы получить достоверные археологические характеристики всех областей и районов Кавказа по всем этапам металлургии меди и бронзы. Не малое значение имело бы и конкретное выявление обстановки предшествовавшего металлу периода позднего неолита, приведшего к повидимому территориально рассеянным вспышкам освоения меди.

Другое, не утратившее еще весомости, обстоятельство, требующее радикального разрешения, кроется в следующем: „возможно, что единство в металлообрабатывающем производстве по всей рассматриваемой территории идет из более отдаленного прошлого и установилось еще на II или даже I этапе нашей схемы“,[1] причем „в эпоху так наз. „медного века“ наблюдается очень значительное сходство металлических изделий на весьма широкой территории“.[2] В этой связи необходимо вспомнить прототипы медных орудий и оружия, данные в соответственных каменных изделиях юго-востока Европы, медный инвентарь обоих склонов западной части

[1] Иессен, ук. соч., стр. 138.
[2] Там же, стр. 86.

Кавказского хребта, в том числе и долменов Абхазии,[1] тяжелые металлические топоры Триполья, с дальнейшим от них переходом к вислообушному типу и т. д.

На этом общем фоне вислообушная форма топоров, используемая как показатель последовательных стадий развития соответствующих общественных групп, все более обособляясь и дифференцируясь, оказывается в составе вещевых комплексов, „в пользу местного происхождения которых говорит как своеобразие самих изделий, так и распространение их на довольно отчетливо ограниченной территории",[2] т. е. по данным на сегодня, на территории Северного Кавказа „главным образом в предгорной и прилегающей к ней ближайшей степной полосе".[3]

Сказанным соображения о местном возникновении металлургии меди в северных и восточных областях Черноморского бассейна, как части широкого Средиземноморья и об оживленных связях между этими областями, акцентируются настолько, что впредь до глубокого и решающего пересмотра этой проблемы утверждения об исключительной роли „юга" в возникновении металлургии меди на Северном Кавказе и в районах Главного хребта не могут претендовать на бесспорность.[4]

Думается также, что мы совершенно не имеем оснований рассматривать „Кобанскую" металлургию, равно как и материалы двух предыдущих этапов, как отражения изолированных общественно-производственных эпох. Противоречиво возникая и причудливо вплетаясь в общий ход исторического развития, все три условных этапа истории металлургии меди северо-западного Кавказа, от времени ее зарождения до времени потери ею самобытности, составляют единое целое, имеющее для отдельных моментов синстадиальных двойников в металлургическом производстве того же Средиземноморского бассейна.

История металлургии меди интересующих нас областей Кавказа не может быть дана вне связи с историей населявших эти области родовых групп. При этом всю совокупность медно-бронзовых вещей и комплексов нельзя рассматривать как результат „единоутробного" развития. Этот вещевой язык, подобно речевому, выделяя варианты, исподволь складывался,

---

[1] Связанных с Северным Кавказом остаточной группой долменов Красной Поляны, от которых очень недалеко до верховьев рек Лабы и Белой.

[2] Иессен, ук. соч., стр. 95.

[3] Там же, стр. 93.

[4] Получения ценнейших данных по этому вопросу, судя по начальным признакам, можно ожидать от тщательно поставленного изучения древних поселений Рионской низменности.

обогащался, изменялся под разновременным, разной интенсивности, порой скрещенным, влиянием сменявшихся в своей ведущей роли и в этом движении дифференцировавшихся этнических групп.

Изложенными заключительными соображениями затрагивается вопрос о необходимости установления единой исходной перспективы для дальнейших исследований и частично намечаются проблемы, слабая разработка или нерешенность которых стоят преградами на пути изучения важнейшего раздела истории материальной культуры Кавказа, следовательно и написания подлинной истории края, являющейся для древнего времени историей развития и разложения родовых обществ.

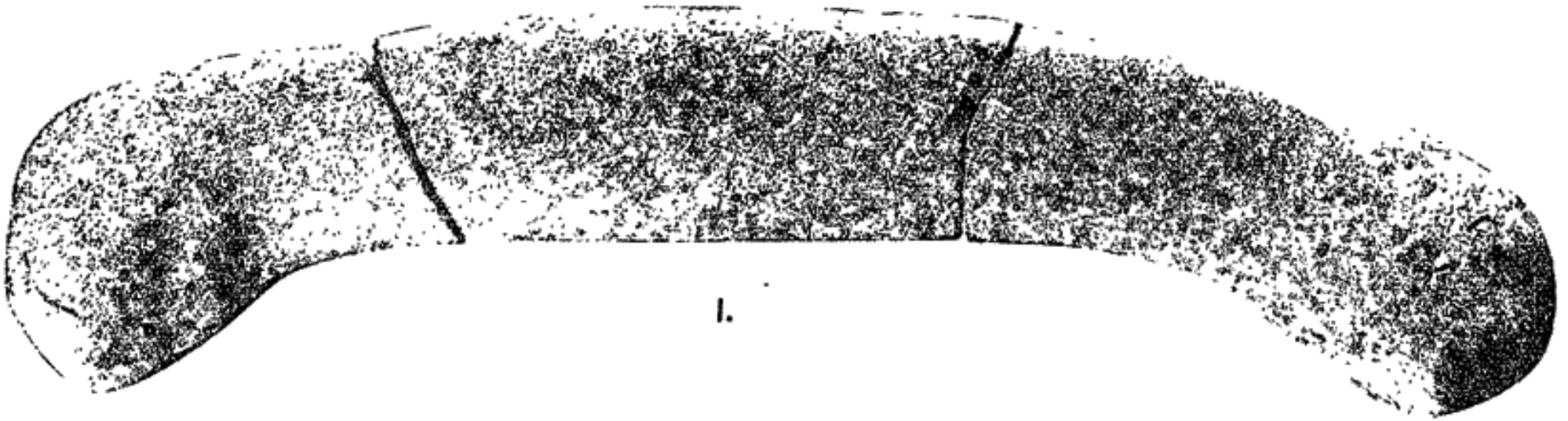
SOME MATERIALS TO THE ARCHAEOLOGY OF NORTHERN ABKHAZIA

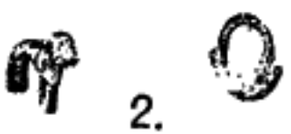
The author describes the archaeological collections gathered by him in the northern part of Abkhazia, between Bzyb and Gumista rivers (fig. 1). In 1936 the principal part of these collections was transferred to the Hermitage.

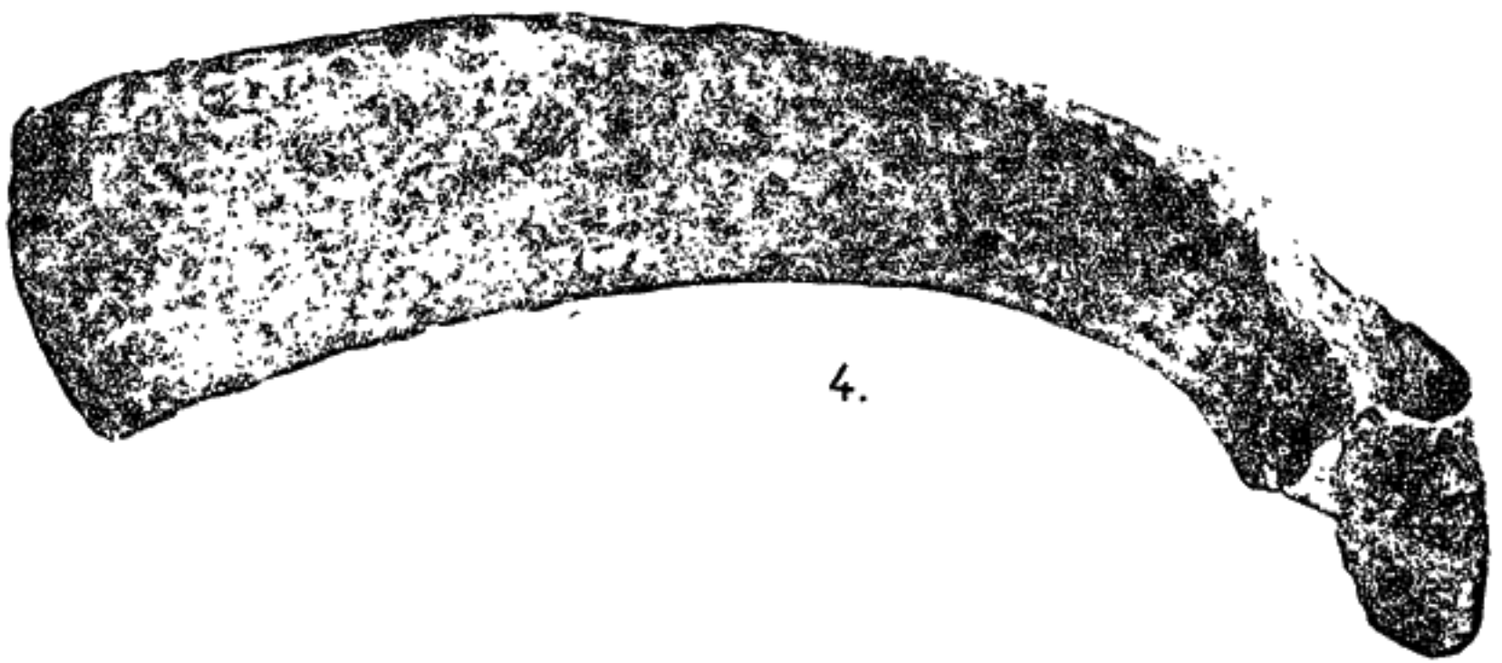
The materials we are going to publish may be divided in several groups.

To the earliest group belong some separately found objects of the copper age (2nd millenium B. C. Plates I—II). A series of objects, closely connected with the bronze ones of the „Koban" type, especially common in the northern Caucasus and Georgia (plates III—XIV), belong to the developed Caucasian bronze age (end of the second—beginning of the first millenium B. C.). Amongst them may be noted a burial-group from Aagsta (plates III—VI) and another probably funeral complex from the New Athos (plates VIII—IX). A bronze battle-axe, on bronze helve and with figurines of horses on the head, found in Gudauty is of a particular interest (plate XI).

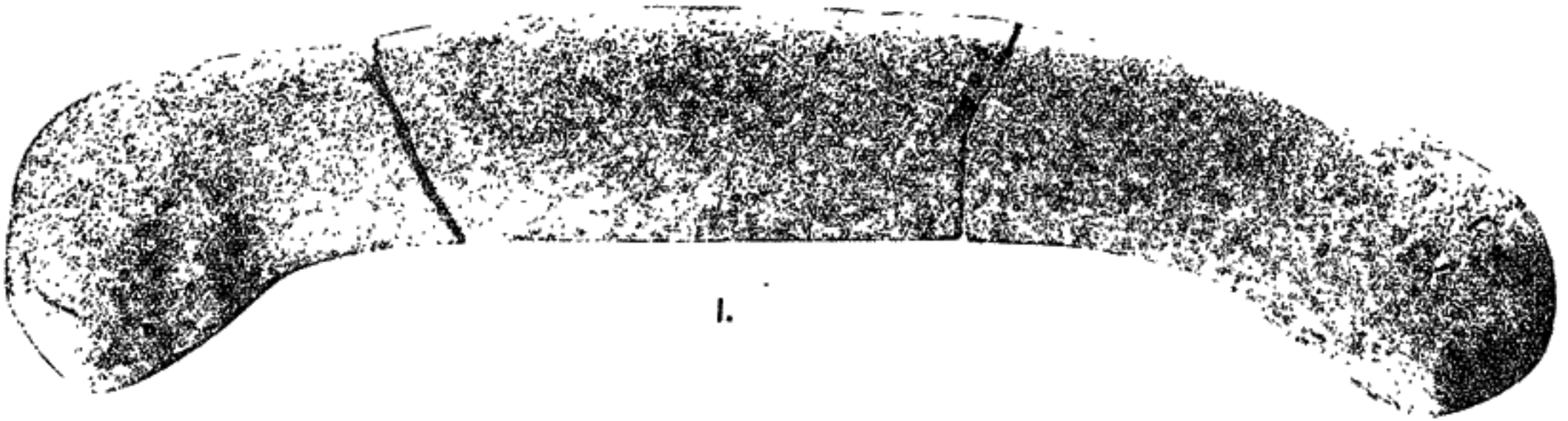
The next group dates from about the middle of the first millenium B. C., when the local metallurgy, though already using iron for tools and weapons, conserved in the manufacturing of bronze all the traditions of earlier periods (plates XV—XXVI). Amongst these objects the set found at Bambory in 1910 attracts the greatest attention. It consists of a series of figurines

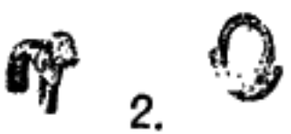


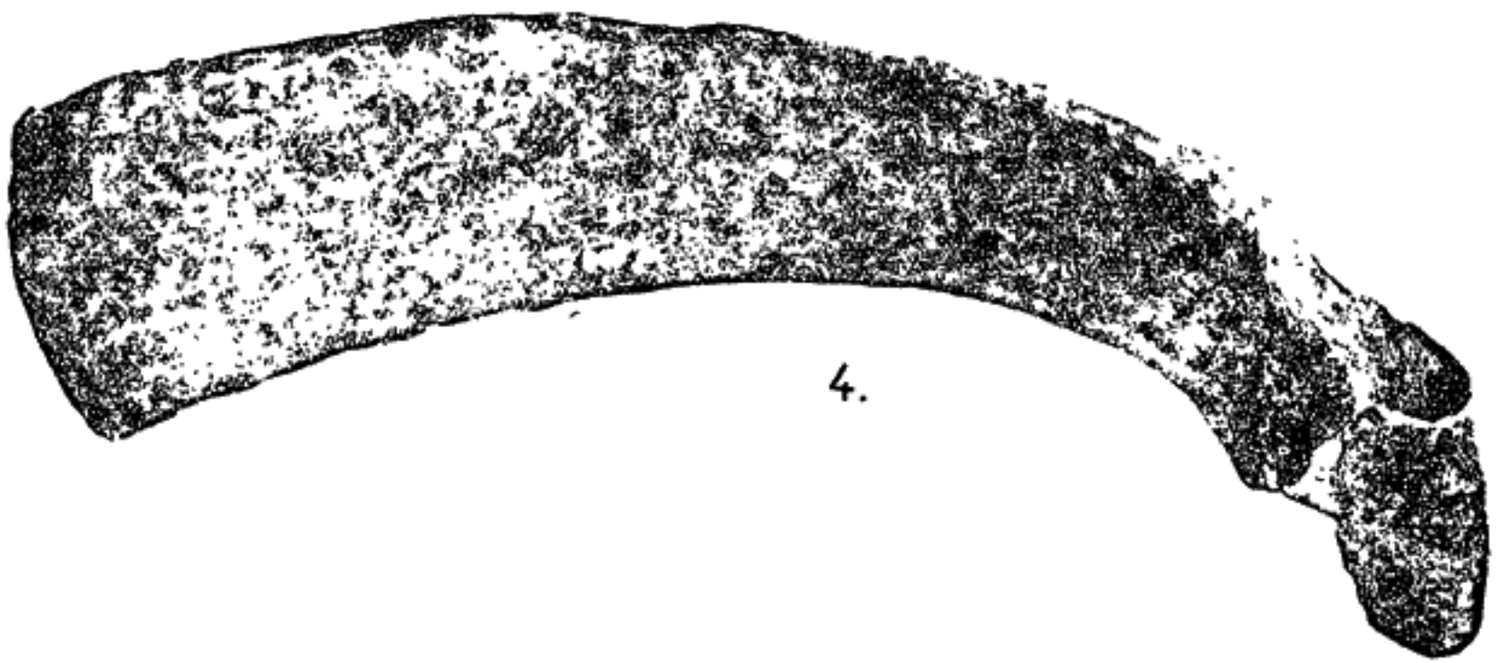




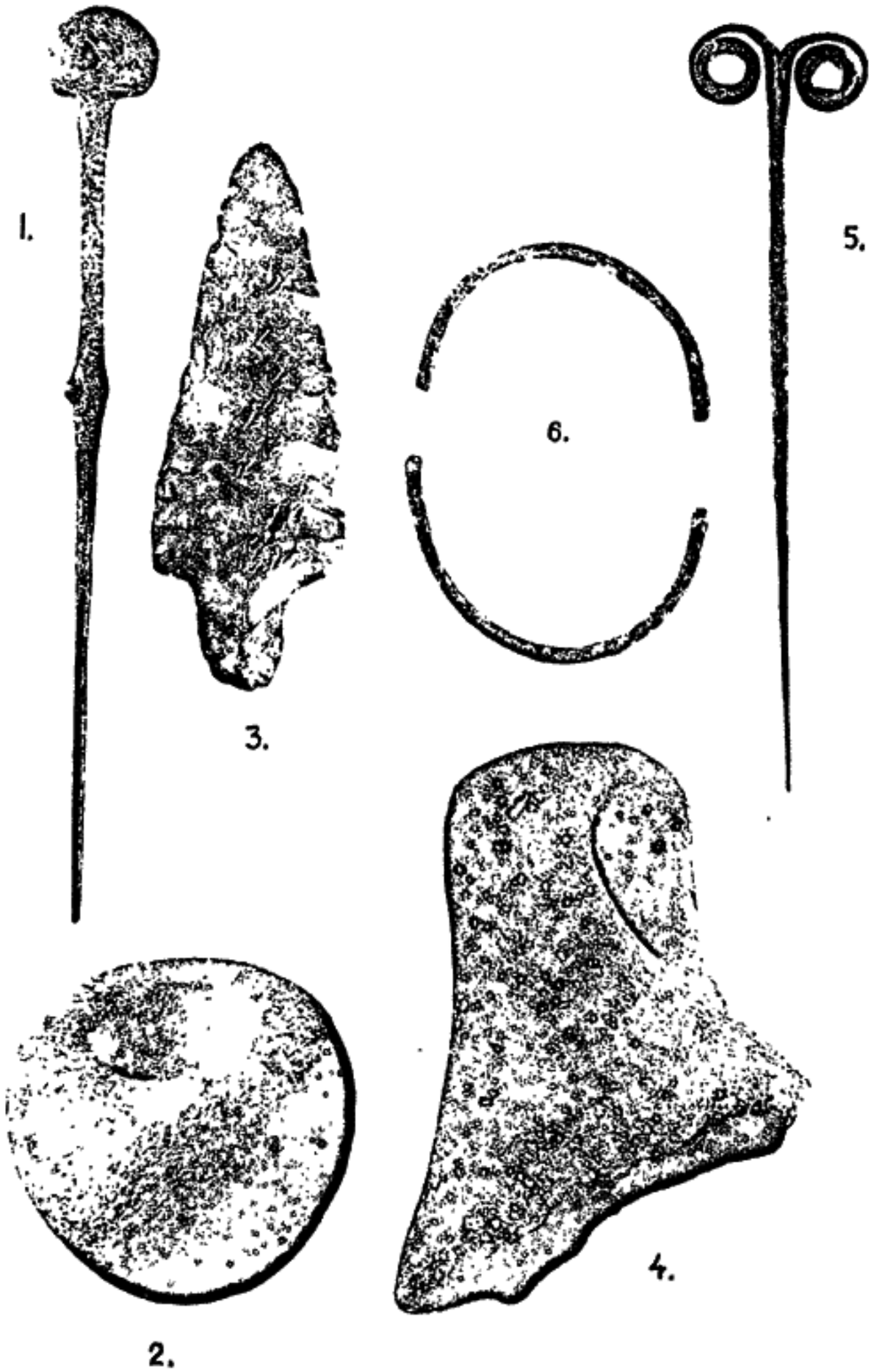
1—3. Верхний камень зернотерки, пара медных височных колец и начатый сверлением камень с Бамборской поляны. $^1/_2$ н. в.
4. Медный топор из с. Отхара. $^3/_4$ н. в.



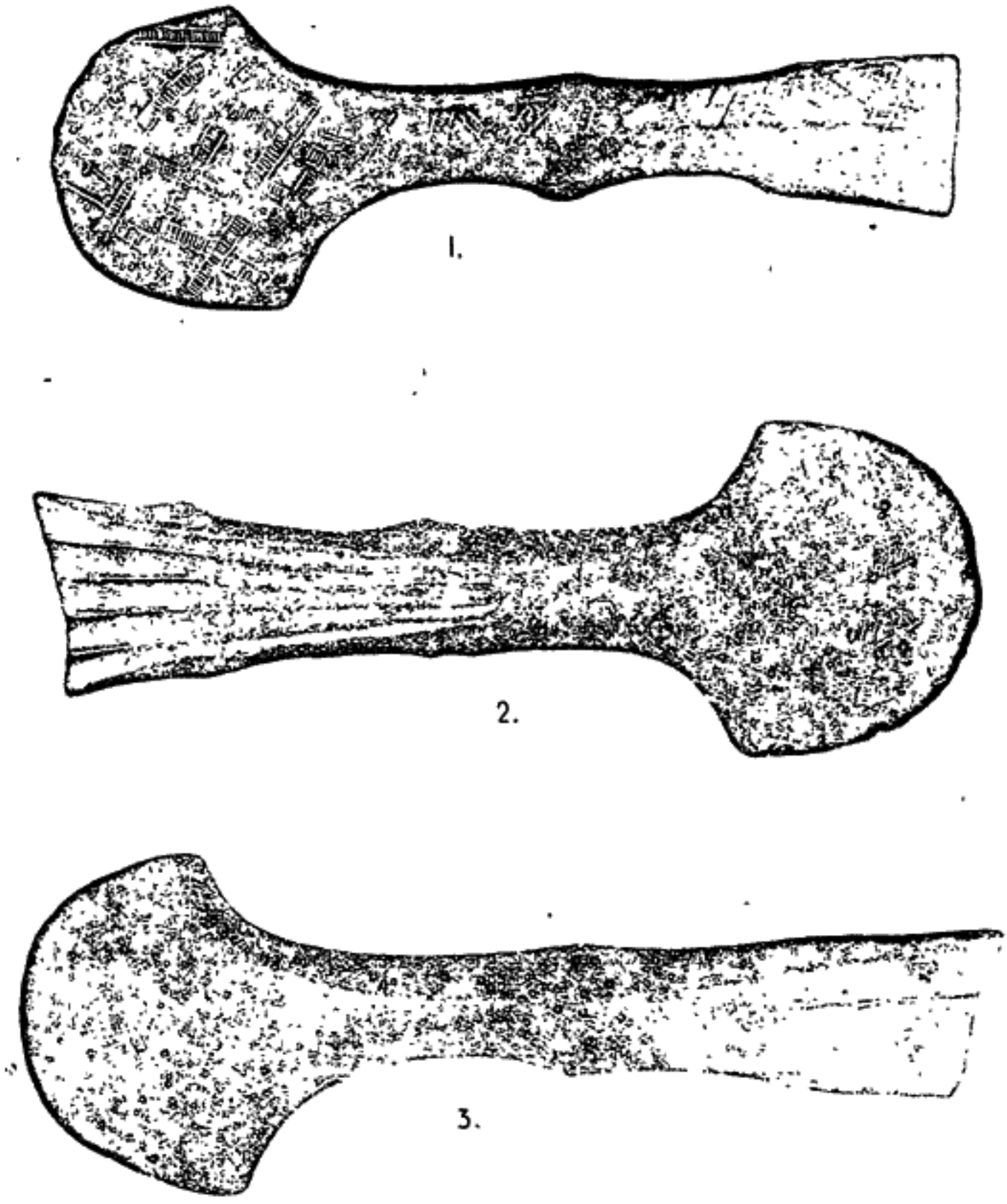




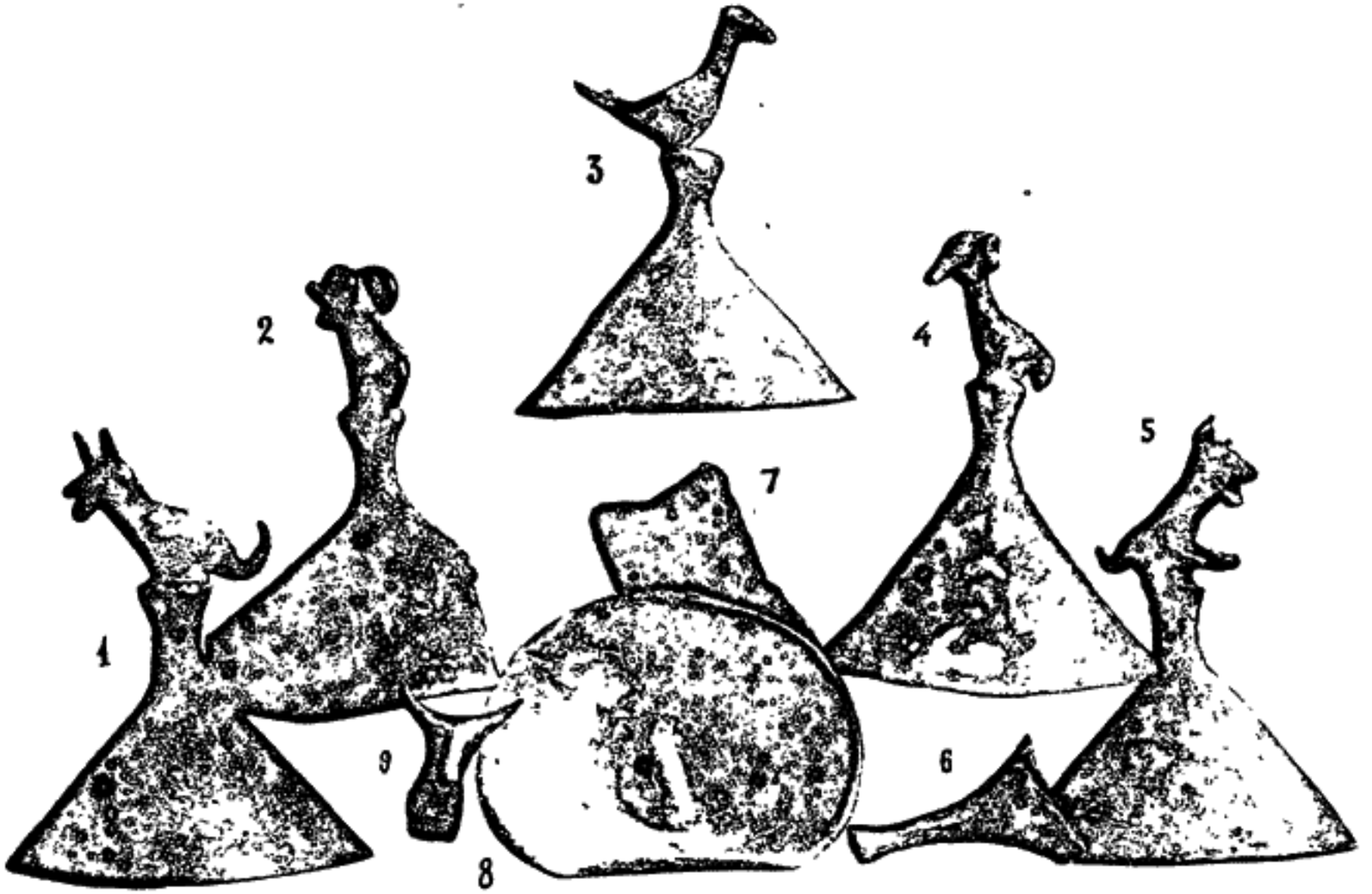
1—3. Верхний камень зернотерки, пара медных височных колец и начатый сверлением камень с Бамборской поляны. $^1/_2$ н. в.
4. Медный топор из с. Отхара. $^3/_4$ н. в.



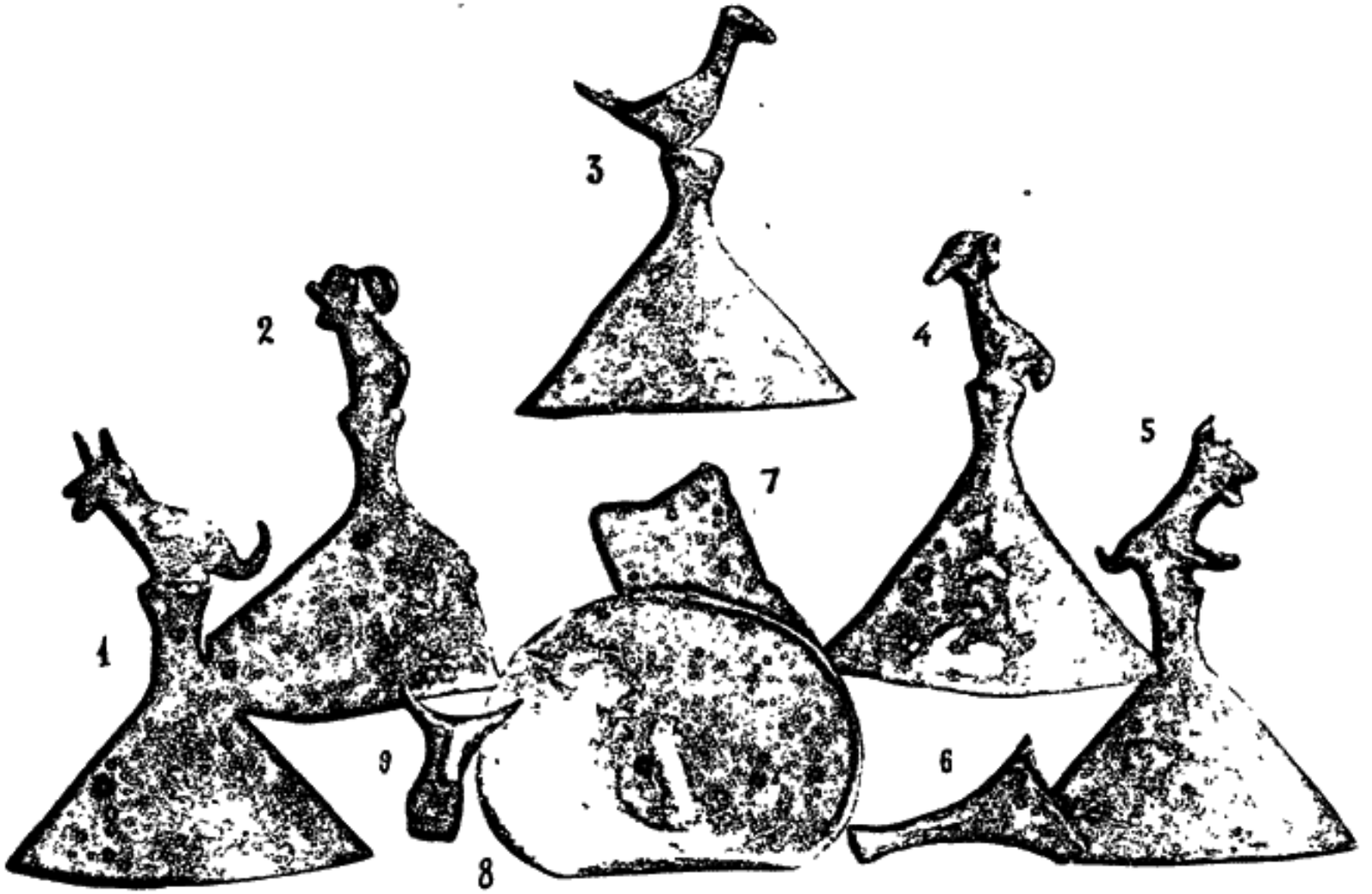
1. Бронзовая булавка из Ачандара. 2. Каменная чашечка из Гудауты. 3. Кременевый наконечник дротика с Бамборской поляны. 4—6. Ушко глиняного сосуда, бронзовая булавка и браслет из находки на Бамборской поляне. 3/4 н. в.



1—3. Бронзовые топоры из погребения в ур. Аагста, Ок. 1/2 н. в.

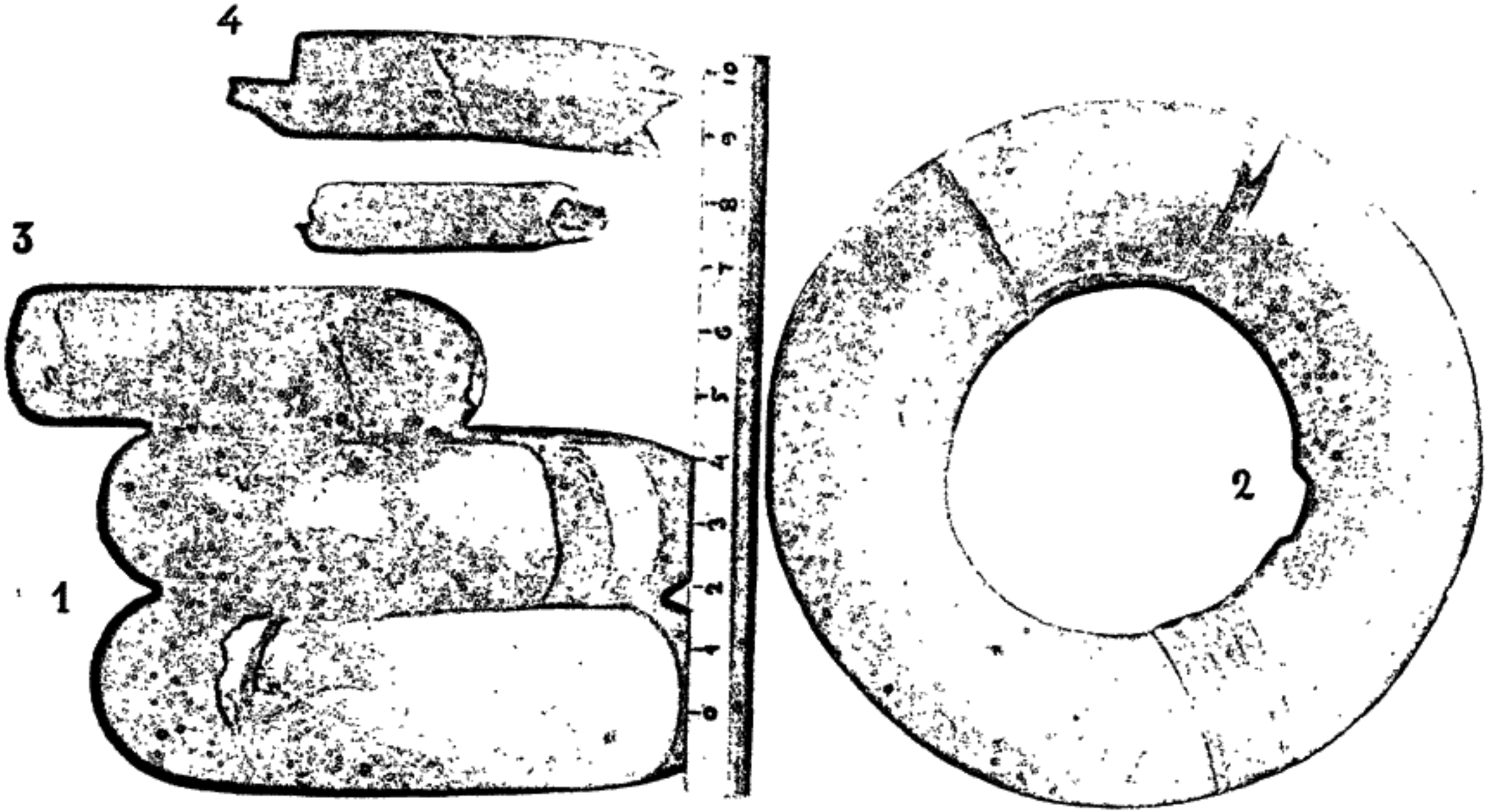


1—6, 8—9. Конические бронзовые украшения и 7, обломок черной керамики из погребения в ур. Аагства. 1/2 н. в.

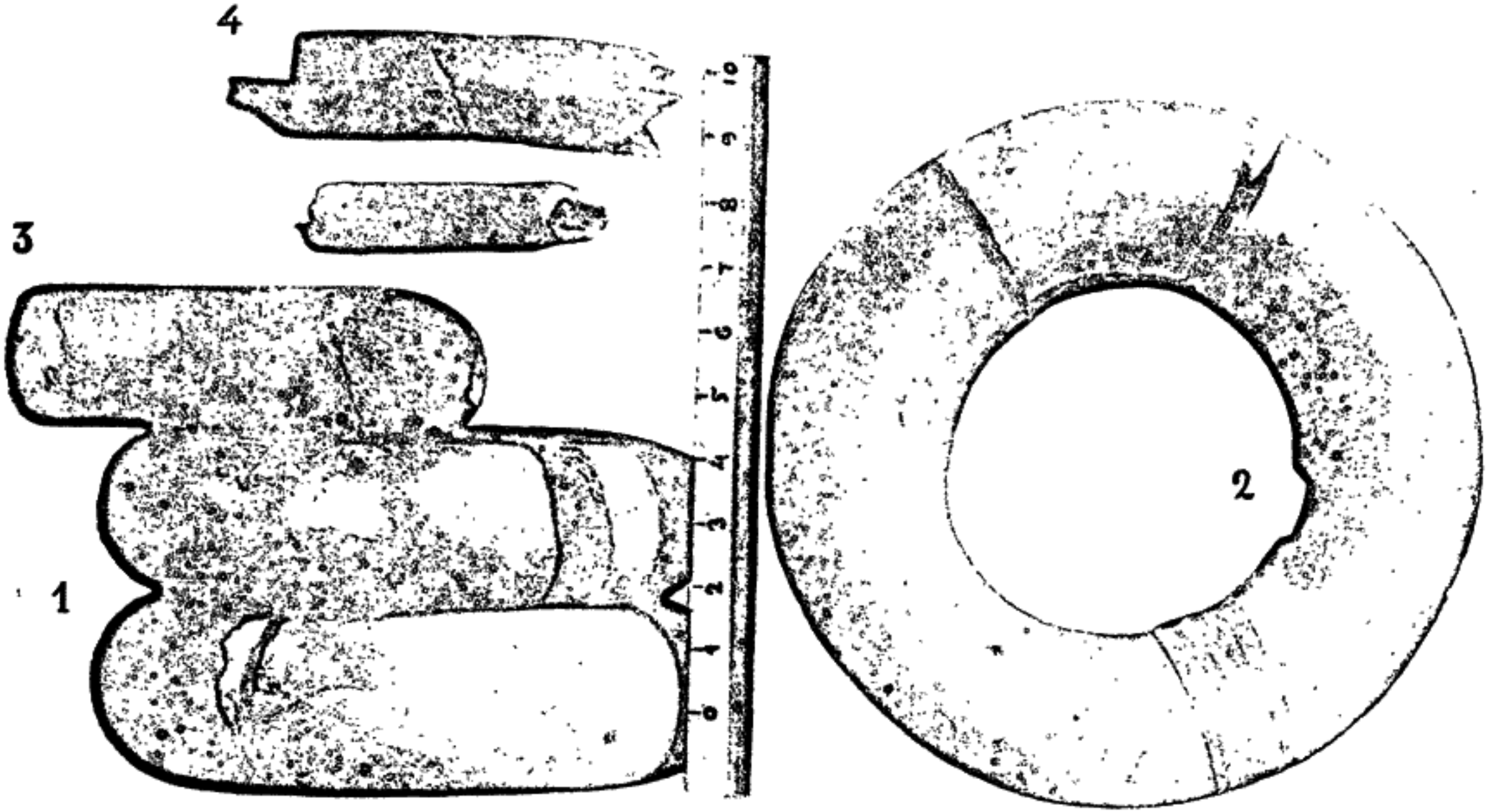


1—6, 8—9. Конические бронзовые украшения и 7, обломок черной керамики из погребения в ур. Аагства. 1/2 н. в.

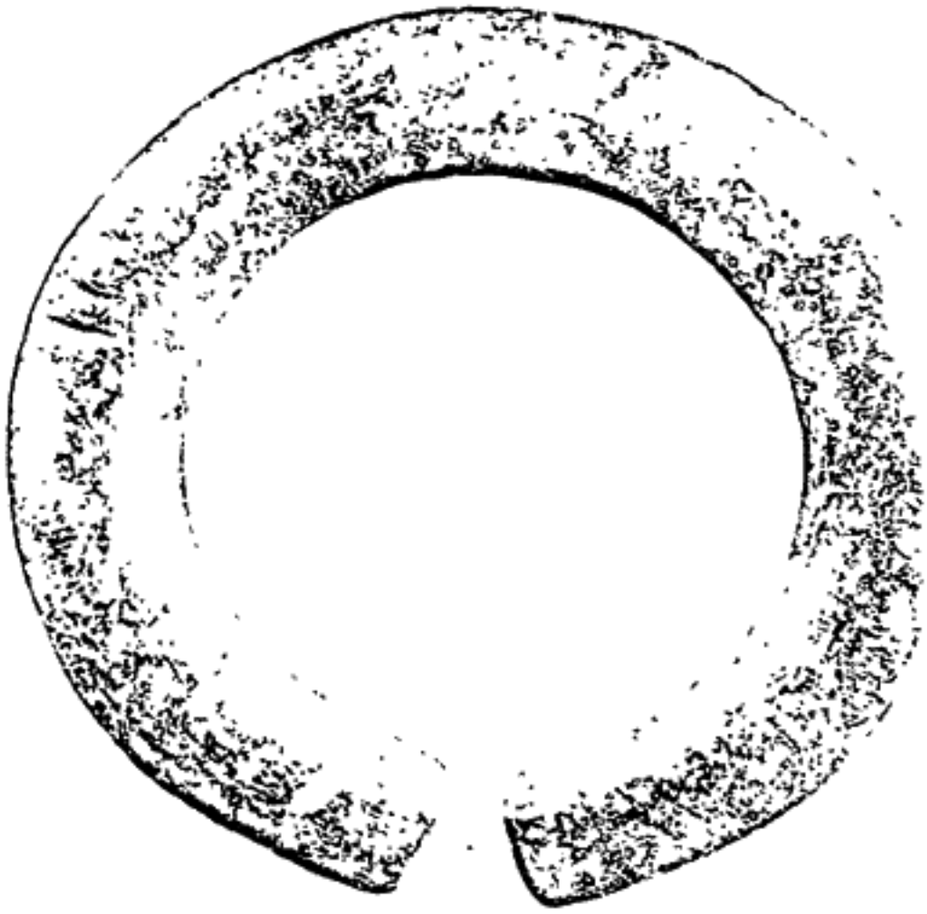
1. Бронзовая и 2, каменные бусы из погребения в ур. Аагста



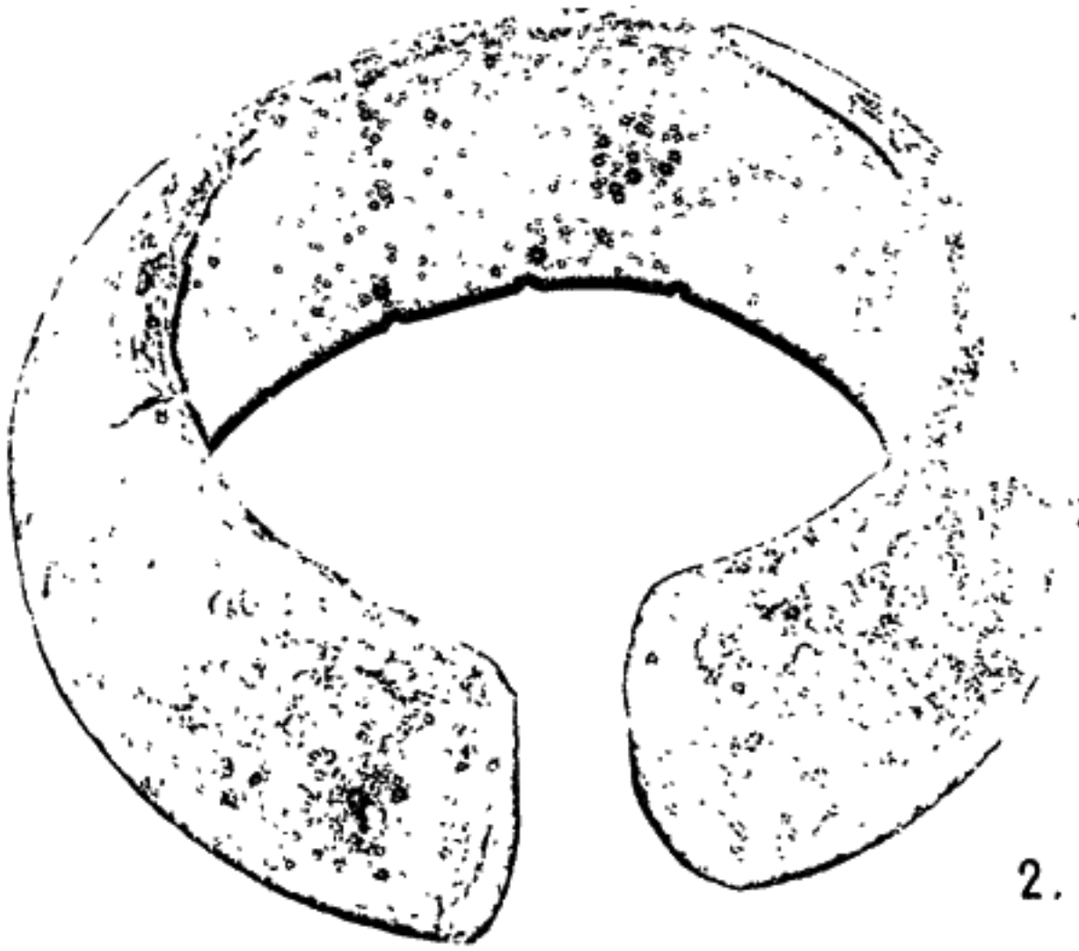
1—2. Бронзовые ножные кольца из погребения в ур. Аагства. 3. Обломок ножного кольца на с. Абгарлук
4. Фрагменты костей, лежавшие в кольцах из ур. Аагста. 3/4 н. в.



1—2. Бронзовые ножные кольца из погребения в ур. Аагства. 3. Обломок ножного кольца на с. Абгарлук
4. Фрагменты костей, лежавшие в кольцах из ур. Аагста. 3/4 н. в.

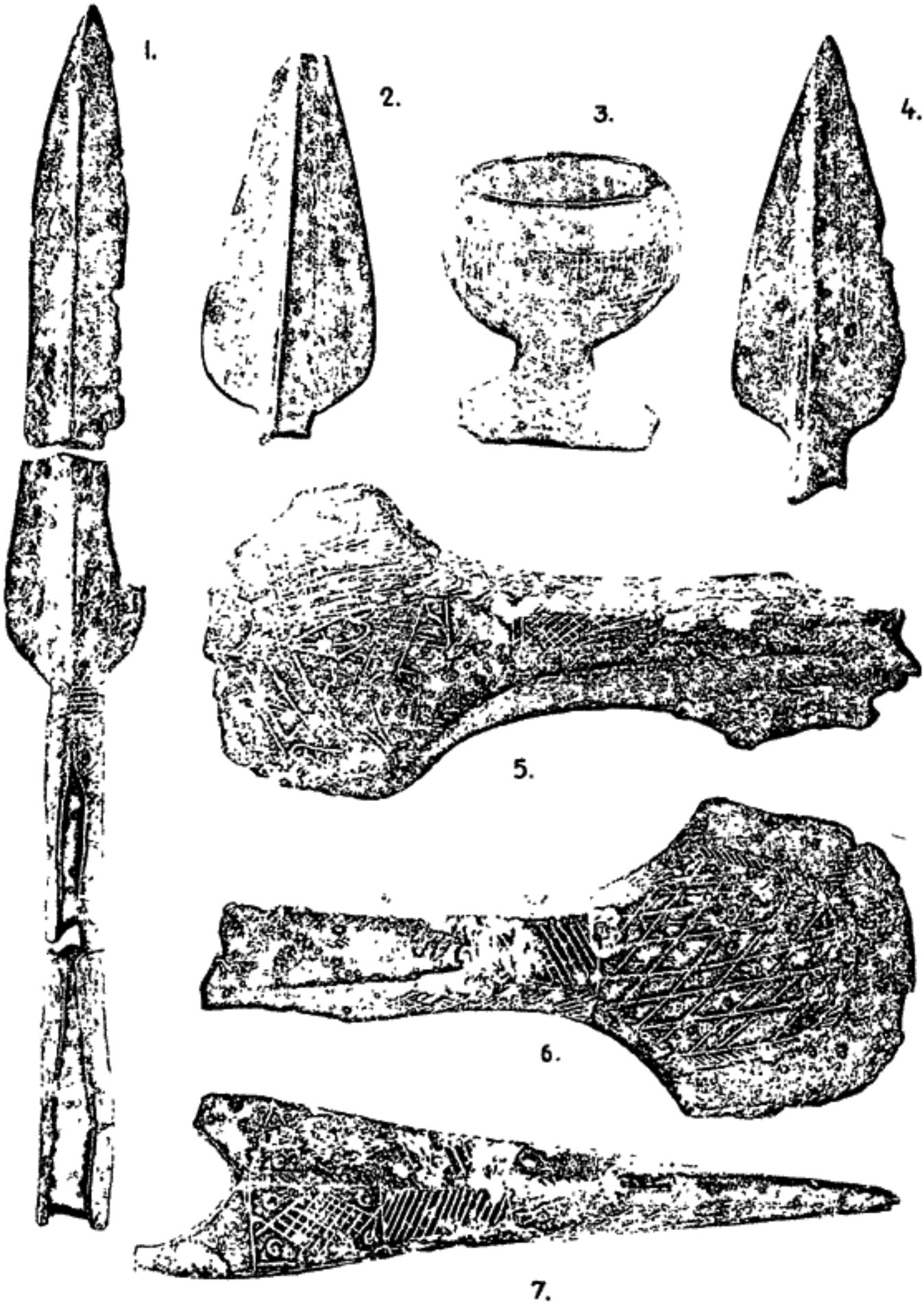


1.

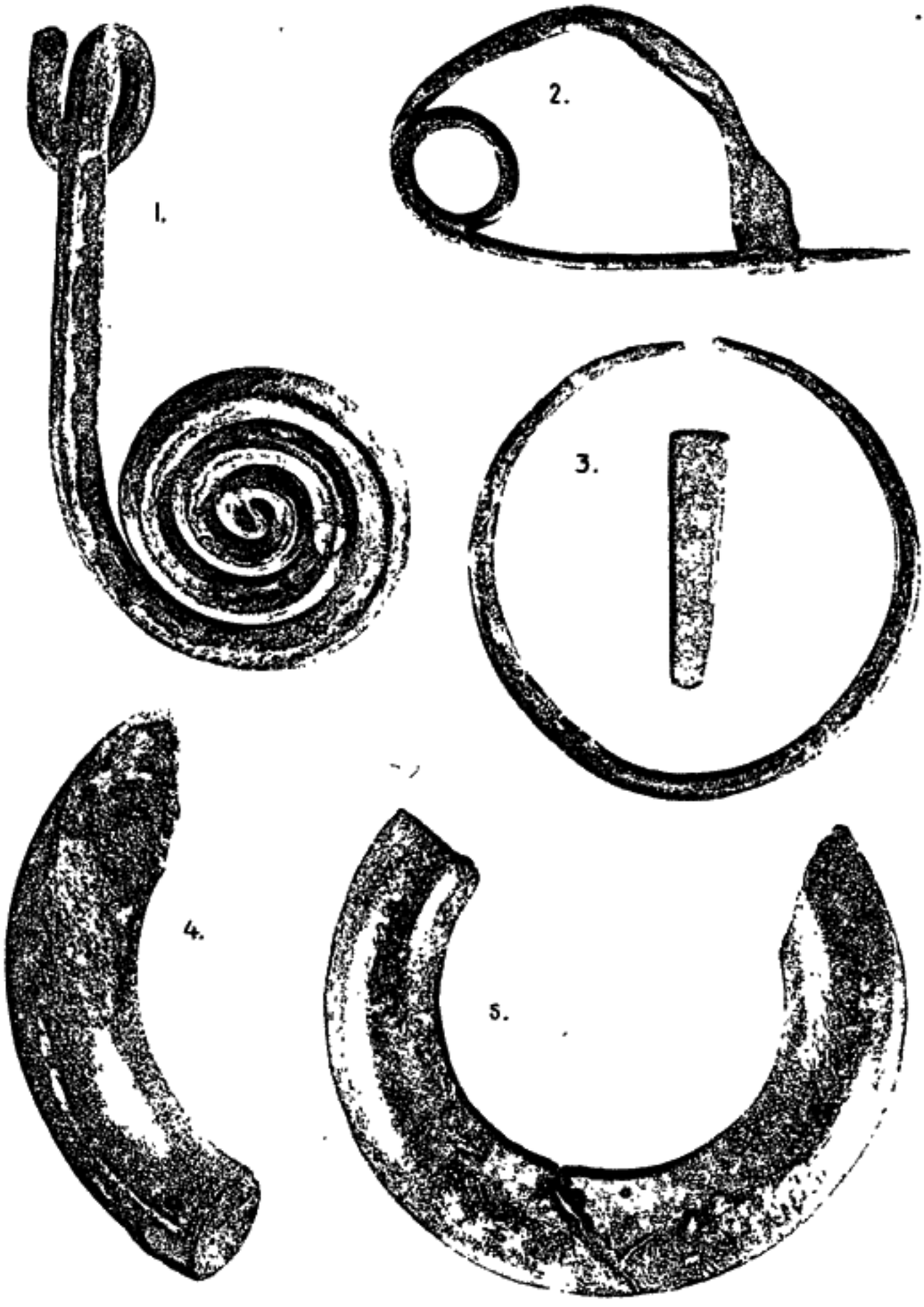


2.

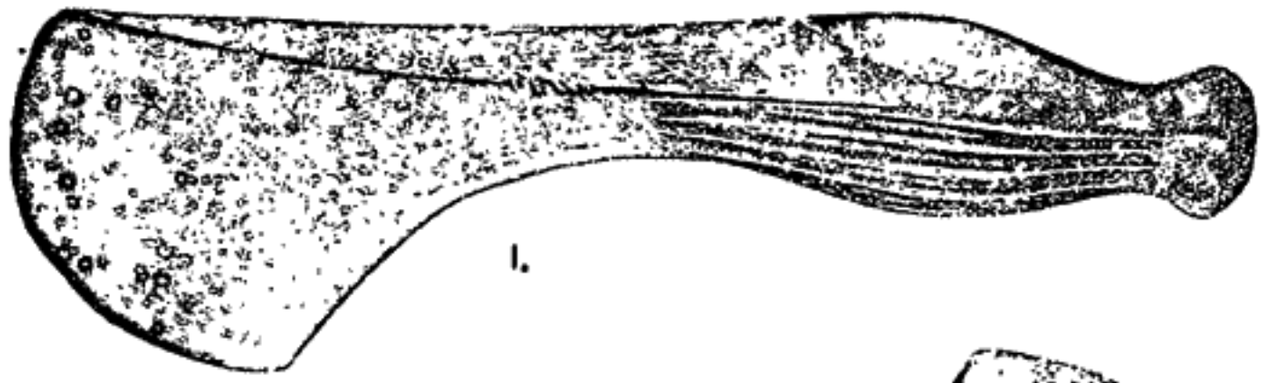
1. Массивное кольцо, с. Анухва. Браслет, пос. Жабна — бронза. Ок. 1/4 н. в.



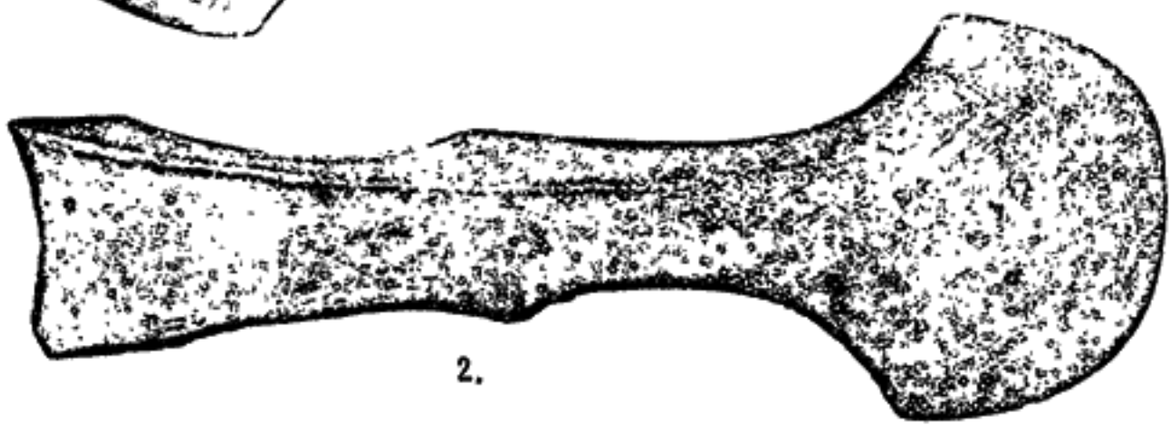
1—7. Бронзовые предметы из находки в Новом Афоне. 1—ок. 1/2 н. в., 2—7—ок. 8/4 н. в.



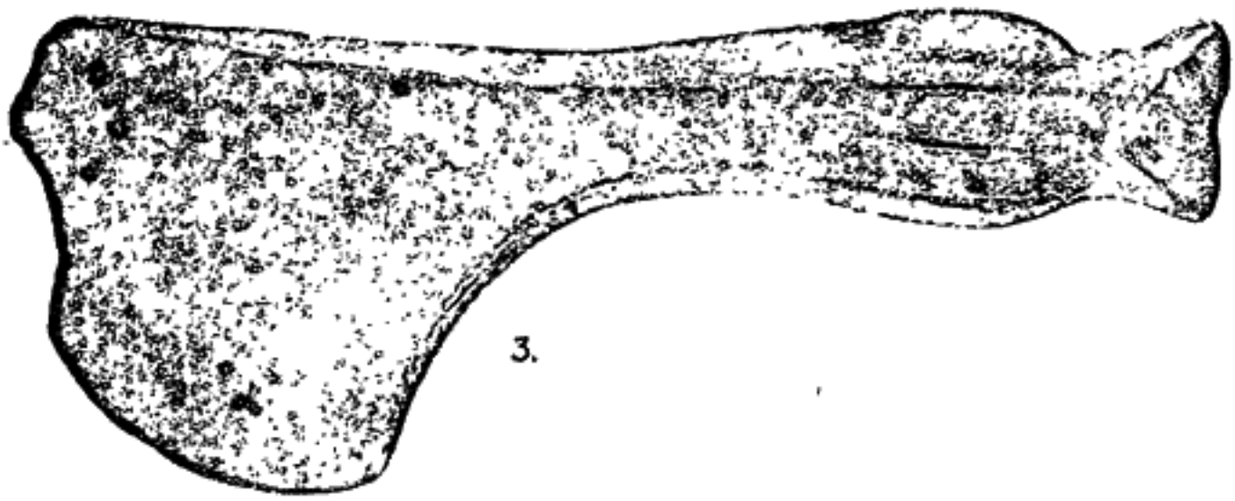
1—3. Обломок застежки, фибула и браслет из находки в Новом Афоне.
4—5. Обломки ножного кольца из с. Абгаркух. Бронза. 2/3 н. в.



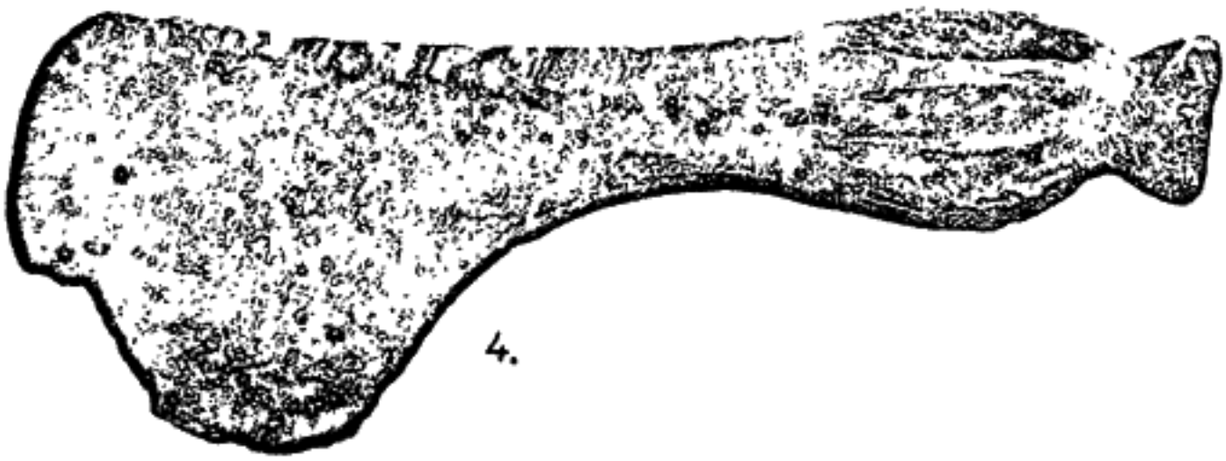
1.



2.

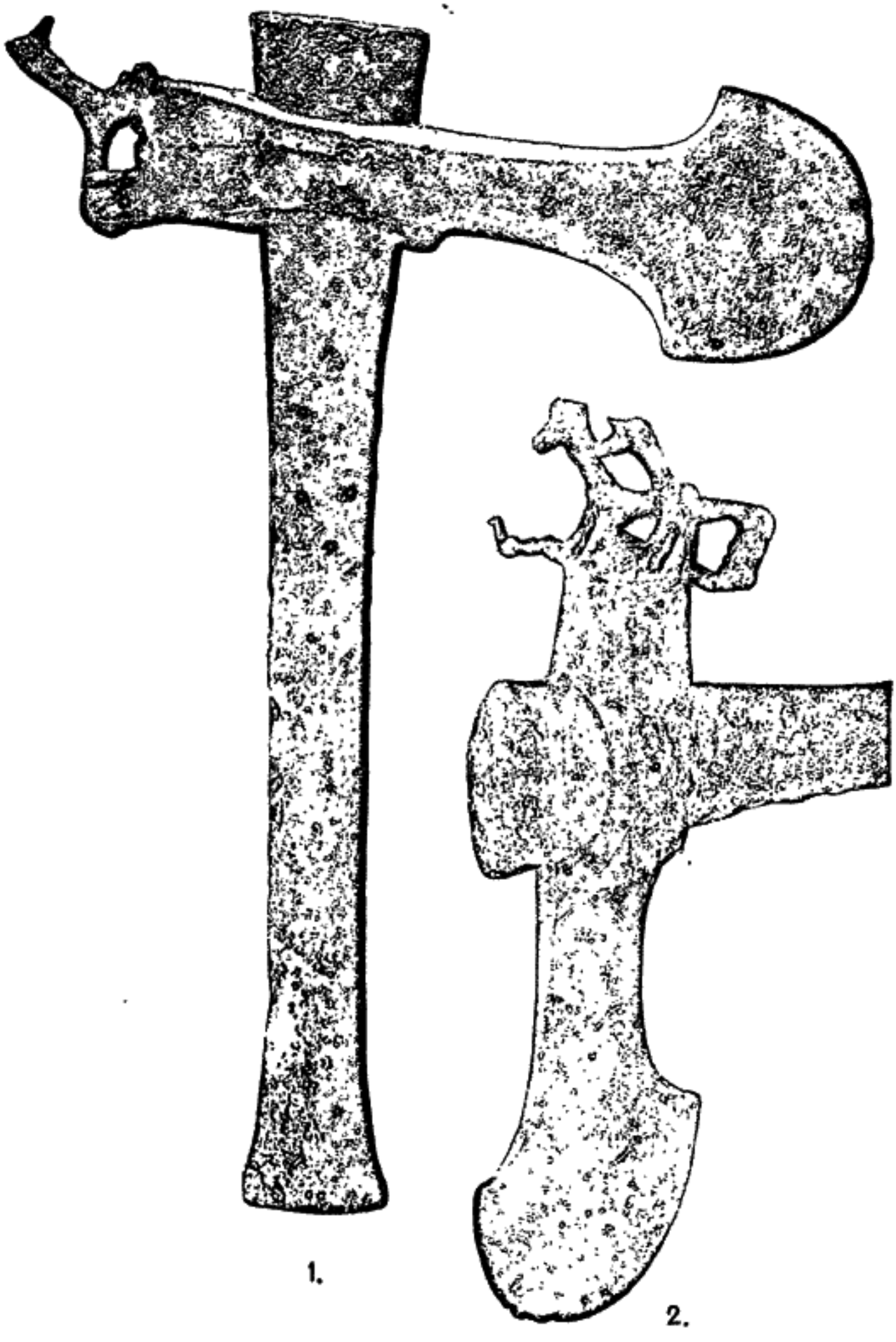


3.

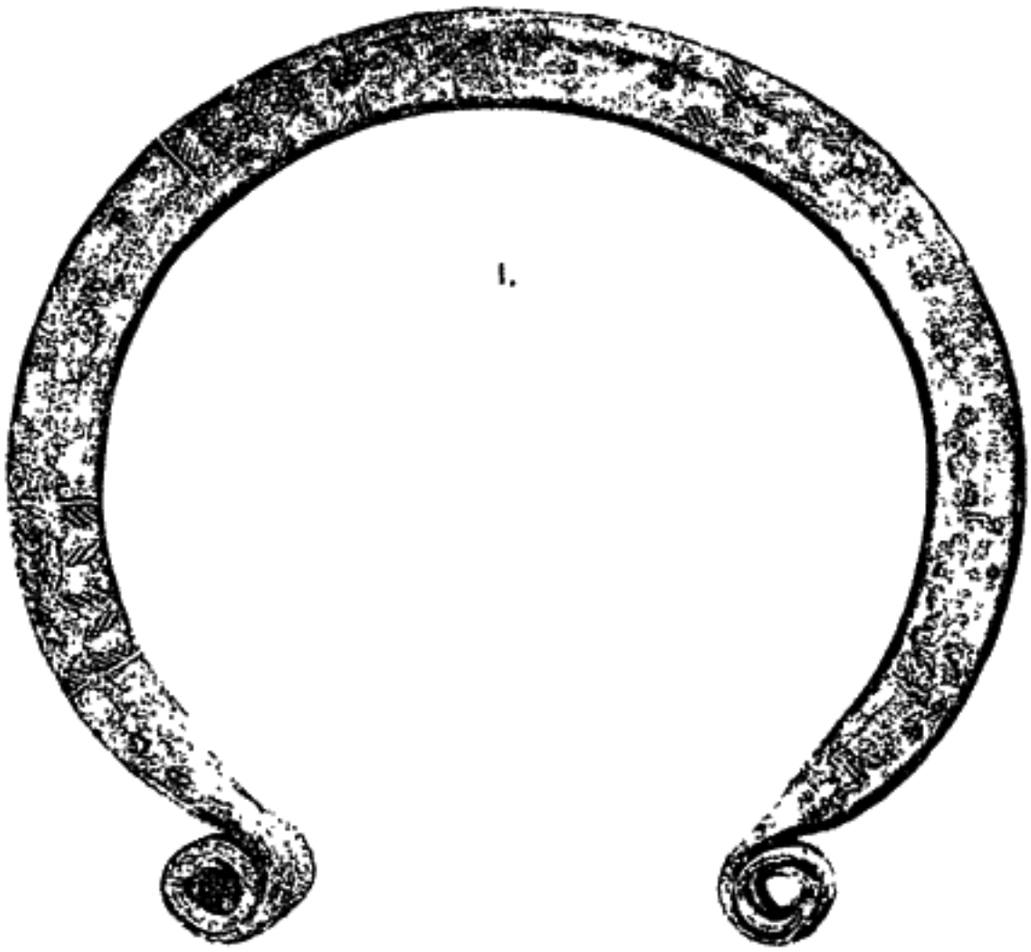


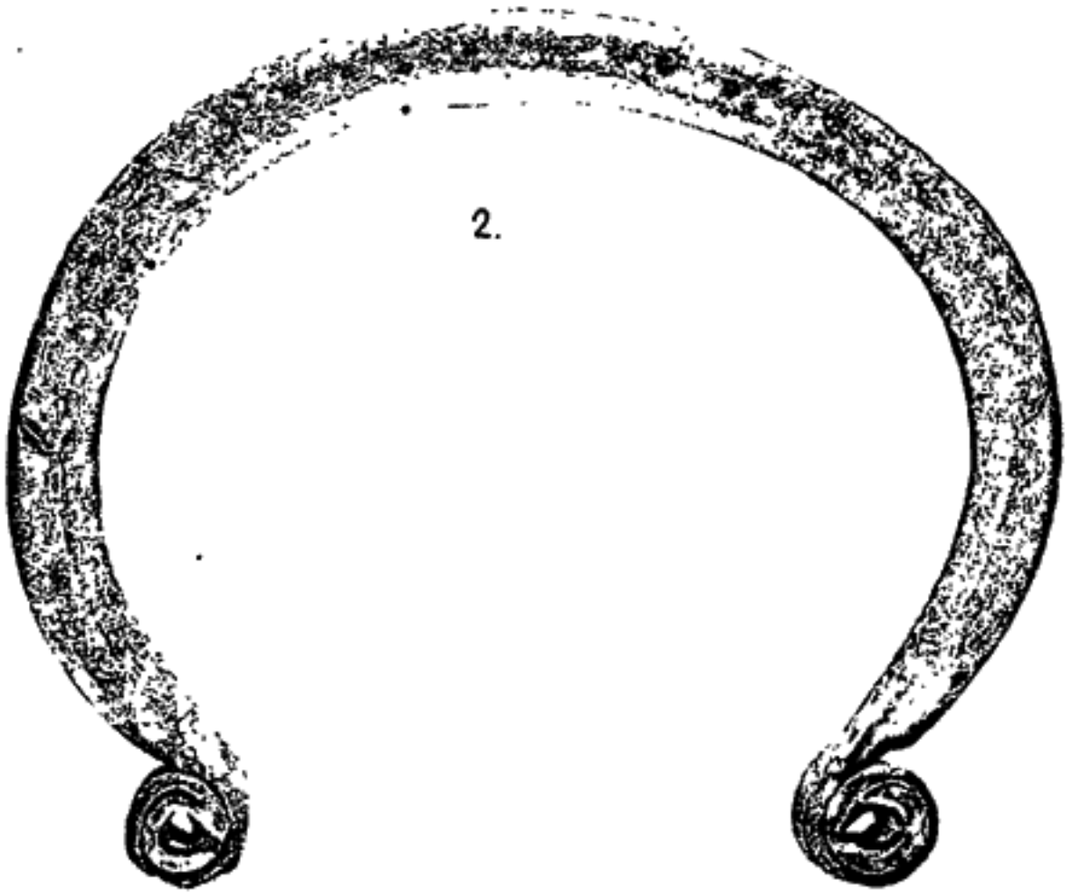
4.

Бронзовые топоры: 1—из с. Абгархук, 2—из с. Куланурхва, 3—из пос. Адвиндырта, 4—из с. Псыртсха. Ок. 1/2 н. в.

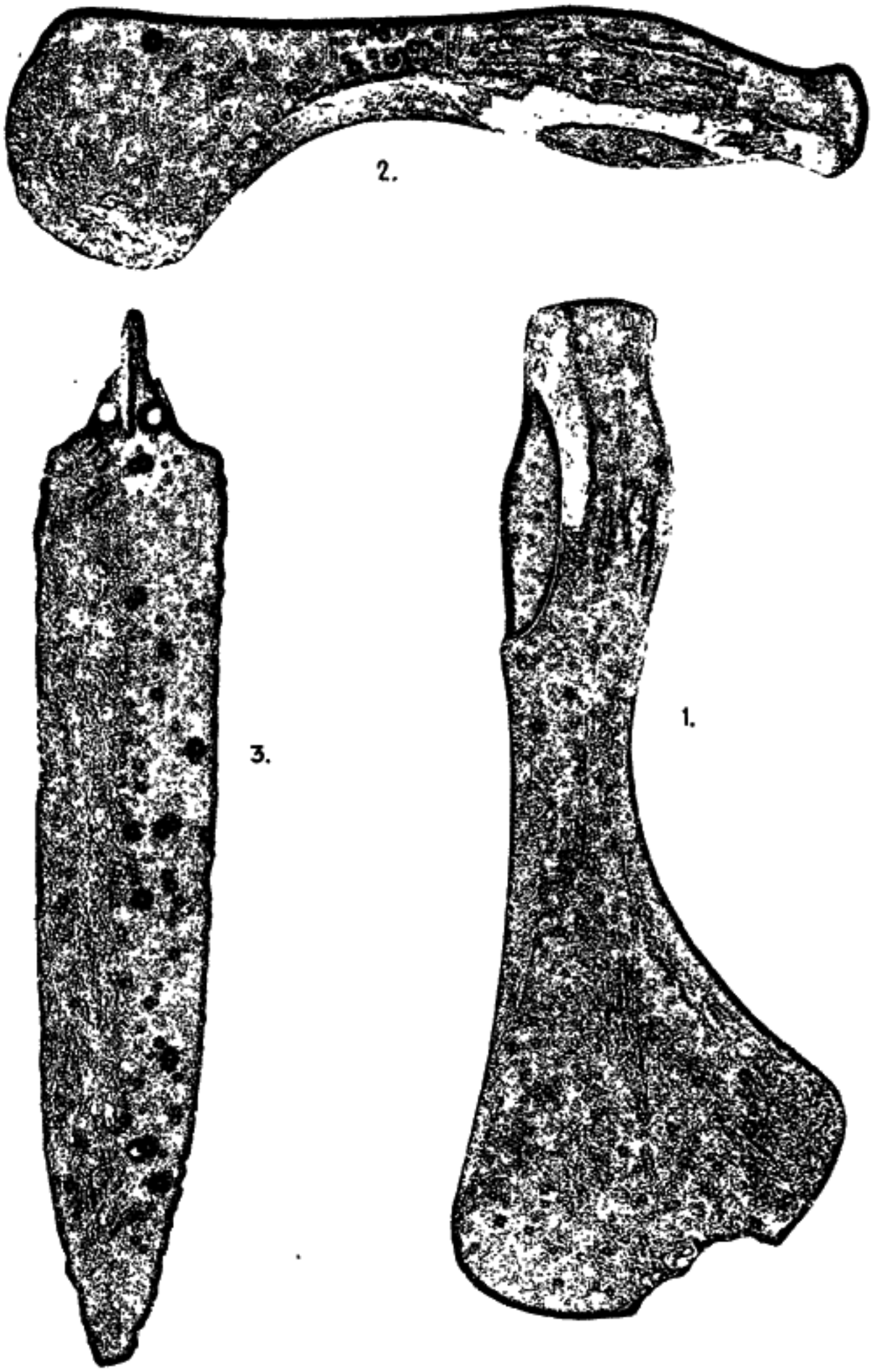


Бронзовый топор из Гудаут. Ок. 8/5 н. в.

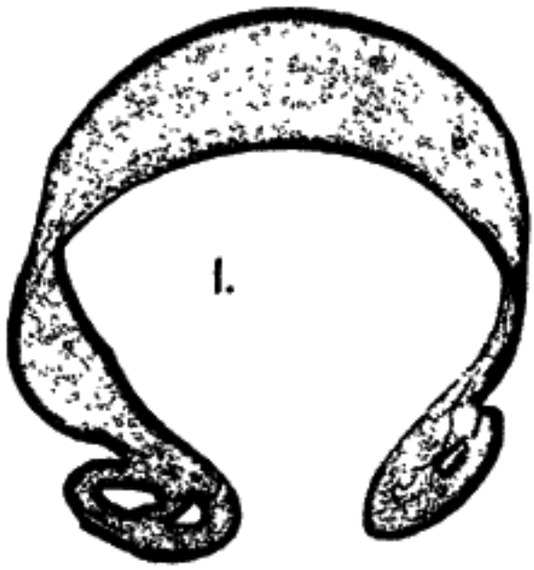


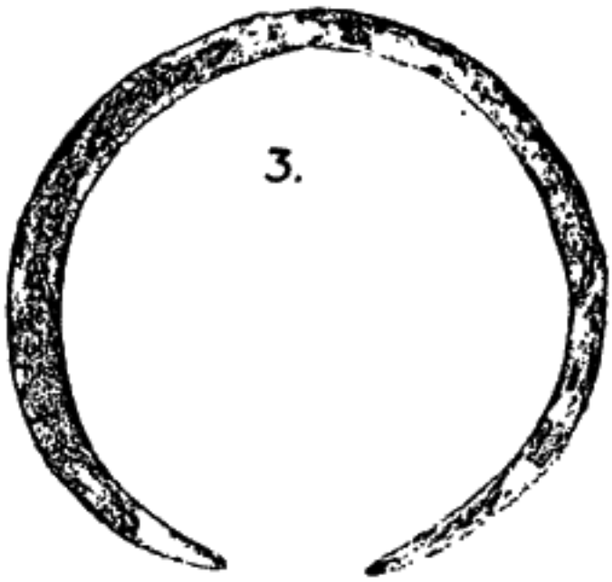


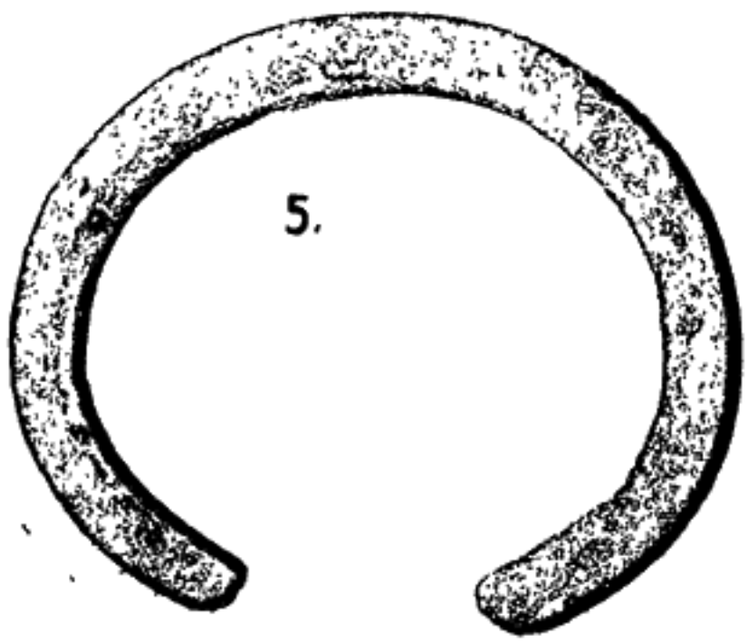
Бронзовые „шейные обручи": 1—из окрестностей Гудаут, 2—из с. Абгархук. Ок. $^{2}/_{3}$ н. в.

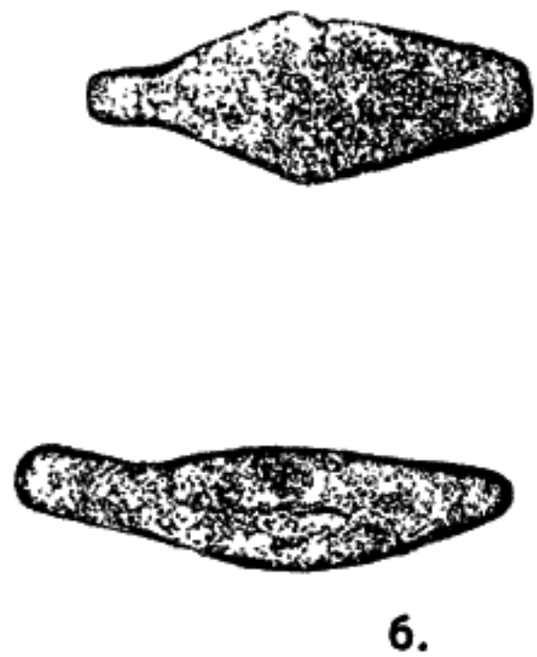


1. Топор из пещеры на р. Бзыбь, $^{8}/_{5}$ н. в. 2—3. Топор и кинжал из с. Приморского, ок. $^{1}/_{2}$ н. в. Бронза

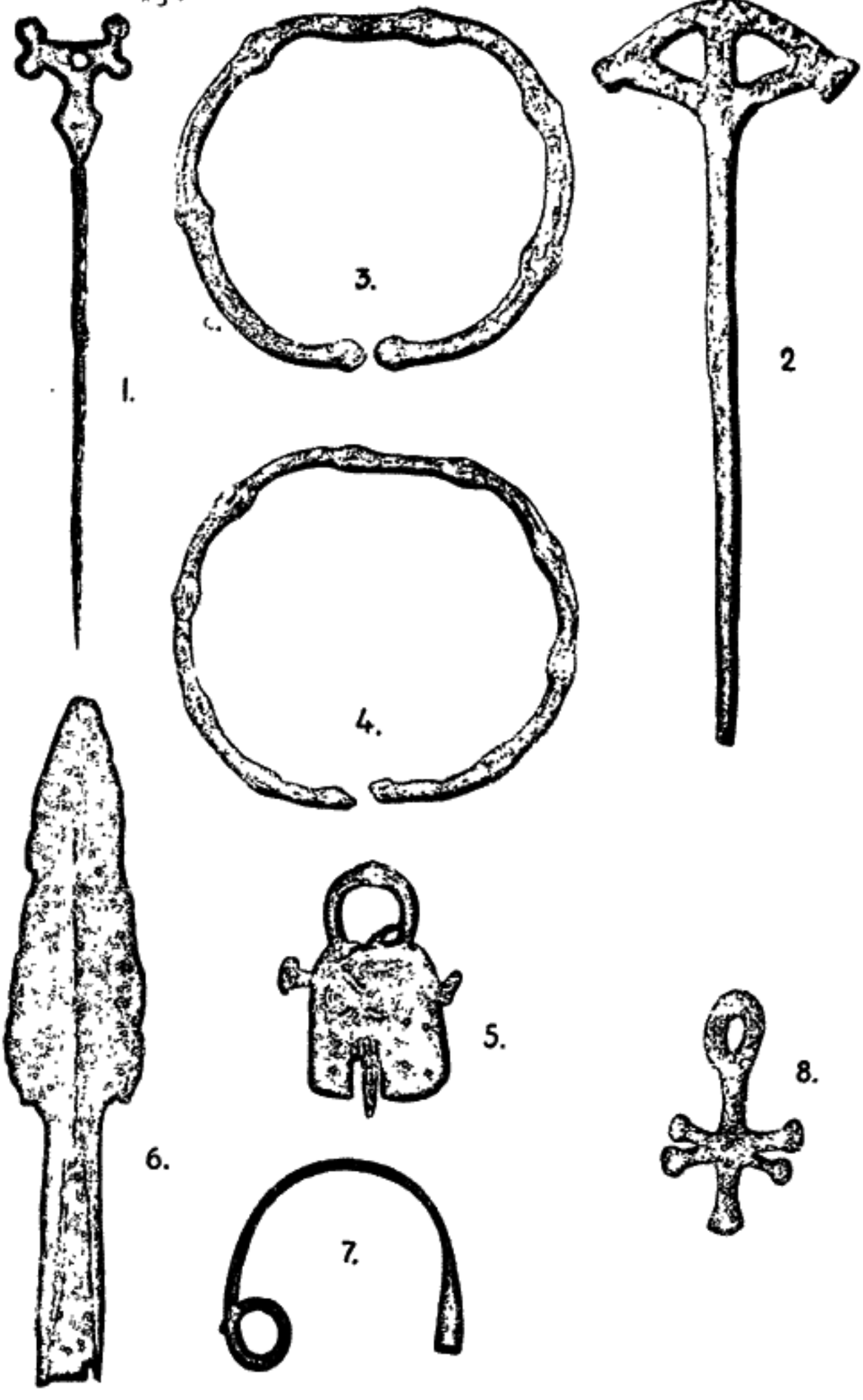




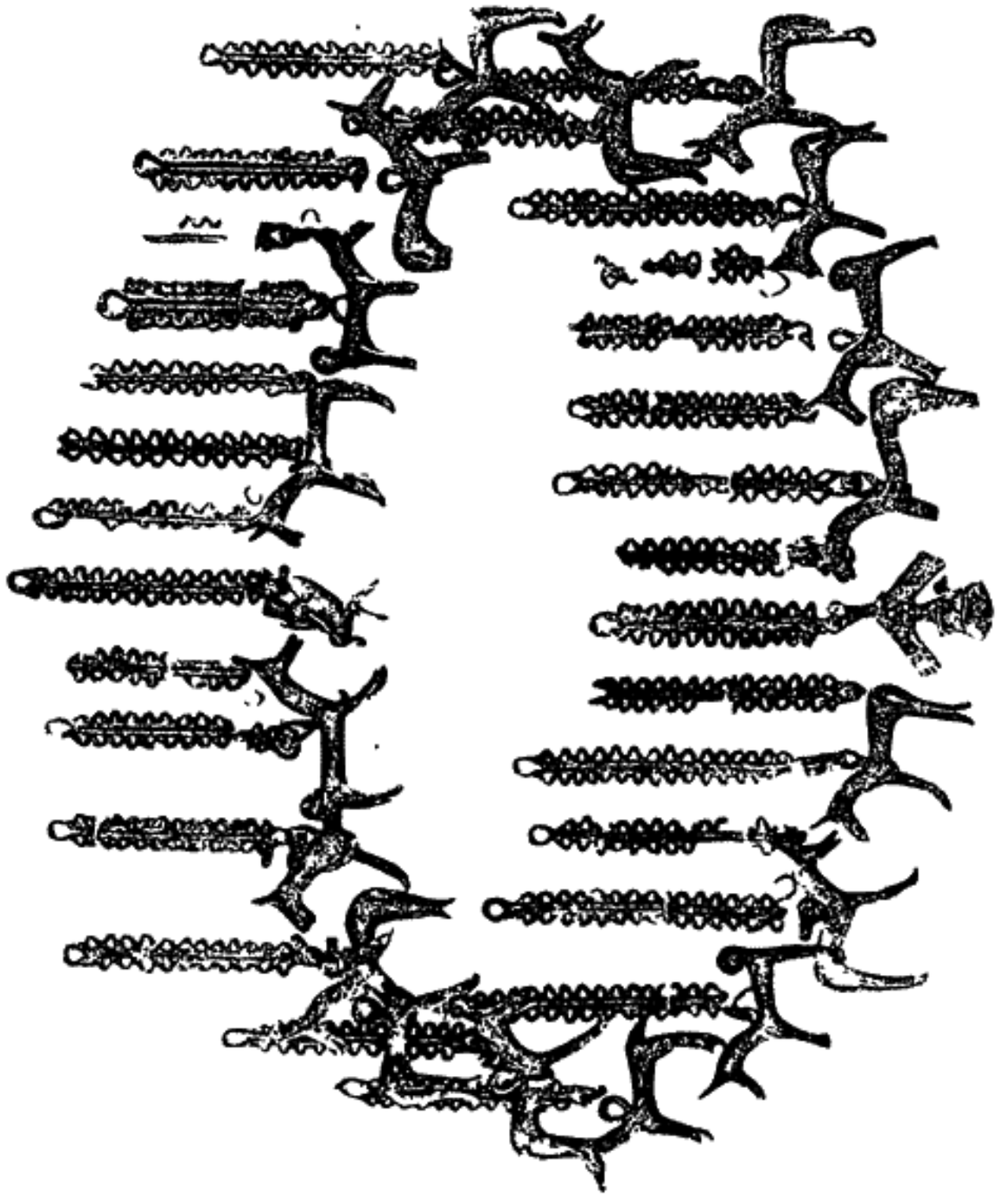




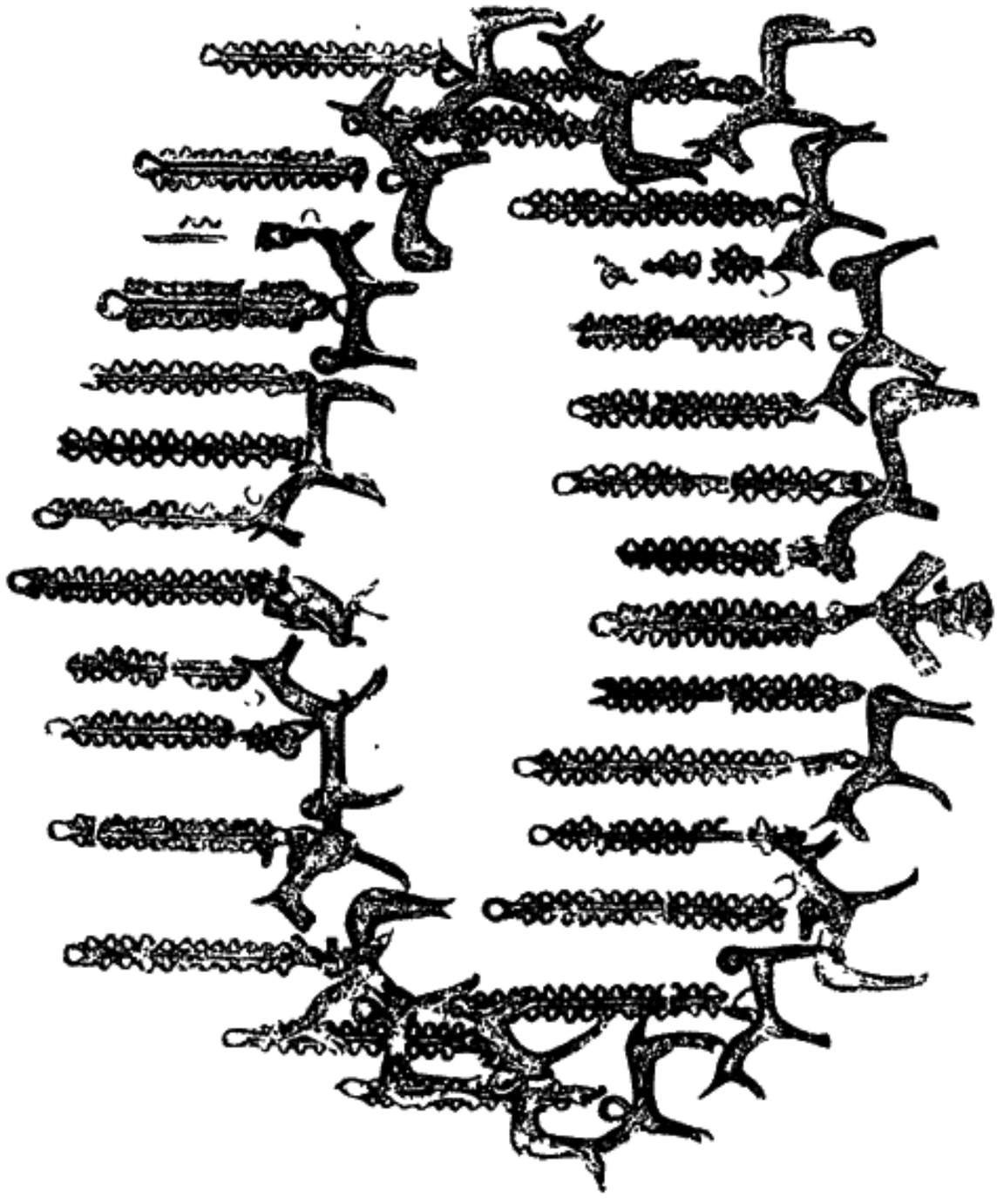
Бронзовые браслеты: 1—с Бамборской поляны; 2—из с. Абгархук; 3 и 4—из с. Мыцары; 5 и 6—из Гудаутского района. Н. в.



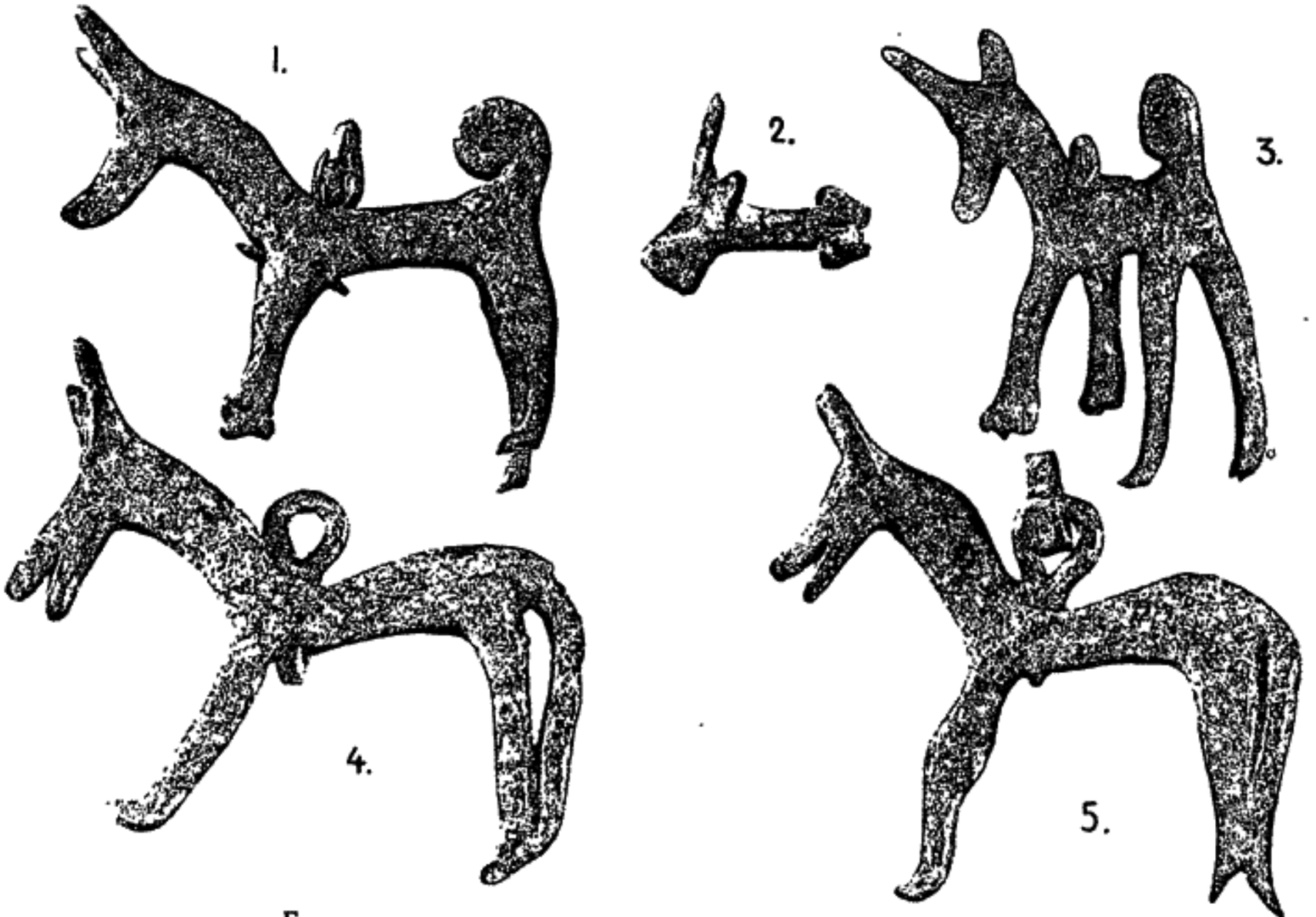
Бронзовые предметы: 1—из с. Кулавурхва; 2—пос. Эжнепли; 3 и 4—из с. Абгархук; 5—из Абгархукской общины; 6—8—из погребения вблизи с. Абгархук. 3/4 н. в.



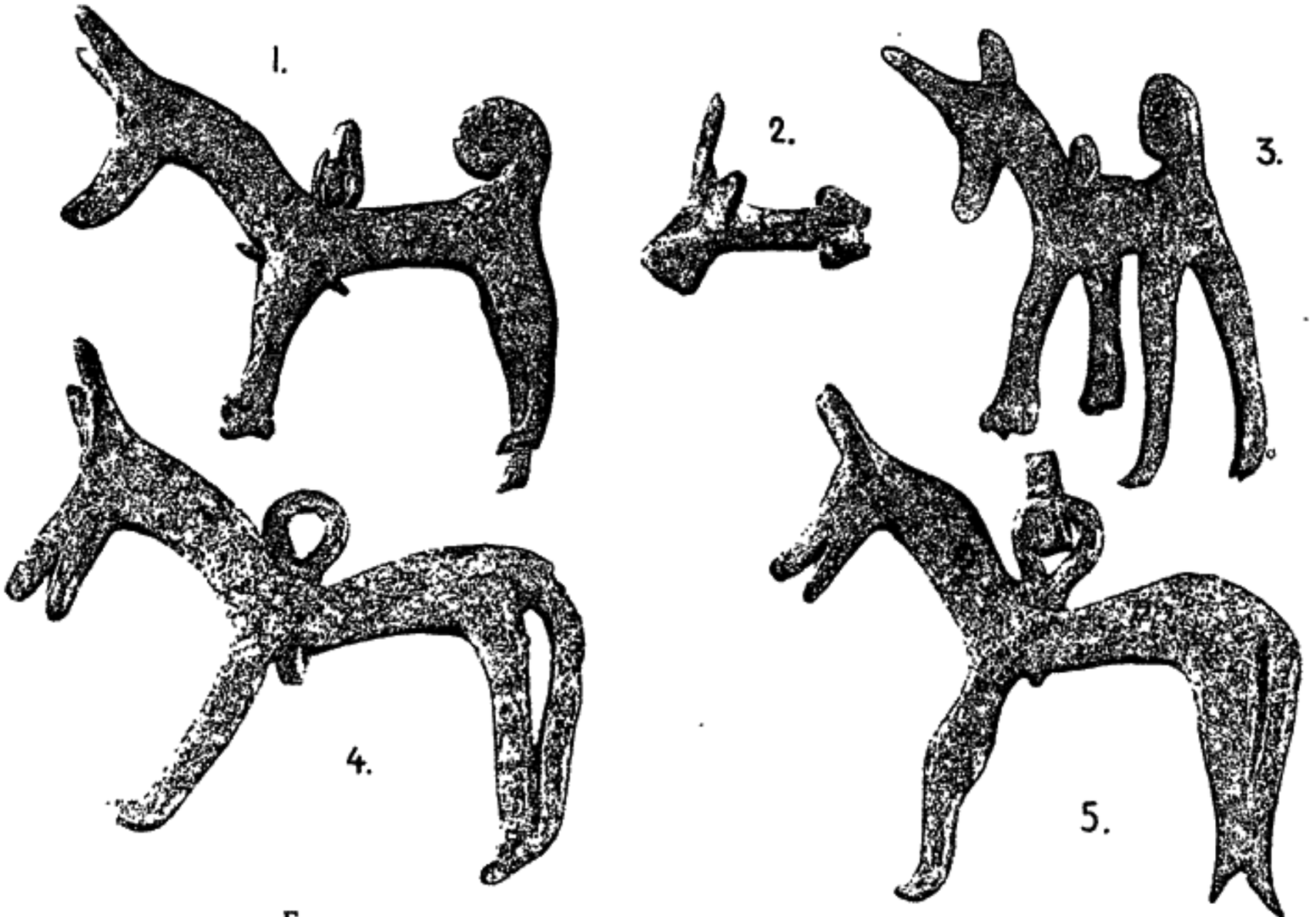
Бамборская находка 1910 года. Бронза. 1/4 н. в.



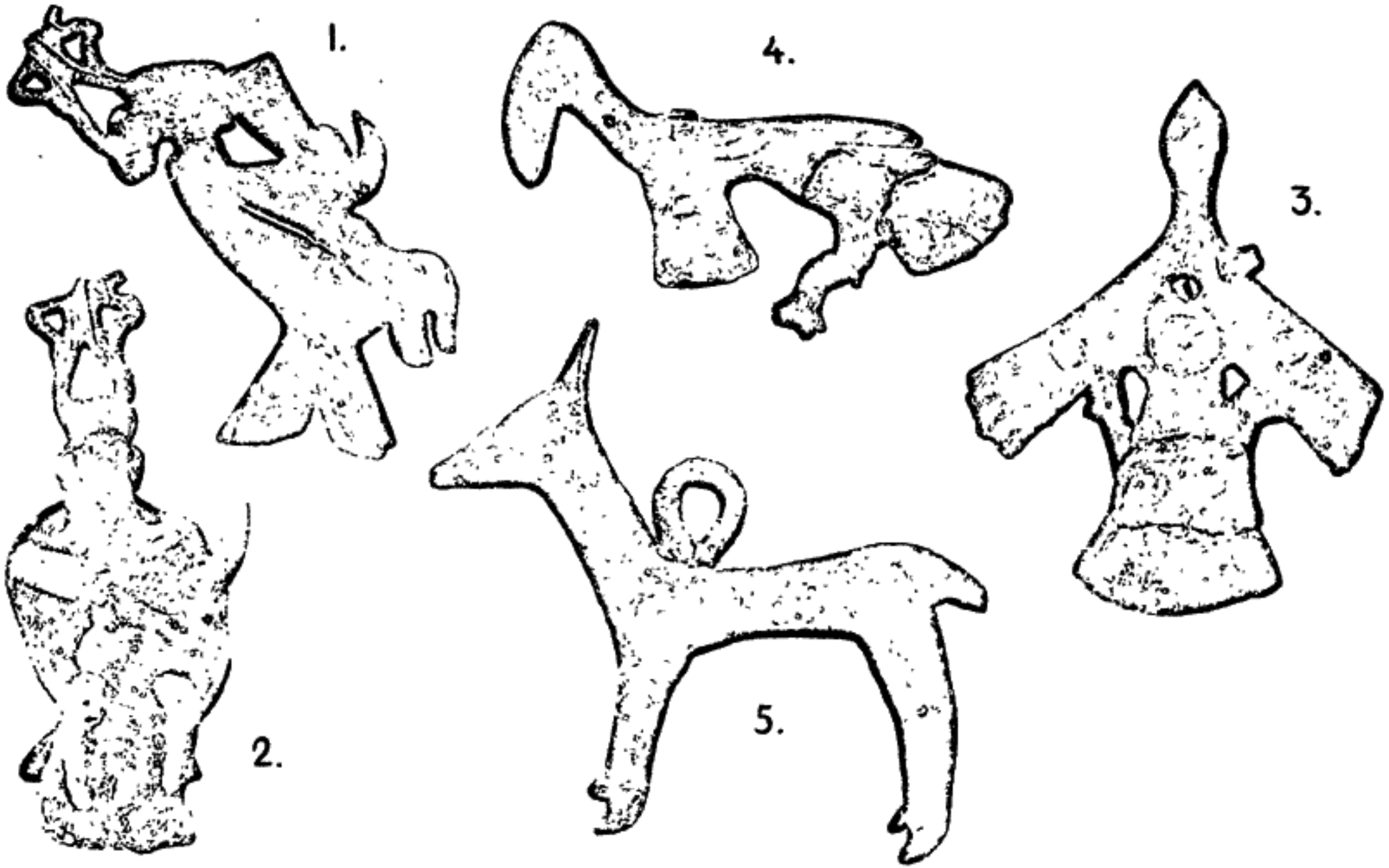
Бамборская находка 1910 года. Бронза. 1/4 н. в.



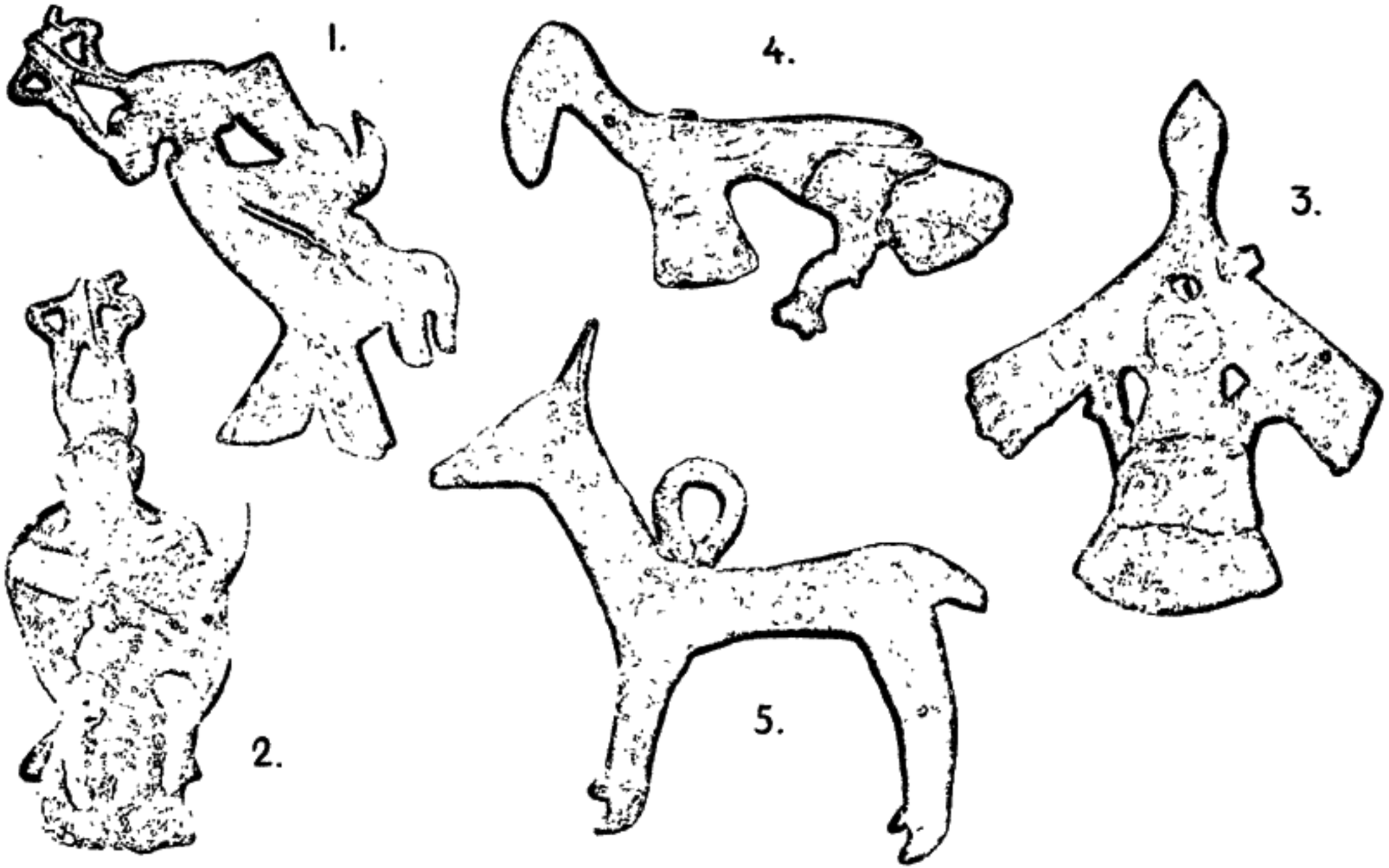
Бронзовые фигурки. Бамборская находка 1910 года. Н. в.



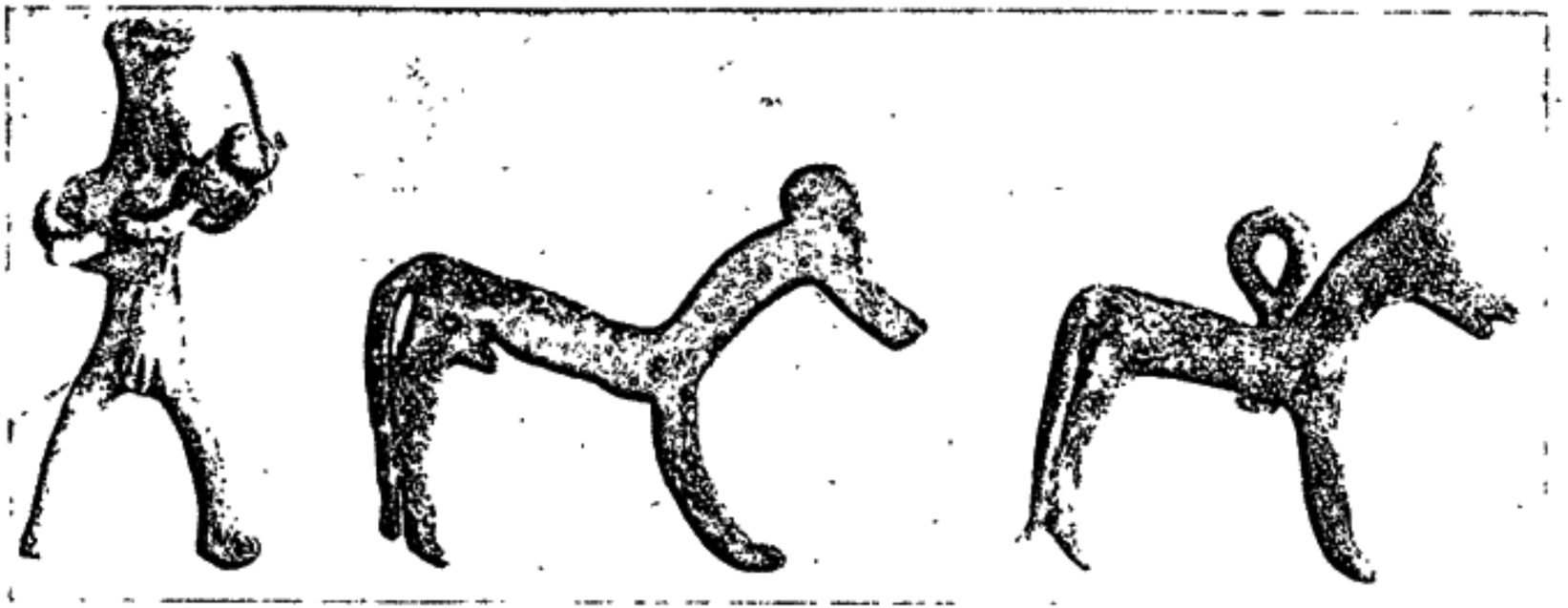
Бронзовые фигурки. Бамборская находка 1910 года. Н. в.



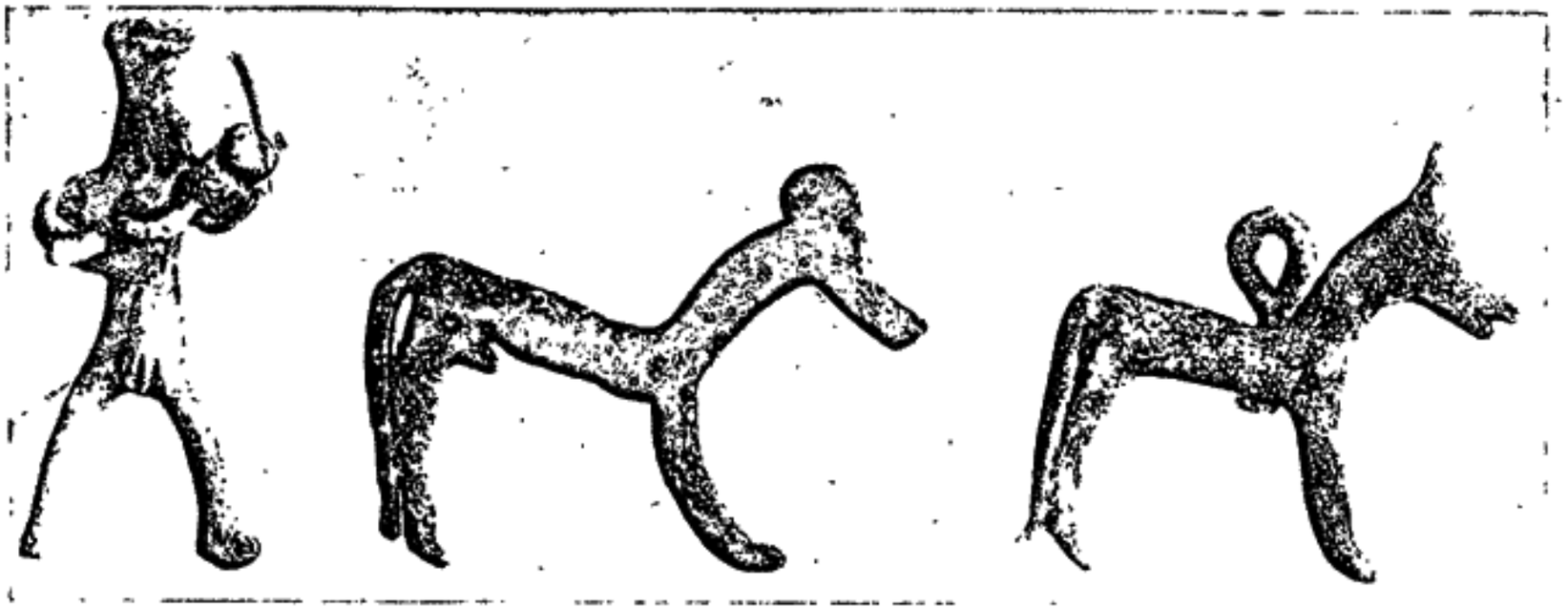
Бронзовые фигурки из Бамборской находки 1910 года. Н. в.



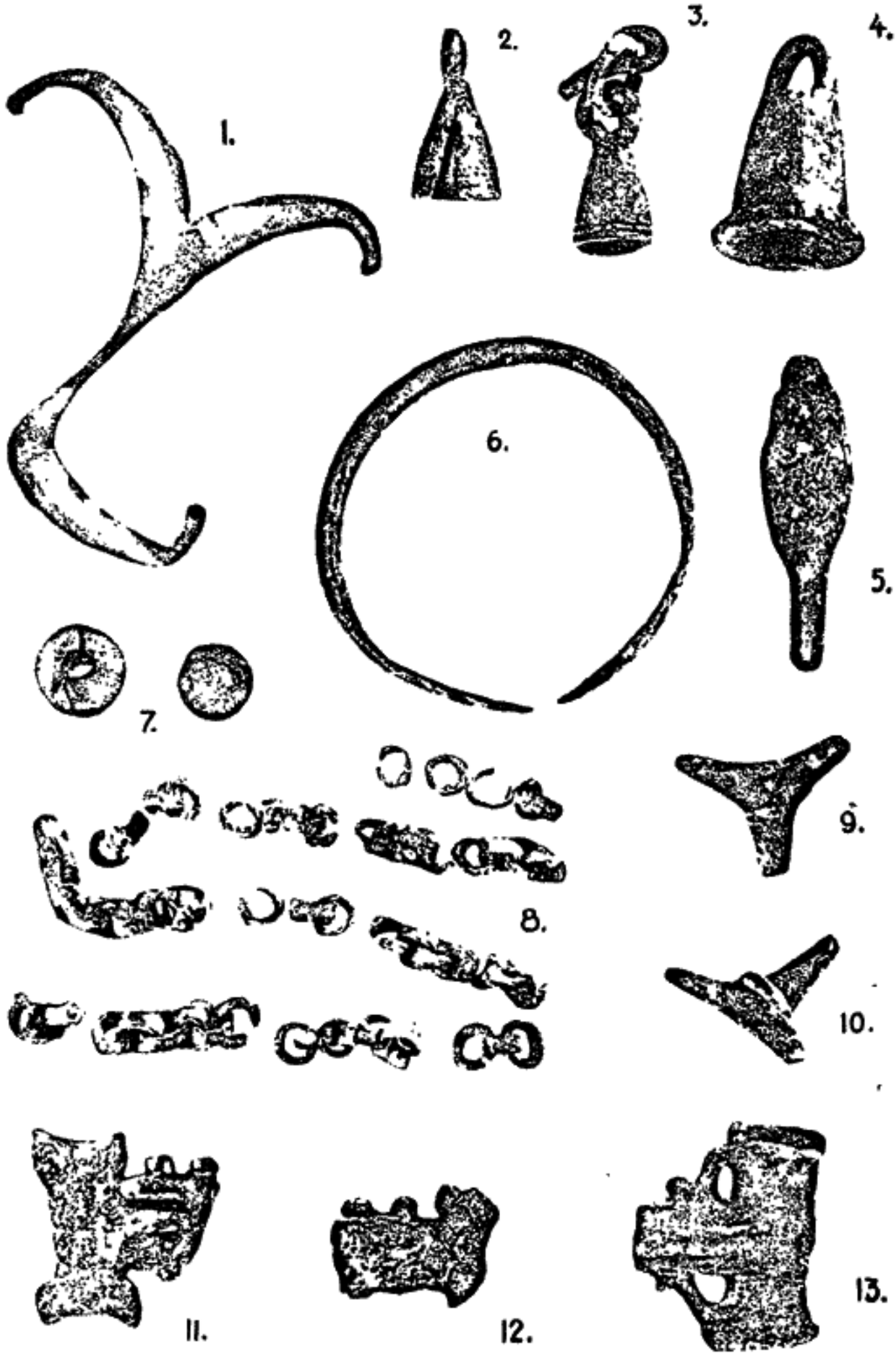
Бронзовые фигурки из Бамборской находки 1910 года. Н. в.



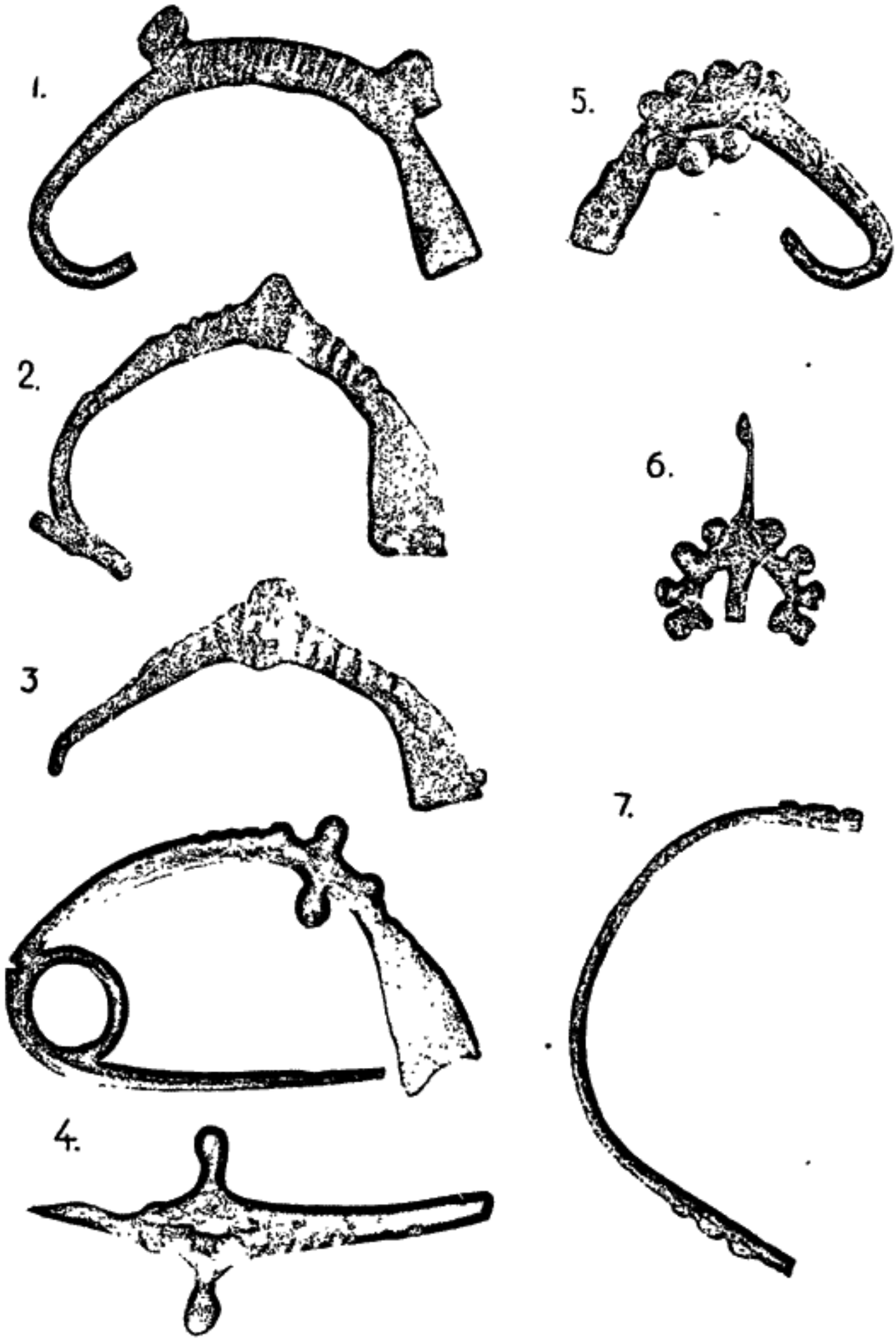
Бронзовые фигурки из Бамборской находки 1910 года (по отчету Росс. Ист. Музея за 1913 г., стр. 9, рис. 4—6)



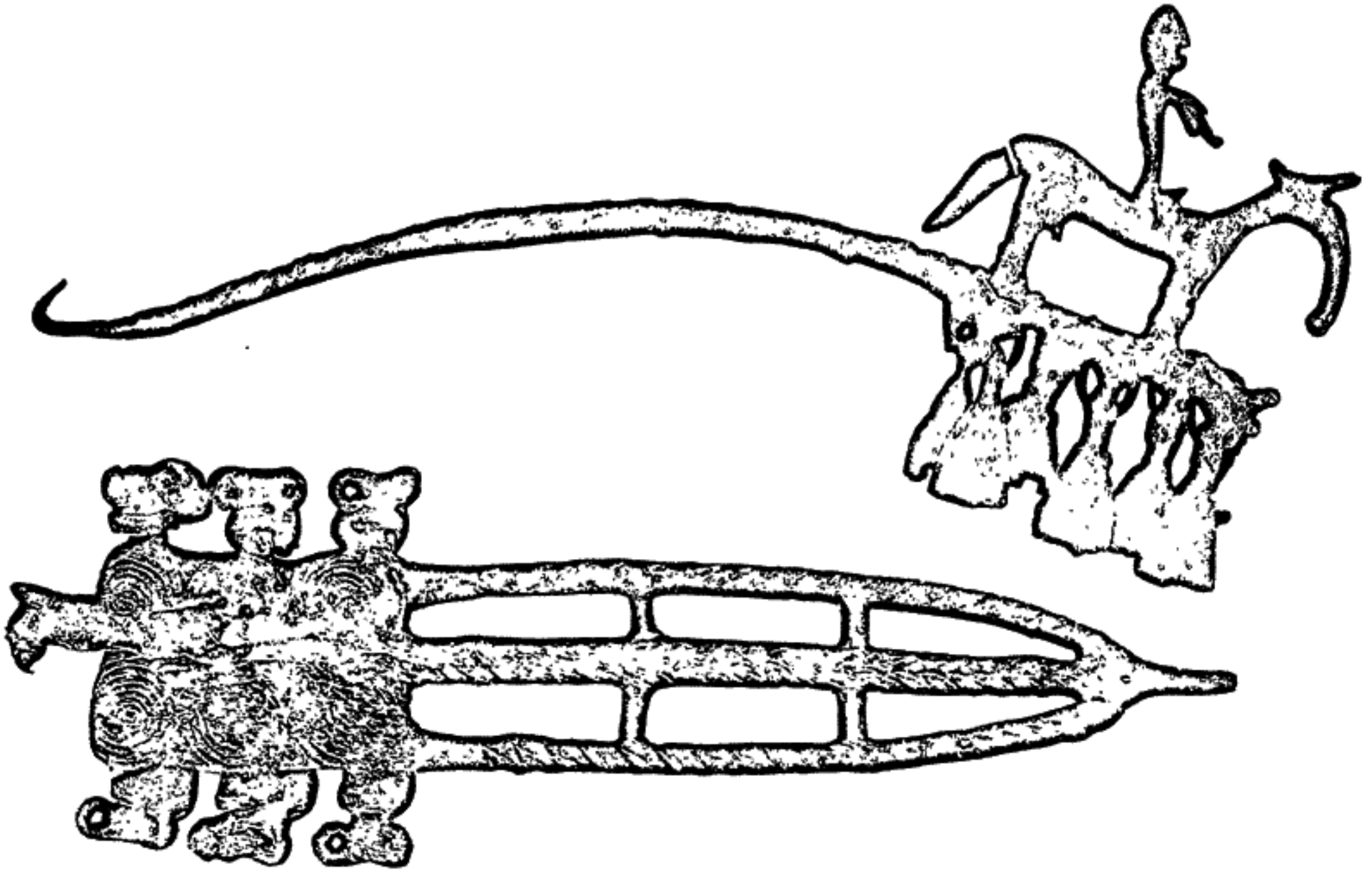
Бронзовые фигурки из Бамборской находки 1910 года (по отчету Росс. Ист. Музея за 1913 г., стр. 9, рис. 4—6)



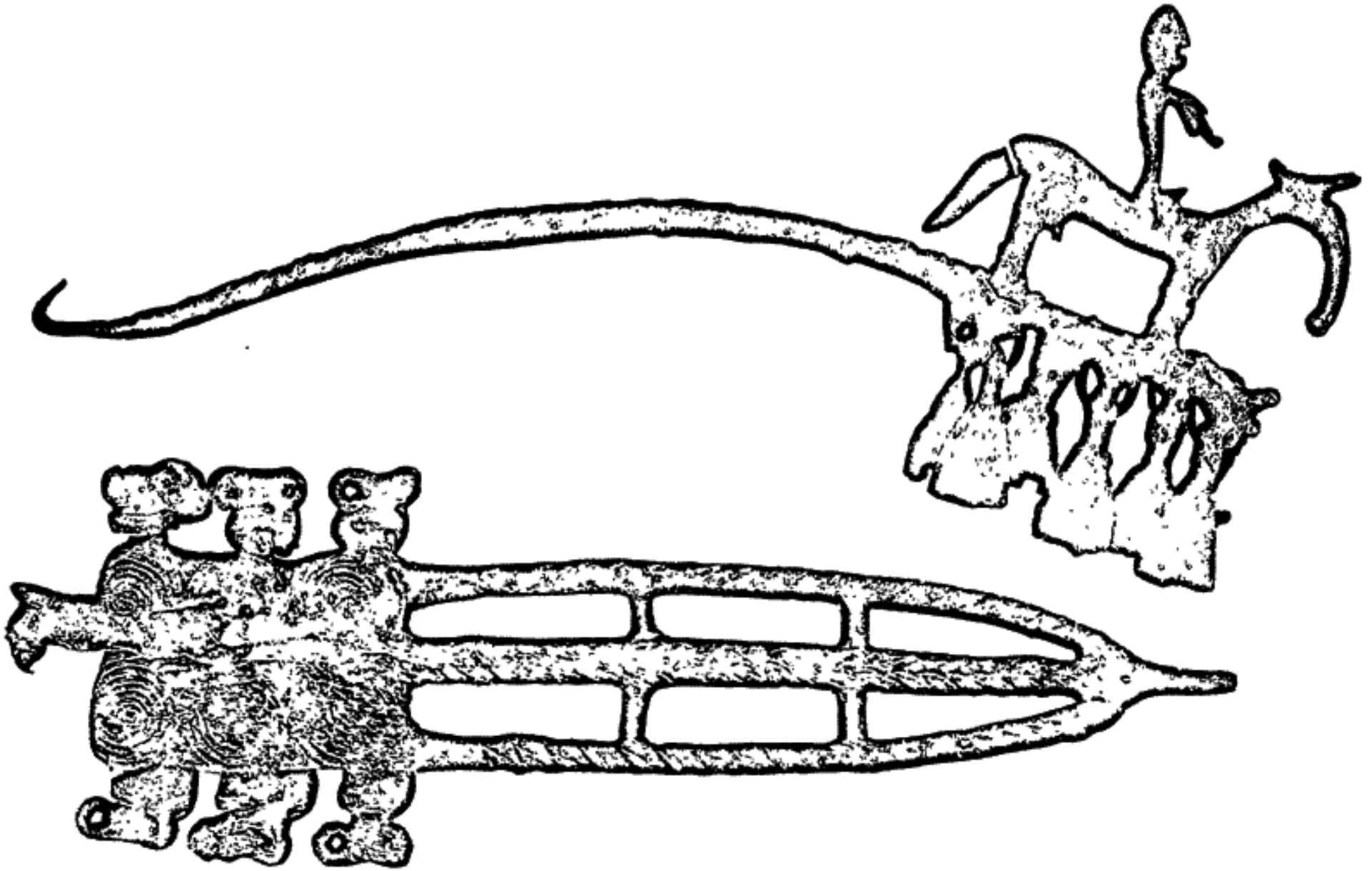
1—12. Мелкие предметы из Бамборской находки 1910 года (1—золото; 2—6, 8—12—бронза; 7—стекло). 13—бронзовый обломок из Ачандара. Ок. 8/4 н. в.



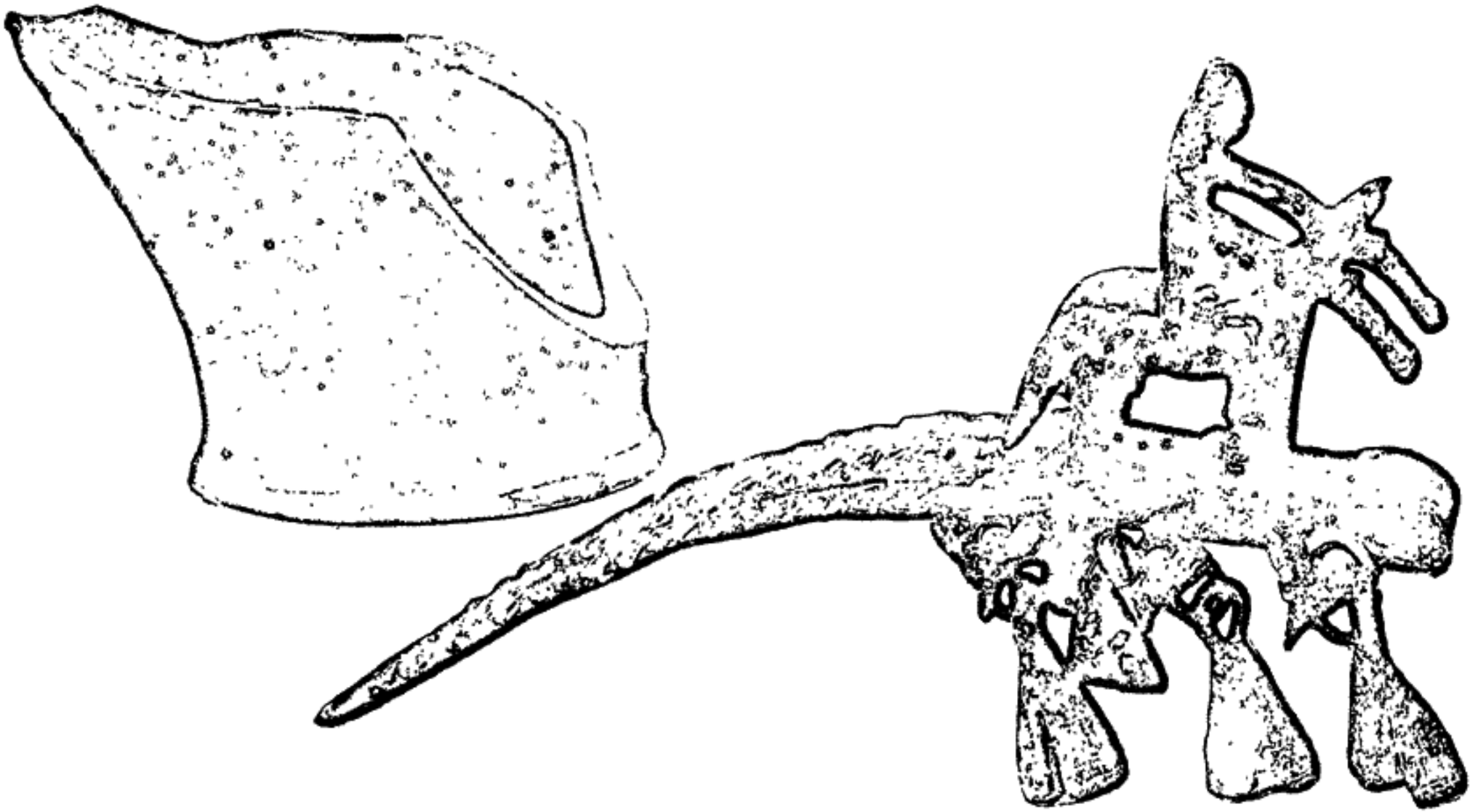
1—4. Фибулы из пос. Синапли. 5. Фибула из пос. Эжнепли. 6. Обломок фибулы из погребения в окрестностях Гудаут 1916 г. 7. Обломок браслета из Гудаутского района. Бронза. Н. в.



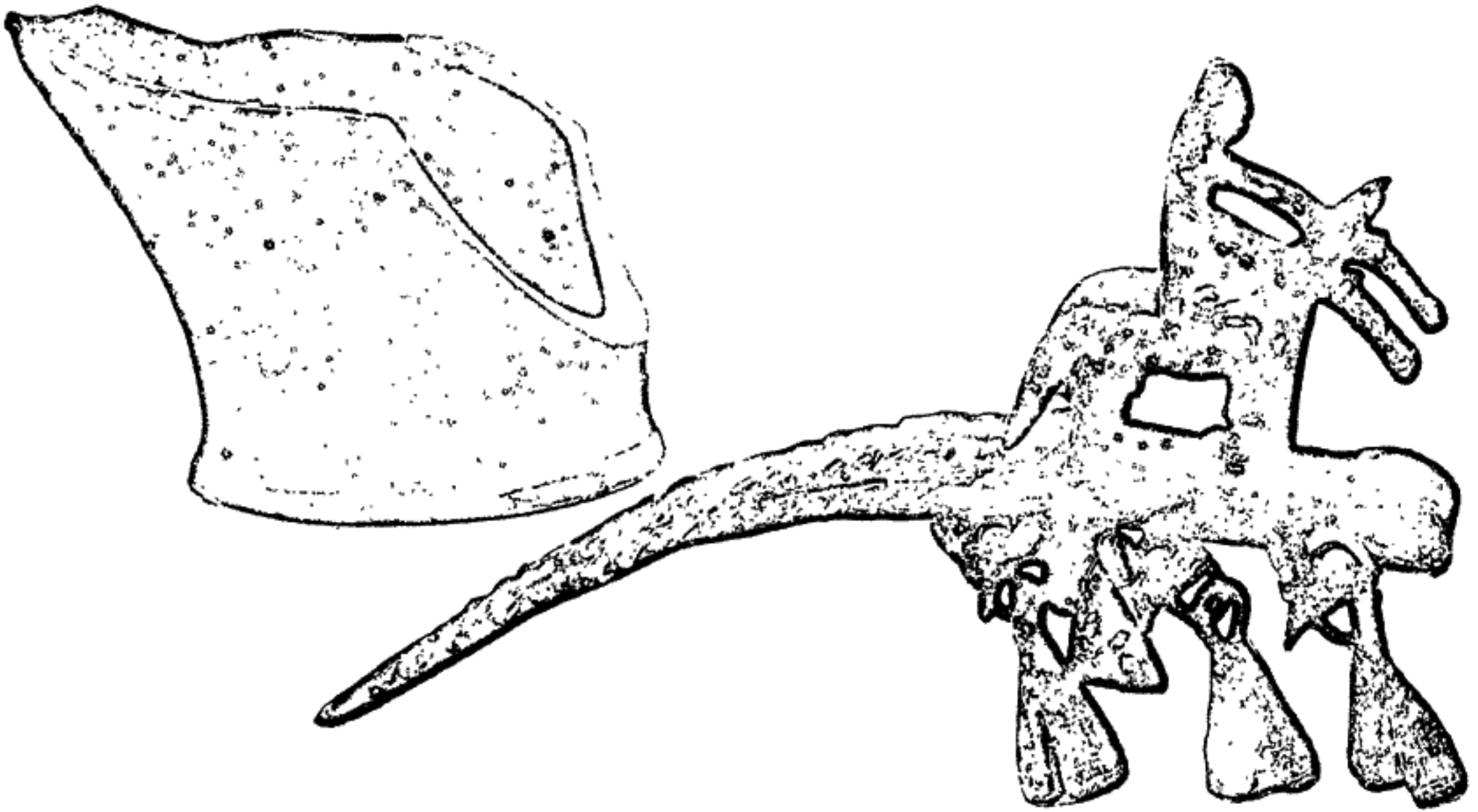
Бронзовый предмет. Бамборская поляна, находка 1911 года. 3/4 н. в.



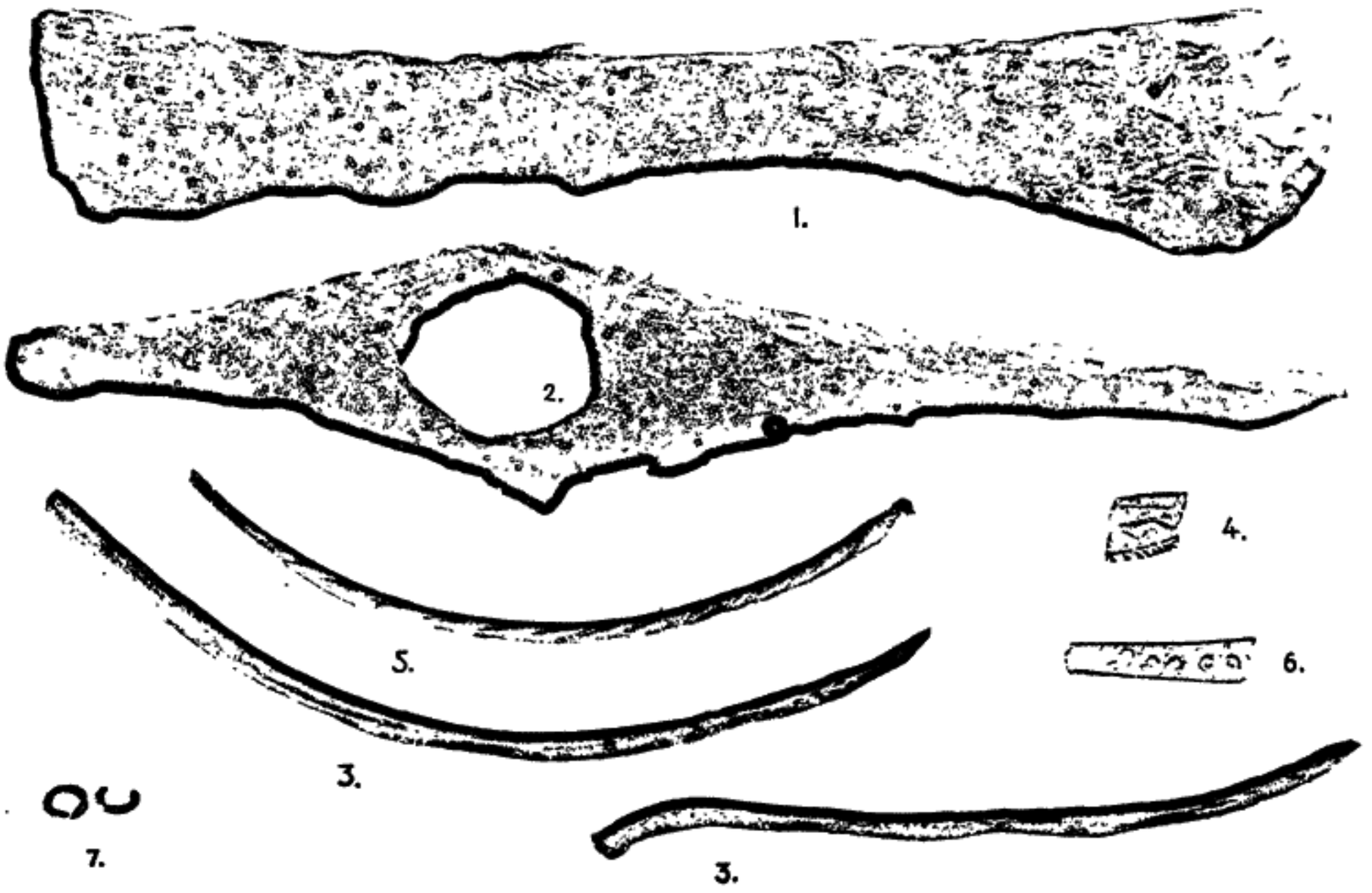
Бронзовый предмет. Бамборская поляна, находка 1911 года. 3/4 н. в.



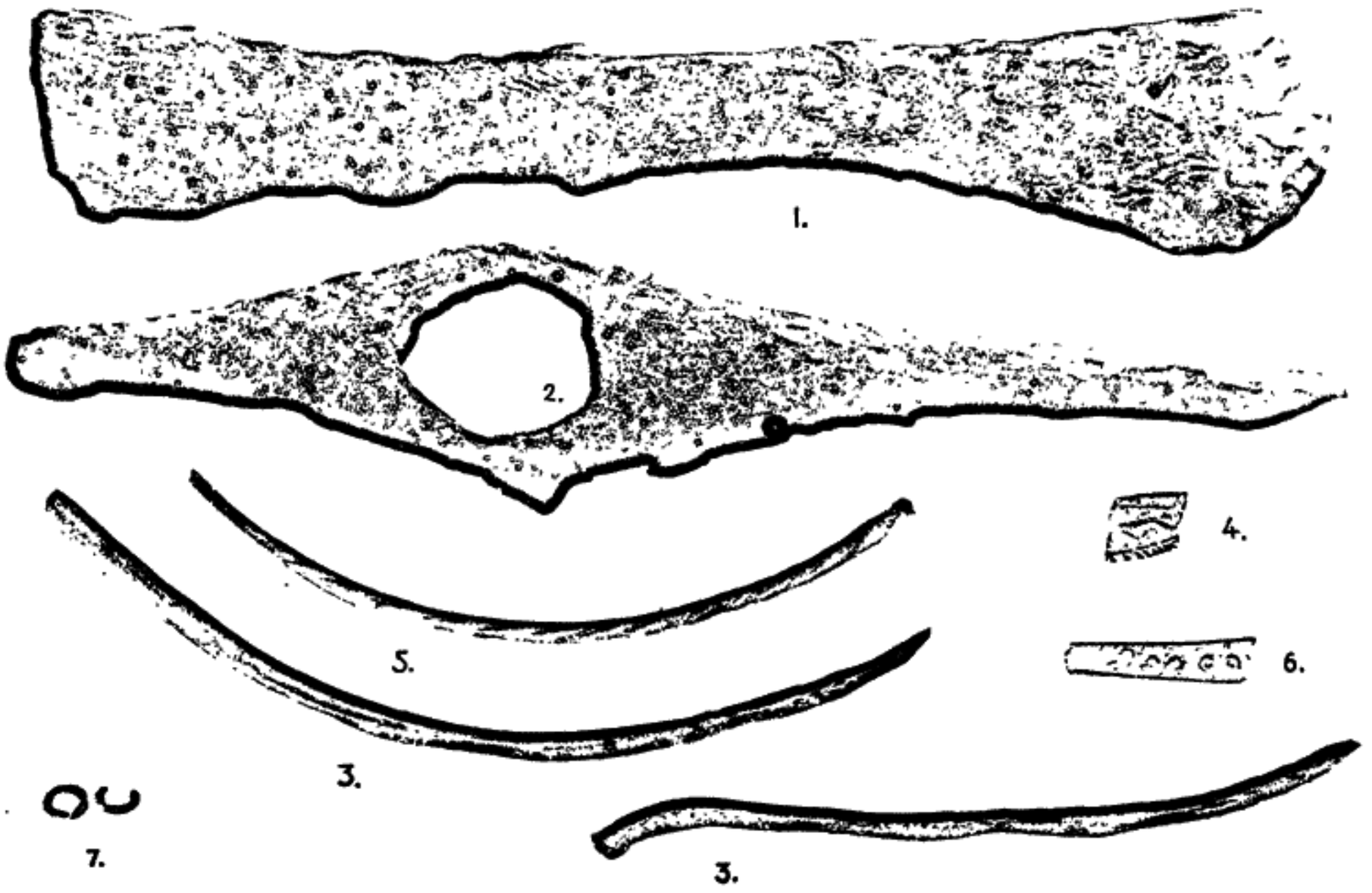
1. Бронзовый предмет с Кавказа в Центр. Ист. музее УССР в Киеве. 2. Донце чернолакового сосуда из Бамборской находки 1911 года. Н. в.



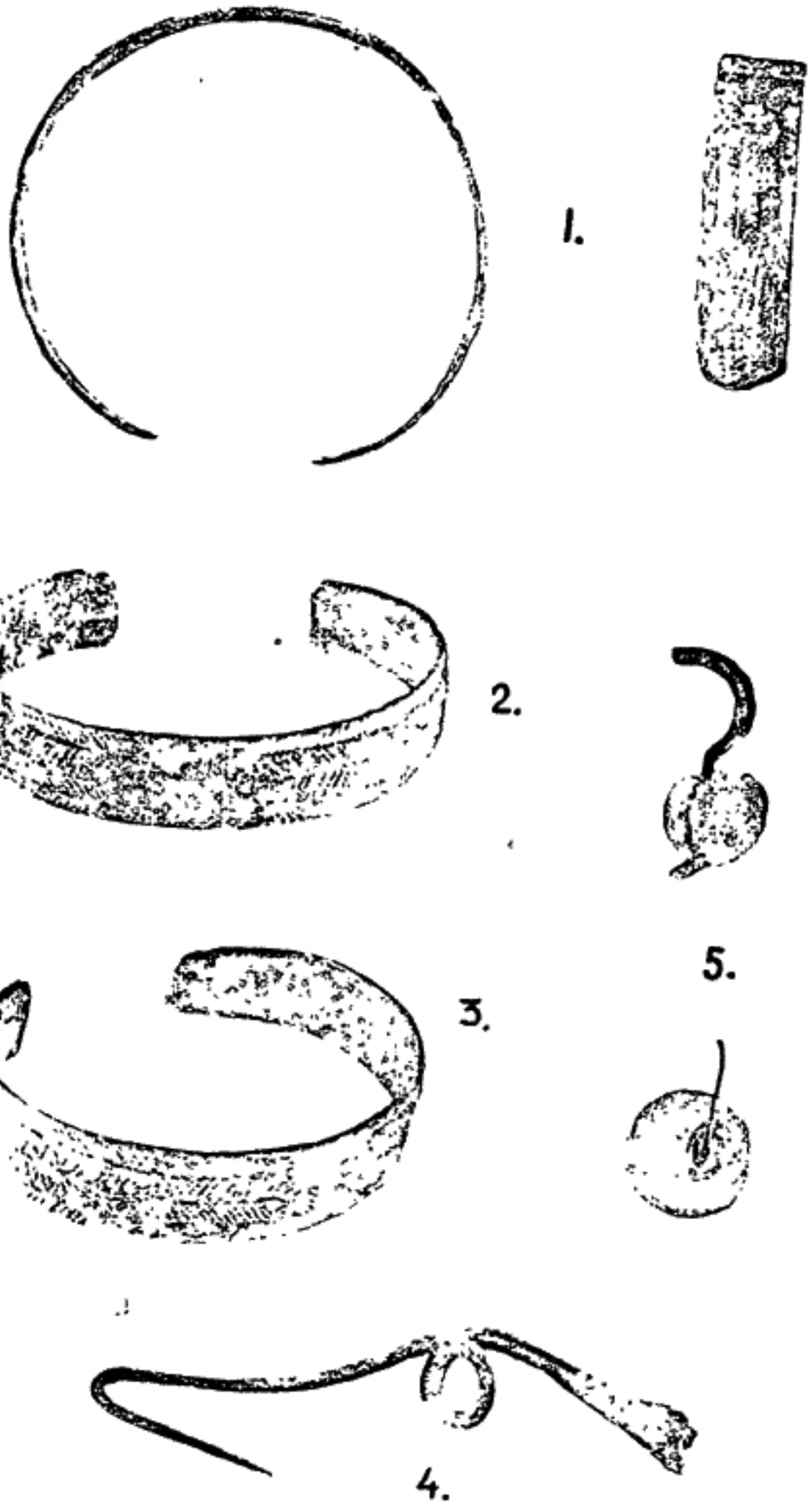
1. Бронзовый предмет с Кавказа в Центр. Ист. музее УССР в Киеве. 2. Донце чернолакового сосуда из Бамборской находки 1911 года. Н. в.



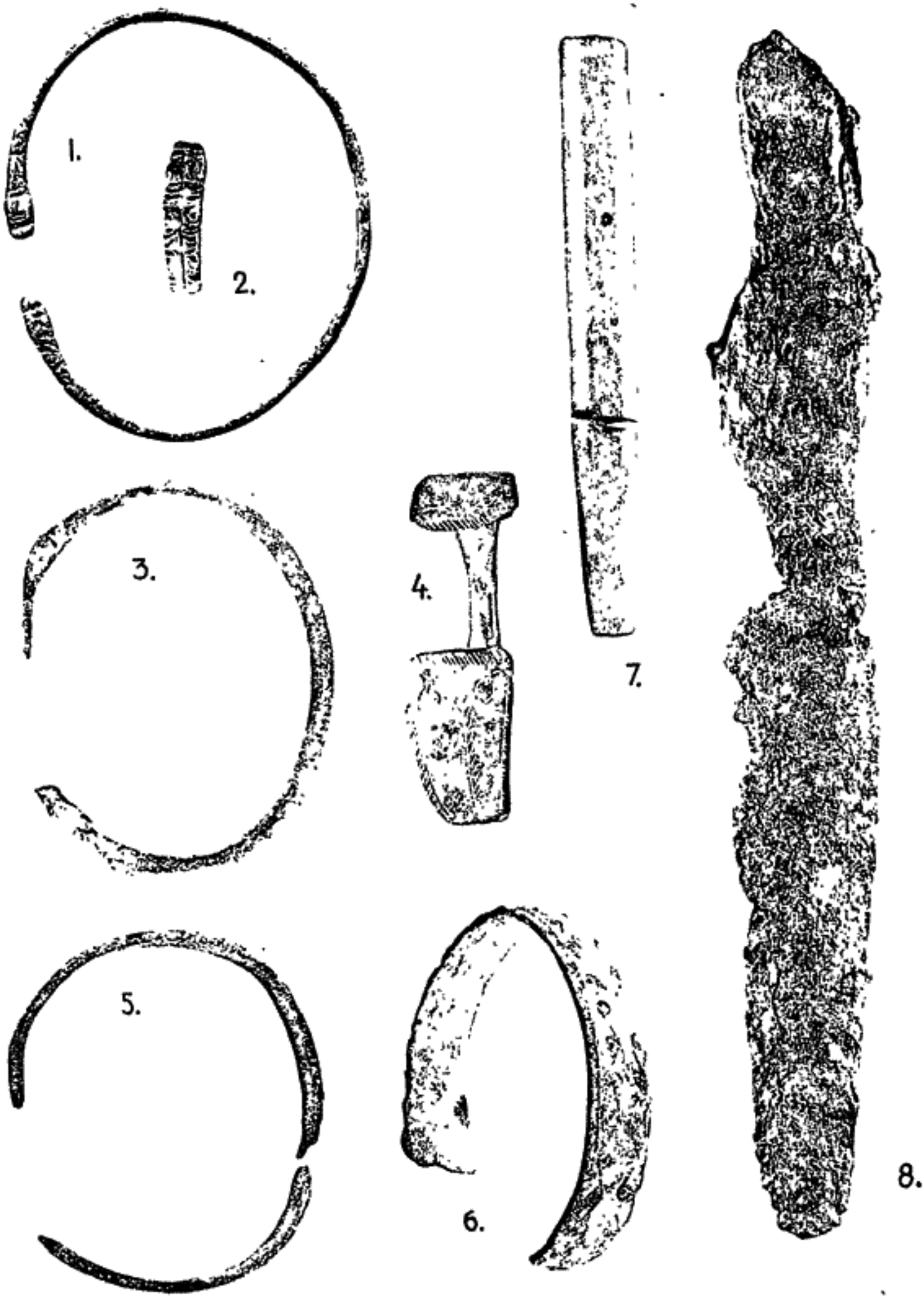
Находка в пос. Адзлагара. 1—2—железо, $^{8}/_{4}$ н. в.; 3—7—бронза, н. в.



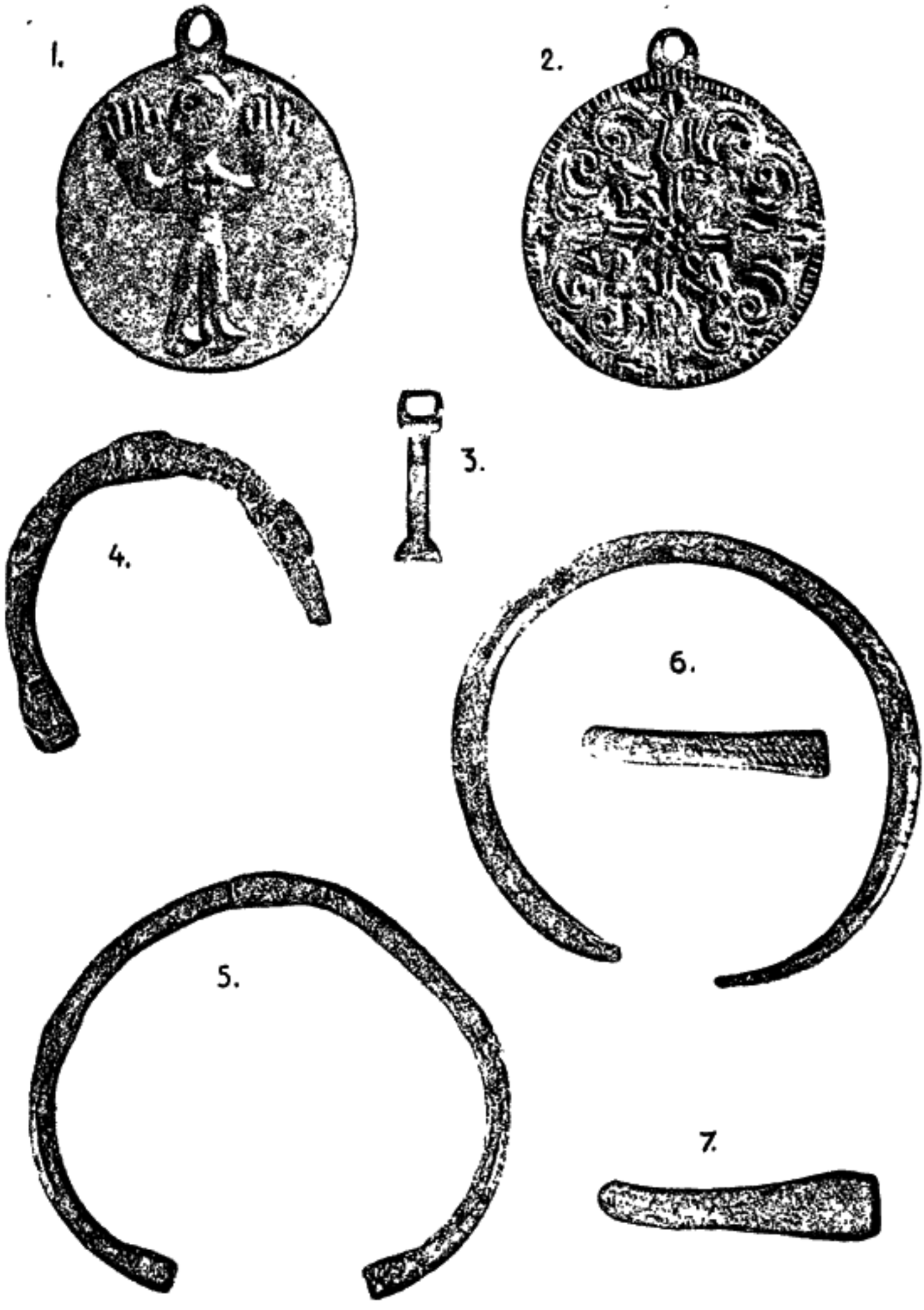
Находка в пос. Адзлагара. 1—2—железо, $^{8}/_{4}$ н. в.; 3—7—бронза, н. в.



Предметы из погребения в окрестностях Гудаут 1915 г.
1—4—бронза; 5—стекло. Н. в.



1—2 и 4. Браслеты из Гудаутского района. 3. Браслет из пос. Эжнепли. 5—8. Предметы из погребения на Бамборской поляне. 1—6—бронза, 7—камень, 8—железо. Ок. 4/5 н. в.



1—2. Медальон из Гудаут. 3. Пластинка из пос. Джаку-архва. 4—7. Браслеты из погребения в пос. Эжнепли. Бронза. Ок. 4/5 н. в.

Серебряная чаша из Гудаут. $^2/_3$ н. в.

of horses, hounds, a sheep and a bird, one statuette of a man and one — of a woman, and a series of small things, such as bells, beads, a bracelet etc. (plates XVI — XX). All the figurines were suspended on bronze perforated plates. Another set, found at Bambory, contained besides an interesting bronze object of unknown destination, adorned by a figure of a phallic rider, and much alike those of the preceding group, a fragment of a greek black-lacquered cotila dating from the IVth century B. C. (plates XXII—XXIII). Another similar object with two riders is in the Kiev Museum (plate XXIII, 1).

Some bronze objects of local manufacture dating from a later period—first millenium A. D.—are also included into the description (plate XXVII).

Finally is described a silver bowl with a Gorgoneion, dating from the hellenistic period and found at Gudauty (plate XXVIII). This bowl proves the existence of foreign connections of the local population.

The paper is concluded by a series of analyses of bronzes that was performed by the Institute of Archaeological Technology in Leningrad.

A. Lukin.